Александр Завьялов

По усадьбам и музеям в 1990-х

12+

Александр Константинович Завьялов

По усадьбам и музеям в 1990-х

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48418621
SelfPub; 2019

Аннотация

В сборник вошли статьи о посещениях в 1990-х годах некоторых усадеб и музеев Подмосковья и Москвы, а также других исторических мест. За прошедшие годы отдельные монастыри и усадьбы уже отреставрированы или восстанавливаются в настоящее время, но еще многие остаются по-прежнему «графскими развалинами» и ждут волонтеров, меценатов и государственных инвестиций.Фото из архива автора.

Содержание

Введение 7
Графские развалины 7
По усадьбам Подмосковья 11
Авдотьино (Ступинский район) 11
Афинеево (Наро-Фоминский район) 17
Болдино (Солнечногорский район) 22
г. Бронницы 26
Валуево (Ленинский район) 31
Васильевское, Покровское (Одинцовский район) 35
Васькино (Чеховский район) 40
Введенское (Одинцовский район) 45
Вороново (Подольский район) 51
Горенки (Балашихинский район) 56
Гребнево (Щелковский район) 61
г. Дзержинский 64
Ершово (Одинцовский район) 69
Знаменское (Одинцовский район) 72
Знаменское-Губайлово (г. Красногорск) 77
Ильинское (Красногорский район) 81
Косино (Люберецкий район) 87
Льялово (Солнечногорский район) 92
Любимовка (Пушкинский район) 97

Марфино (Мытищенский район) 102
Михайловское (Подольский район) 106
Молоди, Мещерское (Чеховский район) 113
Мышецкое (Солнечногорский район) 119
Надеждино (Дмитровский район) 124
Назарьево (Одинцовский район) 131
Никольское-Урюпино (Красногорский район) 135
Одинцово-Архангельское (Домодедовский район) 139
Ольгово (Дмитровский район) 145
Петровское-Алабино (Наро-Фоминский район) 149
Пехра-Яковлевское (Балашихинский район) 153
Подушкино (Одинцовский район) 157
Поливаново (Подольский район) 161
Полтево (Балашихинский район) 166
Старо-Никольское (Наро-Фоминский район) 171
Суханово (Ленинский район) 178
Троицкое (Ленинский район) 182
Уборы (Одинцовский район) 186
Успенское (Одинцовский район) 192
Филимонки (Ленинский район) 198
По музеям Подмосковья 202
Абрамцево 202
Архангельское 209
Болшево 213

Большие Вяземы, Захарово 219
Верея 225
Воскресенск 231
Глинки 235
Горки 239
Домодедово и Константиново 243
Дунино 247
Лыткарино и Петровское 253
Люберцы 258
Мураново 262
Новый Иерусалим 267
Одинцово 273
Остафьево 277
Переделкино 282
Подольск 289
Раменское и Денежниково 293
Сергиев Посад 299
Федоскино 303
Шахматово 308
По Москве 312
Армянский переулок 312
Большая Дмитровка 318
Братцево 321
Варварка 325
Камергерский переулок 329
Кузьминки 333

Кусково 341
Леонтьевский переулок 350
Леонтьевский переулок 355
Малый Знаменский переулок 359
Малый Знаменский переулок 363
Манежная площадь 369
Останкино 373
Подколокольный переулок 377
Царицыно 381
И далее 385
«Трем самозванцам жена…» 385
«Мой край, задумчивый и нежный» 400
Братья Баташовы 408

Введение

Графские развалины

В первом номере журнала «Мир музея» за 1997 год опубликованы два открытых письма от группы руководителей федеральных музеев и группы видных деятелей культуры из Петербурга. Оба письма обращены к председателю правительства В. С. Черномырдину и оба – о бедственном положении музеев и культуры в России.

Снизилось финансирование Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи. Это коснулось крупнейших музеев страны, а что же тогда с остальными?

Вот дополнительно конкретные примеры по Подмосковью. В Историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина сгорел в Захарове года четыре тому назад дом, где жил юный поэт, и Пушкинский праздник проходил в последние годы рядом с пепелищем. В Больших Вяземах того же музея гостевой флигель главного усадебного дома зияет оконными проемами – реставраторы исчезли, едва начав работы. В Шахматове никак не закончится восстановление дома и построек усадьбы А. А. Блока. В плачевном состоянии и церковь Михаила Архангела, в которой венчался Блок. Много лет закрыто на реставрацию Архангельское и т. д. И все,

в основном, упирается в отсутствие денег.

Что же касается старинных русских усадеб, в которых пока еще нет музеев, то здесь положение совсем незавидное. Подмосковные усадьбы, требующие помощи, – это Алабино, Молоди, Никольское-Гагарино, Ольгово, Николо-Урюпино, Болдино, Денежниково, Горенки и др. Повезло тем усадьбам, в которых до последнего времени размещались дома отдыха или санатории солидных организаций, таким, например, усадьбам, как Вороново, Глинки, Валуево.

Где-то еще за заборами усадеб есть признаки вялотекущих реставрационных работ, но темпы разрушения явно опережают.

Нельзя, конечно, рисовать слишком уж безрадостную картину. Открылся, наконец, после более чем десятилетней реставрации музей в Муранове, ускорились реставрационные работы в Марфине. И все-таки музеи и усадьбы нужно спасать.

Музейные работники давно поняли, что «приобщить культуру к рыночной экономике» все-таки придется. В Эрмитаже, например, создан отдел развития и маркетинговых исследований – ищут спонсоров и меценатов, есть «Клуб друзей Эрмитажа». В Поленове планируют постройку небольшой гостиницы со столовой, прачечной, баней.

Но отрадно все-таки, что «процесс пошел». Иногда, правда, помехи возникают из-за формальных мелочей. Например, протекла крыша в одной из комнат Музея-квартиры

А. Н. Толстого в Москве. Пришлось убирать экспонаты, застилать пол пленкой. А рядом с этой комнатой находится небольшой концертный зал музея. Казалось бы, если нет у музея денег на ремонт, можно организовать концерт и на вырученные деньги починить крышу. Но, как объяснили работники музея, деньги, полученные от проведения концерта, идут сначала «наверх», музей является филиалом, а потом музею что-то «выделяют». Так что крыше в музее, наверное, еще долго протекать.

Недостаточное государственное финансирование вынуждает музеи искать дополнительные источники пополнения музейного бюджета. Но нет худа без добра. Создание, с учетом законодательства, при музеях магазинов, кафе или даже ресторанов, а при музеях-заповедниках и гостиниц даст дополнительные рабочие места, будет способствовать развитию туризма.

Если пути спасения музеев для наших музейных работников проясняются, то как спасать подмосковные или, скажем, подпетербургские старинные усадьбы, пока неясно. А ведь это огромный потенциал для будущих музеев и вообще для культуры и отдыха или туризма. Может быть, их изымать у нерадивого или «бедного» пользователя и передавать или сдавать в аренду тем, кто обеспечит их восстановление и сохранность? Важно, чтобы при этом сохранялось культурное назначение усадьбы. Неплохо было бы законодателям, администраторам и работникам культуры еще немного по-

совещаться о том, как не дать русским усадьбам превратиться в «графские развалины».

Июль 1997 г.

По усадьбам Подмосковья

Авдотьино (Ступинский район)
Ревнитель русского просвещения

Деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской поставили в Авдотьине на берегу реки Северки в 1705 году. И в том же году Иван Новиков завещал это село своему сыну Василию, а через двадцать с лишним лет им владел его внук, тоже Иван.

В 1744 году в Авдотьине-Тихвинском в семье Ивана Васильевича Новикова родился второй сын Николай. К тому времени статский советник И. В. Новиков вышел в отставку и обосновался в деревне, хотя в Москве на Большой Ордынке у него был свой дом. В 1749 году было получено разрешение на строительство в Авдотьине новой каменной церкви. А вот колокольню достраивали уже при Николае Ивановиче Новикове, около сорока лет спустя.

Учился Н. И. Новиков в гимназии при Московском университете одновременно с Д. И. Фонвизиным, В. И. Баженовым и будущим фаворитом императрицы Г. А. Потемкиным. Как и положено дворянину, служил, а еще участвовал в дворцовом перевороте Екатерины II, за что был произве-

ден в унтер-офицеры, работал в законодательной комиссии в Кремле вместе с Г. Р. Державиным. В 1768 году он был «от комиссии уволен и отставлен поручиком» и вернулся в Петербург.

В 1769 году в северной столице появился на свет журнал «Всякая всячина», в котором принимала участие и сама императрица. Вслед за этим возникло еще несколько журналов, в том числе и «Трутень» Новикова. Издателю и журналисту, который помышлял о том, «чем бы …оказать хотя малейшую услугу своему Отечеству», было тогда всего 25 лет. Сатирическая полемика «Трутня» со «Всякой всячиной» закончилась закрытием первого журнала Новикова. Но не последнего. Потом были «Живописец» и «Кошелек». Затем последовала публикация «Опыта исторического словаря о русских писателях» и многотомное издание литературных памятников допетровской Руси – «Древняя Российская вивлиофика».

В Петербурге Новиков вступил в масонскую ложу Елагина. Про этих людей А. С. Пушкин писал: «Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали».

Поэт и драматург М. М. Херасков предложил Новикову взять в аренду типографию Московского университета, куратором которого он являлся. Отставной поручик Новиков,

ставший к тому времени уже известным журналистом, переехал в Москву. «Господин Новиков, – писал Н. М. Карамзин, – был в Москве главным распространителем книжной торговли… Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть с умом, с догадкою, с дальновидным соображением».

В Москве Новиковым издано около тысячи наименований книг и журналов, им же издавалась единственная тогда газета «Московские ведомости».

Размах издательской и благотворительной деятельности Новикова беспокоил императрицу, к тому же обнаружилось расположение к масонам Павла. Поэтому Екатерина II своими указами ограничивает, а затем и вовсе вынуждает Новикова прекратить деятельность. Летом 1789 года Новиков переселяется в Авдотьино. Хозяйственные заботы и строительство заполнили теперь его жизнь. Однако императрица не теряет бдительности и велит «послать под каким ни есть видом кого посмотреть, какие строения заводит у себя в деревне Новиков». А строил он дома-«связи» для крестьян и колокольню, как считают, по проекту своего друга архитектора В. И. Баженова. Впрочем, есть предположения, что «вольные каменщики» сооружали на территории усадьбы и подземные ходы, обнаруженные недавно.

…Уже сослан был в Сибирь Радищев. Дошла очередь и до Новикова и его друзей. В апреле 1792 года в усадьбу приезжают с обыском, а затем увозят и самого хозяина. Пятна-

дцать лет пришлось бы провести Новикову в Шлиссельбургской крепости, если бы не смерть Екатерины II. Новый император Павел I повелел освободить и Новикова, и Радищева.

После возвращения в Авдотьино Новиков продолжал строить, принимал у себя друзей. Хозяйство становилось убыточным, а долги были так велики, что после смерти Новикова в 1818 году имение было продано с торгов. Так что вряд ли сохранились в авдотьинских подземельях клады и тайная типография.

От усадьбы Новикова осталась ныне Тихвинская церковь, требующая реставрации, да двухэтажный флигель, в котором и теперь живут люди, как и в крестьянских домах-«связях». На стене флигеля мемориальная доска с надписью: «Здесь жил и умер Николай Иванович Новиков, ревнитель русского просвещения».

Проезд: с Павелецкого вокзала до станции Барыбино, далее автобусом № 56 до села Большое Алексеевское.

Январь 1998 г. Фото из архива автора.

Тихвинская церковь

Усадебный дом

Афинеево (Наро-Фоминский район)
Поместье коллекционера

В XVII веке село Афинеево оказалось во владении окольничего Протасьева. В свое время великий государь Алексей Михайлович за буйную ссору с боярином Хрущевым повелел Протасьева «вместо кнута бить батогами бесщадно». В усадьбе окольничего в 1704–1709 гг. была построена церковь Иоанна Предтечи, а колокольня сооружена несколько позже – на рубеже XVIII–XIX веков.

Во второй половине XVIII века Афинеево перешло к Захарию Егоровичу Волынскому, одному из родственников министра императрицы Анны Иоанновны. При Волынском здесь был построен каменный усадебный дом. А пруды, мосты и парк появились уже при другом владельце – предводителе дворянства Ступишине.

Затем имение купил издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин, который, однако, сюда наведывался редко. Усадьба пришла в запустение, и в конце XIX века красивый барский дом был продан на слом. С той поры Афинеево становится купеческим владением. Сначала в нем поселился московский поставщик мебели Ступин, который завел здесь мельницу, затем купец Власов, начавший приводить имение в порядок и построивший новый каменный дом. В этом-то доме на берегу Десны и поселились в 1913 году последние

владельцы Афинеева – семья Бахрушиных.

Алексей Александрович Бахрушин, фабрикант, меценат, создатель Театрального музея, жил и бывал во многих местах Подмосковья: в Зарайске, Ивановском, Гирееве, Малаховке. В своих «Воспоминаниях» его сын, Юрий Алексеевич Бахрушин, историк театра, педагог, подробно рассказывает о пребывании семьи в Афинееве, о местных жителях, о соседних усадьбах. «Вскоре после нашего переезда к отцу явился священник с группой наиболее почтенных стариков-крестьян с просьбой быть старостой церкви. Отец, недолюбливавший таких должностей, категорически отказался. Произошла некоторая неловкая заминка, после чего один из наиболее старых крестьян сказал:

– Ты уж нас не обижай. У нас завсегда ведется, что помещик – староста. А то так выходит, что ты хочешь от нашего общества отколоться. Против мира ты не иди!».

Но недолго довелось быть церковным старостой и помещиком Алексею Александровичу Бахрушину. После революции Бахрушины не покинули Россию: хотя Театральный музей был передан в дар государству, они не могли бросить свое детище. Алексей Александрович, щедро жертвовавший миллионы на благо общества, получил от советской власти жалованье в 43 рубля и продолжал свое дело.

Старожилы Афинеева помнят еще старый усадебный дом, ныне не существующий. А церковь Иоанна Предтечи помнит и жителей этого дома, и своего старосту – замечательного

человека и великого коллекционера.

Проезд: с Киевского вокзала до станции Апрелевка. Усадьба находится в 4 км от станции.

Февраль 1996 г. Фото из архива автора.

Церковь Иоанна Предтечи

Болдино (Солнечногорский район) Болдинская осень Татищева

В истории русской культуры есть еще одно Болдино, кроме пушкинского, забывать про которое нельзя. Это Болдино, в котором прожил последние годы, осень своей жизни, и умер Василий Никитич Татищев – ученый, историк и вообще заметная фигура российской истории.

Когда началась Северная война, Василию Татищеву исполнилось 14 лет. Он был средним из троих сыновей Никиты Алексеевича, военного человека, происходящего из рода Рюриковичей.

В 1704 году восемнадцатилетний Василий со своим старшим братом был зачислен в драгунский полк и отправлен под Нарву. В Полтавской битве поручик Татищев был ранен. Много лет спустя астраханский губернатор, тайный советник Татищев вспоминал: «Счастлив был для меня тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя».

А между Полтавой и Астраханью была жизнь, полная событий и трудов. В 1716 году Татищева, уже бывавшего за границей «для присмотрения тамошнего военного обхождения», перевели из кавалерии в артиллерию инженер-поручиком первой роты полка Главной полевой артиллерии. Служил он теперь под началом Якова Вилимовича Брюса, сподвижника Петра. Брюс стал «прилежно поохочивать и на-

ставлять» Татищева к занятиям историей и географией.

Инженерные способности Татищева были замечены, и в 1720 году его назначили горным начальником уральских и сибирских заводов – началась другая полоса его жизни. На Урале он, как горный чиновник, вскоре столкнулся со всемогущими Демидовыми, защищая казенную горную промышленность. Дело дошло до суда. В присутствии Петра I высший суд при Сенате, рассмотрев дело, оправдал Татищева, а Демидовых приговорил к штрафу.

Татищев получил чин советника Берг-коллегии и, по поручению Петра, занялся разработкой проекта учреждения на Урале частной акционерной компании по производству меди. Петр знал, что делал. Затем он отправил Татищева в Швецию для призыва потребных к горным и минеральным делам мастеров. В Швеции, как и везде, Татищев собирал «материалы по русской истории». В июле 1725 года он сетовал в письме: «Ежели б я деньги мои имел, то б я все здешние до российской истории касающиеся книги купил…».

Вернулся он в Россию уже после смерти Петра I, когда началась эпоха дворцовых переворотов. Екатерина I, Петр II, Анна Иоановна… «В 1734 году ее императорское величество (Анна Иоановна) повелела отправить меня в Сибирь, – вспоминал Татищев, – для размножения заводов… В 1734 году перевели меня в Оренбургскую комиссию…».

Наконец, в 1745 году, уже при императрице Елизавете Петровне, велено было ему по указу сдать дела своему пре-

емнику и для излечения болезни жить в деревнях. Татищев рапортовал в Сенат, что за высочайшую милость рабски благодарен, что у него есть деревня в Дмитровском уезде, куда он и намерен отправиться. Прибыв в Болдино весной 1746 года, Татищев работал под установленным над ним Сенатом надзором. Он писал: «… от губернии уволен в дом мой, по котором хотя к сочинению Лексикона и Географии многое было заготовлено, но за многими по оным недостатки все кроме Истории оставил».

«История Российская» и «Собрание законов древних русских» были его главными трудами в Болдине до конца дней его 15 июля 1750 года.

Сейчас в усадьбе Татищева запустение. Два года назад, по рассказам местных жителей, в усадебном доме размещалось отделение совхоза. Затем усадьбу сдали в долговременную аренду фирме, которая обязалась провести восстановительные работы за разрешение построить здесь офис и коттеджи для сотрудников. Кроме бетонного забора, других следов деятельности фирмы почти не заметно. Зато опустевший дом быстро растащили, исчез весь бревенчатый второй этаж, окна, двери. Если не принять срочные меры, то и дом, и флигель, и каретный сарай окончательно развалятся. Останутся, может быть, только пруды, вырытые, по преданию, еще при Татищеве. Вот такая история с географией.

Проезд: с Ленинградского вокзала до станции Подсолнечная, автобус № 30 до 74 километра Ленинградского шоссе,

далее пешком.

Июнь 1995 г. Фото из архива автора.

Остатки усадебного дома

г. Бронницы
«Мой первый друг…»

В Марьинке (Марьине), недалеко от Бронниц, было имение Фонвизиных. Генерала и декабриста Михаила Александровича Фонвизина сослали в Сибирь, его жена, Наталья Дмитриевна, оставив двух детей на попечение матери и младшего брата мужа, полковника в отставке Ивана Александровича, поехала за мужем. Братья Фонвизины были племянниками драматурга Д. И. Фонвизина, но отнюдь не были «недорослями», оба отличились в войне 1812 года, получили высокие звания, но, хотя и не были в день восстания на Сенатской площади, оба подверглись аресту и ссылке – Иван Александрович был отправлен в отцовское имение Марьинку, под надзор полиции, а Михаил Александрович – в Сибирь.

Перед возвращением Михаила Александровича из ссылки в 1853 году в Марьинке числилось 10 дворов, а в них 36 душ мужского и 48 – женского пола. Вернувшись, бывший генерал уже не застал в живых ни брата, ни сыновей. Прожив с Натальей Дмитриевной в Марьинке еще около года, декабрист Михаил Александрович Фонвизин умер, оставив свои сочинения и письма в качестве творческого наследия.

После амнистии при Александре II возвратился на родину и другой декабрист Иван Иванович Пущин. Женившись на

вдове Михаила Александровича Фонвизина, Наталье Дмитриевне, он в 1857 году поселился в Марьинке. Здесь в 1859 году, в конце своей жизни, он совершил одно из своих, может быть, наиболее важных для потомков дел, записав свои воспоминания о Пушкине.

«1811 года, в августе, числа решительно не помню, – так начал он свои «Записки о Пушкине», – дед мой, адмирал Пущин, повез меня и двоюродного моего брата Петра, тоже Пущина, к тогдашнему министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому…». Просто, правдиво и деликатно рассказывает о прошлом Пущин: «…я гляжу на Пушкина, не как литератор, а как друг и товарищ».

Шесть счастливых лицейских лет пролетели быстро, в июне 1817 года состоялся выпускной акт и пути их разошлись. Пушкин поступил в Коллегию иностранных дел, Пущин – в гвардию. Тем же летом поступил Пущин и в Союз спасения.

Друзья стали встречаться уже не часто. Отмечали вместе со всеми день Лицея да виделись иногда у «лицейской братии», большей частью у «домоседа Дельвига». Вообще, Пущин старался держаться подальше от «большого света», где, как он считал, «крутится Пушкин», маневры и служба увлекали его из Петербурга.

В мае 1820 года Пущин, возвращаясь из Бессарабии, обнаружил в подорожной книге запись о проезде некого Пушкина в Екатеринослав. Спросил: «Какой это Пушкин?».

Смотритель сказал, что это поэт Александр Сергеевич едет, кажется, на службу, на перекладных, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе. Поэт, который «наводнил Россию возмутительными стихами», как выразился Александр I, был отправлен тогда в «командировку», пока еще на юг.

В последний раз они встретились в Михайловском в январе 1825 года. Пущин, служивший тогда в Москве надворным судьей, оформил отпуск для поездки к родным в Петербург и Псков, и, несмотря на предостережение друзей, отправился в путь. И вот уже, выехав вечером от сестры из Пскова и захватив по дороге три бутылки шампанского «Клико», к утру следующего дня добрался до Михайловского.

«Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный
Твой колокольчик огласил…».

Это стихотворение ссыльному Пущину передали в Сибири, три года спустя, в январе 1828 года…

На площади в Бронницах стоит величественный собор Михаила Архангела, построенный в 1705 году, а рядом Иерусалимская церковь 40-х годов XIX столетия. У алтаря собора, снаружи, находятся могила Ивана Ивановича Пущина, а за ней – распятие на могиле Михаила Александровича

Фонвизина.

В 1859 году, после смерти И. И. Пущина, Наталья Дмитриевна переехала в Москву и прожила там еще десять лет.

Бронницы же еще одной ниточкой связаны с великим поэтом. Здесь был похоронен внук поэта – Александр Александрович Пушкин. Многие годы он прожил в Бронницах, был председателем Бронницкой уездной думы, предводителем уездного дворянства.

Наверное, Александр Александрович бывал на могиле первого друга своего великого дедушки.

Сентябрь 1998 г. Фото из архива автора.

.

Валуево (Ленинский район)
В начале было «Слово»

В декабре 1800 года в Москве вышло в свет первое издание «Слова о полку Игореве». В предисловии указывалось, что рукопись принадлежит издателю сего, действительному тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину.

В «Записках для биографии…» граф писал о себе в третьем лице: «со вступлением его к высочайшему двору в должность церемониймейстера он начал собирать отечественные книги, монеты и рукописи». Екатерина II, сама занимавшаяся русской историей, «удостоила видеть» обширное рукописное собрание графа и некоторые рукописи «оставлять у себя». В 1791 году императрица назначила графа Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода, и в том же году вышел указ о сборе в церквах и монастырях всех имеющихся исторических рукописей и о присылке их в Синод для снятия копий с последующим возвращением оригиналов. Понятно, что такой указ сослужил неплохую службу обер-прокурору в деле пополнения его рукописного собрания.

Собранием российских древностей А. И. Мусина-Пушкина пользовались многие историки. В частности, Н. М. Карамзин. К сожалению, во время московского пожара 1812 года

хранившаяся в Кремле библиотека графа сгорела, как, впрочем, и находившаяся там же рукопись «Истории государства Российского» Карамзина. Но, как известно, рукописи не горят. Еще для Екатерины II был сделан список с текста и выполнен перевод «Слова». Эта копия сохранилась. А в Остафьеве, усадьбе князя А. И. Вяземского, на дочери которого был женат Н. М. Карамзин, сохранился список «Истории».

Граф А. И. Мусин-Пушкин был не только страстным собирателем древностей, но еще и весьма богатым помещиком. Закончив службу в Санкт-Петербурге и переехав в Москву, он немало времени проводил в своей великолепной усадьбе Валуево, неподалеку от второй столицы.

Главный усадебный дом с бельведером и шестиколонным портиком был построен в 1810–1811 гг. Галереями-колоннадами дом соединялся с флигелями, в одном из которых размещалась кухня, а в другом театр. Конный и скотный двор, контора и дом управляющего – все это составляло единый гармоничный ансамбль в стиле классицизма. К берегу речки Ликовки спускался пейзажный парк с каскадом прудов, гротами и «Охотничьим домиком».

После смерти А. И. Мусина-Пушкина усадьба достраивалась и перестраивалась. В 1817 году были сооружены круглые угловые башни, перестроены въездные ворота, появилась баня и водонапорная башня.

Архитектурный ансамбль усадьбы хорошо сохранился до нашего времени. Может быть, благодаря находившемуся в

нем дому отдыха. Вообще, Валуево – одна из немногих усадеб Подмосковья, к которой неприменимы слова «разруха» и «запустение». В последние годы в усадьбе даже велись реставрационные работы.

Проезд: от станции метро «Теплый Стан» автобусом № 531 до остановки «Санаторий «Десна», далее автобусом № 420 до Валуева.

Август 1996 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом

Охотничий домик

Васильевское, Покровское (Одинцовский район) Подмосковное «былое»

Получив при Павле I гвардии капитана, Иван Алексеевич Яковлев подал в отставку и уехал за границу. Пропутешествовав почти двенадцать лет, он вернулся в Россию в 1812 году с семнадцатилетней женой Луизой Гааг из Штутгарта. Через три месяца у них родился сын. Брак родителей не был оформлен, и ребенок получил фамилию, придуманную отцом – Герцен (от немецкого Herz).

После раздела имущества между тремя жившими тогда братьями отцу А.И. Герцена досталось Васильевское. «Я мало видел мест изящнее Васильевского, – писал Герцен в «Былом и думах». – Кто знает Кунцево и Архангельское Юсупова или имение Лопухина против Саввина монастыря, тому довольно сказать, что Васильевское лежит на продолжении того же берега верст тридцать от Саввина монастыря».

Герцен любил длинную тенистую аллею, сад возле старого каменного дома. Вскоре на другой стороне Москвы-реки, на Марьинской горе, отец Герцена выстроил новый дом. «Вид из него обнимал верст пятнадцать кругом: озера нив, колеблясь, стлались без конца; разные усадьбы и села с белеющими церквами видны были там-сям; леса разных цветов де-

лали полукруглую раму, и через все – голубая тесьма Москвы-реки».

Почти каждый год выезжала семья на лето в Васильевское. По дороге останавливались обедать и кормить лошадей в Перхушкове. После 1832 года в Васильевское больше не ездили. Отец продал эту усадьбу в то время, когда Герцен находился в ссылке в Вятке. Дом, к сожалению, не сохранился. На том месте уже другие владельцы усадьбы, представители рода Щербатовых, выстроили большое здание в псевдоклассическом стиле. В нем вскоре после революции побывал вождь мирового пролетариата, а потом был размещен санаторий имени А. И. Герцена.

Но сохранился, вернее наполовину восстановлен, дом в другой подмосковной усадьбе Яковлевых, в Покровском-Засекине. Покровское известно с 1593 года. В 1690 году оно перешло во владение к Жировым-Засекиным, вследствие чего и получило двойное название. С 1785 года село находилось в совместном владении отца Герцена и среднего из братьев, дипломата и сенатора.

В Покровском бревенчатый усадебный дом стоит на холме, над большим прудом. Здесь Герцен бывал в детстве, сюда приезжал в 1838 году из ссылки через несколько месяцев после свадьбы: «Мне было 26 лет, жизнь раскрыла все прелести и упоения. Теперь в 1843 году, измученный многим, с скептицизмом в душе, я ищу у тех же полей участия».

В Покровское в гости к Герцену приезжали друзья: Т. Н.

Грановский, В. Г. Белинский, М. С. Щепкин, В. П. Боткин. Здесь Герцен писал свои «Письма об изучении природы».

А впереди был отъезд на долгие годы за границу. «Все изменилось вокруг: Темза течет вместо Москвы-реки, и чужое племя около… и нет больше дороги на родину…».

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Голицыно. Далее автобусом № 27.

Октябрь 1995 г. Фото из архива автора.

Пруд

Усадебный дом в Покровском

Васькино (Чеховский район)
От декабристов до коммунаров

Село Васькино впервые упоминается в писцовой книге 1627 года. Помещичий двор да шесть крестьянских. В 1689 году сельцо перешло по завещанию окольничему Михаилу Тимофеевичу Лихачеву. Свою службу он начал при царе Алексее Михайловиче, продолжил при царе Федоре Алексеевиче и пользовался большим расположением последнего. Около 1700 года по заказу Лихачева была построена церковь Рождества Богородицы, а село стало называться Рождественским, Васькино тож.

В 1780-х годах в имении был разбит липовый парк регулярной планировки и выкопан большой пруд перед домом, отделенный дамбой от речки Люторки.

Дмитрий Михайлович Щербатов, сын известного историка екатерининского времени, приобрел имение в 1795 году. Князь занялся перестройкой усадьбы и в 1825 году было закончено строительство главного дома.

Дмитрий Михайлович был родственником и опекуном братьев Чаадаевых. Вместе со своей теткой и воспитательницей Анной Михайловной Щербатовой они часто бывали в Васькине. Бывал здесь и другой племянник – будущий декабрист М. М. Свиридов, гостили декабристы И. Д. Якушкин и М. М. Фонвизин. Дочь князя Щербатова, Наталья, вы-

шла замуж за Ф. П. Шаховского. После событий 14 декабря 1825 года он был арестован. Сын князя, капитан Семеновского полка Иван Щербатов за сочувствие к бунтовавшим солдатам разжалован и сослан на Кавказ.

В роду Щербатовых усадьба находилась до 1885 года. Новый владелец, правнук князя Щербатова Сергей Иванович Шаховской, дружил с Чеховым, который жил в то время в соседнем Мелихове. Шаховской был председателем Серпуховской земской управы и помогал Чехову в строительстве школы, больницы, борьбе с холерой.

В 1895 году владельцем Васькина стал племянник поэта А. А. Фета, инженер и писатель В. Н. Семенкович, который, чтобы содержать свой большой дом, пытался сдавать его дачникам. Из этого ничего не вышло и последним владельцем Васькина стал купец Капканчиков.

После революции в усадьбе разместилась школа красных командиров, дом отдыха института народов Востока, а в 1927 году в Васькино приехала швейцарская коммуна «Солидарность» во главе с Фрицем Платтенем. Коммуна была признана образцовым хозяйством Серпуховского уезда. Успехи в следующем году были еще более значительными. Доход приносило не только животноводство, но и выращивание овощей.

На территории артели расположился детский дом для детей революционеров. Его основала Ментона Мозер на деньги, полученные в наследство от отца – швейцарского вла-

дельца часовой фирмы.

А в 1929 году артель «Солидарность» решили объединить с большой артелью местных крестьян. После этого коммуна постепенно развалилась, несмотря на передачу совхоза под управление Межрабпома (Международной рабочей помощи) и сбор средств для этого совхоза среди рабочих Запада. Совхоз превратился в подсобное хозяйство автомобильного завода ЗИС.

Ныне в усадьбе дом отдыха «Васькино». Деревянные стены усадебного дома еще в 1969 году были заменены кирпичными с сохранением прежних форм здания. А вот церковь Рождества Богородицы превратили в гараж. Липовый парк запущен. Лишь тени прошедших веков бродят по его аллеям.

Проезд: с Курского вокзала до станции Чехов, далее автобусом на Нерастанное до остановки «Васькино».

Июнь 1995 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Введенское (Одинцовский район)
Усадьба с видом на Звенигород

Введенское известно как дворцовое село с 1504 года. В 1612 году, после освобождения Москвы от польско-литовских войск, оно было пожаловано князю Д. М. Пожарскому «за московское осадное сидение».

В XVII веке село Введенское принадлежало сначала боярину И. А. Милославскому, затем М. П. Головину. Ни тот, ни другой в нем не жили. В конце того же века оно перешло к обер-гофмаршалу Н. М. Голицыну, который владел тогда и находящимися неподалеку Большими Вяземами.

Введенское не было наследственным имением, поэтому хозяева его часто менялись. Император Павел I подарил Введенское своей фаворитке Лопухиной. Архитектурный ансамбль усадьбы создавался по заказу ее отца, князя П. В. Лопухина. Проектировавший усадьбу архитектор Николай Александрович Львов писал зимой князю: «Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия смотря на окрестности…».

Усадьба расположена на правом, высоком берегу Москвы-реки. На другом берегу – Звенигород, Успенский собор на Городке, Саввино-Сторожевский монастырь. Конечно, было чем любоваться.

О Николае Львове нужно сказать особо. Помимо архитектуры он занимался живописью и историей, был поэтом, издал сборник записанных им народных русских песен, подготовил публикацию русских летописей. Близкий друг Державина и его родственник… Одним словом, фигура для русской истории и культуры довольно значительная, но, увы, незаслуженно забытая. Введенское – не единственный его архитектурный шедевр. Львов строил дворцы по заказам Екатерины II, Павла I, графа А. Р. Воронцова и других вельмож того времени.

А эта усадьба, созданная в стиле классицизма, включает в себя главный двухэтажный дом с колоннами и два флигеля, а также обширный пейзажный парк и конный двор. В 1812 году была построена Введенская церковь, тоже, как считают, по проекту Н. А. Львова.

В конце XIX века усадьба принадлежала фабриканту Якунчикову. Его дочь – художницу Марию Васильевну Якунчикову, называли «певцом Звенигородского уезда». С 13 лет она занималась живописью и рисовала с учениками мужа своей старшей сестры. А мужем ее сестры был известный живописец В. Д. Поленов. У Якунчиковых гостил и работал художник Борисов-Мусатов, бывали Чайковский и Чехов.

В 1884 году Якунчиковы продали усадьбу графу С. Д. Шереметеву, который дал Введенское в приданое своей дочери, вышедшей замуж за графа А. В. Гудовича. Он и владел

усадьбой вплоть до революции.

После 1917 года в имении разместился детский дом, потом совхоз, совпартшкола и с 1933 года – санаторий.

Несмотря на некоторые переделки в нашем веке, ансамбль Введенского отличается классической торжественностью и остается уникальным памятником усадебной архитектуры Подмосковья.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Звенигород. Далее пешком, налево от станции.

Фото: усадебный дом и Введенская церковь.

Март 1995 г. Фото из архива автора.

Вороново (Подольский район)
На Тарутинском направлении

В 80-е годы нашего века Вороново приобрело известность благодаря своей художественной галерее. Галерея теперь закрыта на ремонт, но великолепный архитектурный ансамбль по-прежнему привлекает внимание.

В начале XVI века хозяином Воронова был московский воевода Вороной-Волынский, внук боярина Дмитрия Боброка, проявившего доблесть на Куликовом поле. С 1728 года владельцем усадьбы становится сподвижник Петра I, а позднее кабинет-министр при Анне Иоанновне Артемий Петрович Волынский. В 1740 году Волынский был казнен за участие в заговоре против Бирона – фаворита императрицы, семья его сослана, а имение конфисковано. Но когда на престол взошла Елизавета Петровна, Вороново было возвращено детям Волынского.

В 50–80-е годы XVIII столетия усадьба принадлежала графу Ивану Илларионовичу Воронцову, женатому на дочери Волынского. И. И. Воронцов, брат видного государственного деятеля канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, получил в 1760 году звание генерал-лейтенанта; в 1762 году, при Петре III, был назначен сенатором и направлен в Москву на место управляющего Сенатской конторой. При Екатерине II участь графа переменилась, и его отправили в отстав-

ку. Пришло время заняться благоустройством подмосковной усадьбы.

При Воронцовых по проекту архитектора Н. А. Львова в усадьбе строится дом-дворец, конный двор, расширяется парк, заканчивающийся большим прудом. Другой архитектор – К. И. Бланк – возводит церковь Спаса Нерукотворного, а рядом с ней – многоярусную колокольню. По проекту Бланка строится и прекрасный Голландский домик с мансардой под высокой черепичной крышей, считающийся жемчужиной усадьбы.

В 1800 году, когда строительство архитектурного ансамбля было уже практически завершено, усадьба перешла во владение московского генерал-губернатора графа Федора Васильевича Ростопчина. Это при нем «…Москва, спаленная пожаром, французу отдана». Не повезло и вороновскому имению. Дело в том, что в 1812 году через него проходили русские войска к Тарутинскому лагерю. Ростопчин, находившийся в арьергарде войск, при отступлении приказал поджечь свою собственную усадьбу. Лишь через одиннадцать лет главный дом был восстановлен, но выглядел уже несколько иначе и без прежней роскоши.

В середине XIX века Вороново приобрел граф А. Д. Шереметев. Затем оно перешло к его брату Сергею, а непосредственно перед революцией принадлежало А. С. Сабуровой, дочери С. Шереметева.

В усадьбе Вороново уже давно находится дом отдыха.

Церковь и небольшое кладбище отгорожены от остальной территории забором. Колокольня при этом остро нуждается в ремонте. Правда, что касается главного усадебного дома и Голландского домика, то они отреставрированы и выглядят отлично. А о пожаре 1812 года в усадьбе хранят память, может быть, только камни угловой башни, оставшейся от построек конного двора – немой свидетельницы тех героических событий.

Проезд: с Курского вокзала до Подольска, далее автобусом № 34. Или от станции метро «Теплый Стан» автобусом № 508.

Май 1997 г. Фото из архива автора.

Голландский домик

Горенки (Балашихинский район)
«Как хороши, как свежи были розы»

Удивительна и необычна история рода Разумовских. Сын украинского пастуха, Алексей Розум, певший в церковном хоре, был вывезен в Петербург и через некоторое время стал графом Разумовским, фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Брат же его, Кирилл, в пятнадцать лет был отправлен за границу для завершения образования, а в двадцать два года занял пост президента Петербургской Академии наук. Впоследствии Кириллу Григорьевичу Разумовскому выпала роль последнего гетмана Украины.

Владелец усадьбы Горенки, граф Алексей Кириллович Разумовский, сын гетмана, служил в Петербурге при дворе. Был назначен сенатором. Но в 1795 году вышел в отставку и поселился в Москве, в своем дворце на Гороховом поле (ныне улица Казакова). Здесь у него был большой ботанический сад, простиравшийся до самой Яузы. Затем Алексей Кириллович разошелся со своей женой Варварой Петровной Шереметевой и совсем удалился от света, поселившись в Горенках и с головой уйдя в занятия ботаникой.

Одновременно он принялся за обустройство усадьбы. В 1780–90-х годах в Горенках был построен прекрасный дом-дворец, как предполагают, по проекту архитектора А. А. Менеласа. Перед домом располагался зверинец с прудом, окру-

женный валами и рвом. Боковые двухэтажные крылья дома придавали ему в плане П-образный вид. По другую сторону дома был разбит обширный парк, спускавшийся к речке Горенке.

Однако всецело посвятить себя ботанике граф не мог – служба. В 1807 году он был назначен попечителем Московского университета, а затем, в 1810 году, произведя благоприятное впечатление на императора Александра I, стал министром народного просвещения.

И вновь Петербург. Во время министерского правления А. К. Разумовского был основан Царскосельский лицей, где на экзамене граф услышал стихи молодого Пушкина. «Существует известие, – писал в книге «Старая Москва» историк М. М. Пыляев, – что после экзамена у Разумовского был торжественный обед, на который был приглашен и отец поэта. Обращаясь к отцу Пушкина, Разумовский сказал ему:

– Я бы хотел, однако ж, образовать вашего сына в прозе.

– Оставьте его поэтом, – пророчески и с необыкновенным жаром возразил Державин». Что ответил министру отец поэта, история умалчивает.

Наконец, в 1816 году А. К. Разумовский вышел в отставку окончательно и снова переехал в Москву, где, выражаясь современным языком, вернулся к своему «хобби». А размах его ботанической деятельности был велик. В штате у графа числились профессора и адъюнкты, для которых на сезонные и поденные работы нанималось множество работников.

Каталог сада в Горенках насчитывал семь тысяч растений.

«Большая часть растений расположена в семи отдельных корпусах, заключающих шестнадцать оранжерей, из них одиннадцать разных температур и пять теплиц», – описывал усадьбу путешественник и дипломат П. П. Свиньин. Специальный флигель в парке занимали коллекции минералов и гербарий. В отдельном здании размещалась библиотека. Граф оплачивал ботанические и геологические экспедиции своих сотрудников и вообще поставил дело на уровень хорошего научного института.

Интересен такой факт: летом 1818 года в Москве гостила императрица Мария Федоровна и граф ежедневно посылал ей из Горенок букеты свежих роз.

А вот сыновья Алексея Кирилловича не были склонны к наукам. После его смерти в 1822 году и переговоров с наследниками из Горенок в Петербург был вывезен гербарий. Библиотеку и большую часть тепличных растений вывез для своего Архангельского купивший усадьбу князь Н. Б. Юсупов.

Последний хозяин усадьбы, промышленник Севрюгов, задумал вернуть Горенкам первоначальный вид. Пригласил архитектора С. Е. Чернышева и начал восстановительные работы. Но закончить их до революции не успел.

Сегодня редкие пациенты находящегося здесь санатория «Красная роза» гуляют по заброшенному саду, а полуразрушенные колоннады зарастают отнюдь не экзотическими рас-

тениями.

Проезд: с Курского вокзала до станции Горенки, далее пешком в сторону Горьковского шоссе. Или от станции метро «Измайловский парк» автобусом № 336.

Октябрь 1996 г. Фото из архива автора.

Галерея

Усадебный дом

Гребнево (Щелковский район)
В Гребневе собирались русские литераторы

Усадьба Гребнево в русской культуре известна как место встречи литераторов конца XVIII века. Здесь бывали Г. Р. Державин и М. М. Херасков (автор «Россиады», героической поэмы о взятии Казани Иваном IV), И. Ф. Богданович и Н. И. Новиков. В конце XVI века усадьба принадлежала приближенному Ивана Грозного – боярину Б. Я. Бельскому. Затем более 150 лет она находилась во владении князей Трубецких, у которых была куплена генералом Г. И. Бибиковым. Архитектурный ансамбль усадьбы создан по заказу Бибикова в 1780–1790 годах. При новых владельцах Гребнева – Голицыных – усадьба подверглась реконструкции. В 1817–1823 годах архитектор Н. И. Дерюгин придал постройкам более ампирный вид. В таком виде Гребнево и сохранилось (если можно так сказать) до наших дней. Ансамбль состоит из центрального жилого комплекса, церковного комплекса, хозяйственного двора и парка. При входе в усадьбу посетителя встречают парадные ворота в виде триумфальной арки, поставленные в 1818–1819 годах. Чугунные кованые решетки ворот изготовлены на уральских заводах Голицыных. Перед главным домом, в котором недавно случился пожар, справа

и слева стоят двухэтажные флигели, украшенные пилястровыми портиками и фронтонами. Ценными памятниками архитектуры являются две усадебные церкви, построенные на отдельном участке за парком. Летняя Гребневская церковь, увенчанная бронзовой позолоченной фигурой ангела с крестом, построена в 1786–1791 годах учеником М. Ф. Казакова, архитектором И. И. Ветровым. Зимняя Никольская церковь возведена в 1817–1823 годах архитекторами И. И. Ольделли и Н. И. Дерюгиным.

Автором проекта считается А. Н. Воронихин. В отделке интерьера участвовал Д. И. Жилярди. Эта церковь – пример ярусного центрического храма «под звоном». Над ярусом звона находится помещение для механизма башенных часов. К парадному двору примыкает старинный парк с прудами, окруженный каменной оградой. Обширный пейзажный парк раскинулся и на острове среди пруда, образованного речкой Любосеевкой.

Уникальный архитектурный ансамбль Гребнева мог бы стать после реставрации, считают специалисты, соперником таких усадеб, как Архангельское, Останкино, Кузьминки.

Проезд: с Ярославского вокзала до станции Фрязино. Усадьба находится в 5 километрах от станции.

Апрель 1995 г. Фото из архива автора.

Никольская церковь

г. Дзержинский
Монастырь, основанный Дмитрием Донским

Великий князь московский Дмитрий Иоаннович вел войска свои на давнего врага Руси Мамая и остановился на ночлег на берегу Москвы-реки. Здесь в звездном сиянии явилась ему икона Николая Чудотворца. Князь, терзаемый сомнениями насчет исхода военный действий, счел этот знак видимым проявлением благословения Божия и воскликнул: «Сия вся угреша (т.е. согрела) сердце мое!». На обратном пути с Куликова поля после победы над врагом князь повелел воздвигнуть на месте чудного видения храм и устроить здесь обитель иноческую. Так, по преданию, был основан в 1380 году Дмитрием Донским Николо-Угрешский монастырь.

Монастырь этот часто навещали русские государи. Эти визиты в обитель называли «Угрешскими походами». Царь Михаил Федорович совершил девять таких «походов». В 1614 году он присутствовал, по-видимому, на освящении Николаевского собора. Следующий российский самодержец Алексей Михайлович побывал в Николо-Угрешском монастыре тринадцать раз. Так что царскими дарами монастырь обижен не был: здесь были построены Государевы палаты и

Патриаршьи кельи.

Почтил своим присутствием монастырь и Петр I: проплыв по Москве-реке под парусами на знаменитом Измайловском боте в сопровождении флотилии легких гребных судов, он причалил к берегу возле монастыря.

В 1771 году на империю обрушилась страшная беда – эпидемия чумы. В монастыре был открыт лазарет, куда поступали тяжелобольные. В следующем веке обитель вместе со всей страной пережила другое испытание – нашествие Наполеона. Монастырь, конечно, пострадал, но церковные ценности, хранившиеся в ризнице, были своевременно вывезены в Вологду.

В конце XIX века в монастыре было девять храмов и множество других построек, в том числе грандиозная шестиярусная колокольня. В то время настоятелем монастыря был архимандрит Пимен, рачительный хозяин, да к тому же историк и немного поэт. Он составил «Исторический очерк Николаевского Угрешского монастыря» и сочинил опубликованную в 1881 году поэму «На развалинах монастыря». Как считал Пимен, монастырь со времени перенесения столицы из Москвы в Петербург и уничтожения патриаршества пришел в упадок:

«… Кто святотатственной рукою
Обитель мира разорил:
Монголом, Шведом иль Литвою

Сей монастырь разграблен был?…
Все пусто, дико стало ныне
В стенах обители былой,
Но дышат все еще святыни:
Могилы, кельи, храм пустой…»

Если бы архимандрит Пимен увидел свой монастырь в XX веке – что бы он написал?!

Наверное, нет необходимости перечислять все учреждения, конторы и фабрики, располагавшиеся долгие годы на территории монастыря. Но все рано или поздно возвращается на круги своя: в начале 90-х годов обитель была возвращена церкви. Уже пять лет проводятся богослужения в Успенской церкви. В прошлом году с помощью вертолета водрузили крест на купол Преображенского собора. Конечно, вряд ли теперь можно будет восстановить разрушенный в 1940 году Никольский собор или «укороченную» в годы войны колокольню. Но жизнь в монастыре налаживается. Уже работает воскресная школа, возрождается монастырское хозяйство.

Проезд: от станции метро «Кузьминки» автобусом № 470.

Апрель 1996 г. Фото из архива автора.

Николо-Угрешский монастырь

Ершово (Одинцовский район)
Усадьба Ершово: скромно, но со вкусом

Подмосковные усадьбы стали «…пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свиблова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало, уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра теперь тлеют в зале…» – писал А. С. Пушкин.

И впрямь, усадьбы конца 20–30-х годов XIX века обходились уже без театров и беседок, стали попроще. Но все же в них есть на что посмотреть. К примеру, усадьба Ершово, построенная в первой половине прошлого столетия, скромная и сравнительно небольшая, привлекала внимание постройками архитектора А. Г. Григорьева.

Афанасий Григорьевич Григорьев (1782–1868) прошел первоначальный курс архитектуры в доме зодчего Джованни Жилярди. Там он очень подружился с сыном своего учителя, Доменико Жилярди. Их совместной работой стало создание знаменитого архитектурного ансамбля – усадьбы Кузьминки. Афанасию Григорьеву принадлежат проекты домов Хрущевых-Селезневых (музей А. С. Пушкина) и Лопухиных-Станицких (музей Л. Н. Толстого) на Пречистенке, зда-

ния Опекунского совета (ныне Академии медицинских наук).

В 1828–1829 годах А. Г. Григорьев построил Троицкую церковь в Ершове, имении графа В. Д. Олсуфьева. Это была традиционная для древней русской архитектуры церковь-колокольня, но только выдержанная в стиле ампир. Несколько позже, в 1837 году, Григорьев построил главный усадебный дом. Фасад его, обращенный к пруду, был украшен портиком с четырьмя колоннами. Григорьев придавал большое значение пропорциям фасадов: если архитектор «положит верное отношение между вышины и длины, он обойдет большую обыкновенность и сделает разные со вкусом украшения и даст этим ход своей композиции».

Граф Василий Дмитриевич Олсуфьев, носивший придворное звание обер-гофмейстера, умер в 1858 году в Риме. После его кончины усадьба до 1917 года принадлежала Олсуфьевым.

3 июля 1869 года Ершово посетили императрица Мария Александровна с великой княжной и свитой. Для них Ершово было остановкой по пути следования из Ильинского – подмосковного владения Александра II – в Саввино-Сторожевский монастырь. Встречали сиятельных особ дочь графа Ольга Васильевна Олсуфьева с мужем А. А. Васильчиковым.

На сегодняшний день главный дом и другие усадебные постройки довольно хорошо сохранились благодаря тому, что на территории бывшей усадьбы находится дом отдыха. А вот

церковь в 1941 году была взорвана фашистами.

Проезд: от Белорусского вокзала до станции Звенигород, далее автобусом № 25.

Июль 1996 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Знаменское (Одинцовский район) Президентская резиденция

Дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов сделал карьеру при царе Иване Грозном. Сначала он управлял Разрядным приказом, затем – Посольским. Причем Щелкалов был «сослуживцем» Бориса Годунова. Годунов хвалил дьяка Щелкалова: «Ему было бы прилично служить Александру Македонскому». В 1584 году сельцо Денисово стало вотчиной Щелкалова. Впрочем, невелика была вотчина – шесть домов крестьянских и два пустых.

А вот Кирилл Полуэктович (Полуектович) Нарышкин не стремился делать карьеру. Но дочь его Наталья Кирилловна вышла замуж за царя Алексея Михайловича. А после рождения в 1672 году внука (будущего Петра I) он стал боярином. При боярине Нарышкине построена была в Денисове (Денисьеве) деревянная Знаменская церковь, и село стало называться Знаменским.

Другой владелец села – боярин Борис Иванович Прозоровский, будучи бездетным, завещал Знаменское (Денисьево-Знаменское) императрице Екатерине I, от которой село перешло Елизавете Петровне. Та же в свою очередь, став императрицей, пожаловала село графу Алексею Григорьевичу Разумовскому, одному из своих фаворитов, с которым она даже тайно повенчалась в 1742 году в другом подмосковном

селе, Перове. Новая кирпичная церковь построена была в Знаменском при Алексее Григорьевиче Разумовском только в 1769 году.

Граф Алексей Григорьевич не увлекался дворцовыми интригами, довольствуясь своим высоким положением, поэтому остался «на высоте» и при Екатерине II. Легенда гласит, что старый граф сжег на глазах у канцлера Воронцова документы о тайном браке со словами: «Я не был ничем более, чем верным рабом Ее Величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих…».

Наследником Алексея Григорьевича стал в 1771 году младший брат Кирилл Разумовский, также не забытый Елизаветой Петровной. Чуть ли не из деревни попал он, сын черниговского казака Григория Розума, в Берлин, где обучался у лучших ученых того времени. В 1746 году он был назначен президентом Академии наук. Граф Кирилл Григорьевич продал в 1779 году Знаменское Ивану Ивановичу Шувалову, последнему фавориту Елизаветы Петровны.

Ивану Шувалову было о чем вспоминать в Знаменском! В июле 1749 года Ее Величество обратила внимание на 22-летнего красавца Шувалова, который сразу был принят в свиту императрицы и назначен камер-юнкером. Иван Иванович мог вспомнить и о других не менее важных событиях своей жизни – основании вместе с Ломоносовым Московского университета, куратором которого был Шувалов, о созда-

нии Академии художеств в Петербурге и прочих своих добрых делах. Иван Иванович отказался от титула и поместий, предложенных ему императрицей. «Шувалов всегда бескорыстен, – писал о нем один из современников, – действовал мягко и со всеми ровно и добродушно». После смерти И. И. Шувалова в 1797 году село перешло его сестре, которая была женой князя Николая Федоровича Голицына. Заканчивался XVIII век, и открывалась другая страница истории села. Подробнее история Знаменского описана в книге «Одинцовская земля» (М.,1994).

Теперь, два века спустя, стоит, как и прежде, на берегу Москвы-реки церковь Знамения Пресвятой Богородицы, отреставрированная в последние годы. До этого в ней было зернохранилище, склад, неоднократно горела она в огне пожаров советского времени. А вот от усадебных построек, по-видимому, не осталось и следов. Жаль! Ведь здесь, возможно, жили или бывали президенты-основатели российских академий.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Усово, далее автобусом.

Июль 1998 г. Фото из архива автора.

Церковь Знамения Пресвятой Богородицы

Знаменское-Губайлово (г. Красногорск) От Крыма до стен столицы

Недалеко от Москвы, на Волоколамском шоссе, стоит усадьба Знаменское-Губайлово. Трудно не заметить справа от шоссе красивую Знаменскую церковь.

В начале XVII века усадьба, а тогда еще пустошь, принадлежала Семену Васильевичу Волынскому. В 1668 году имение унаследовал его племянник Иван Федорович Волынский. При нем сельцо называлось Губайлово и находилось здесь спустя десять лет «2 двора вотчинников и 9 дворов сокольничьих, хлебниковых, псарских и конюховых». В 1683 году боярин Иван Федорович Волынский построил церковь Знаменскую, о чем и бил челом великому государю в Поместном приказе.

Князю Василию Михайловичу Долгорукову село досталось во второй половине XVIII века в качестве приданого Анастасии Васильевны, правнучки И. Ф.Волынского.

Княжеский род Долгоруковых попал в опалу при Петре I в связи с делом царевича Алексея и позже – при Анне Иоановне. В. М. Долгоруков начал военную службу солдатом в неполные тринадцать лет, хотя и был племянником фельдмаршала. Отец Василия Михайловича занимал пост

Сибирского губернатора еще при Петре I, затем был членом Верховного Тайного Совета, губернатором Астрахани, потом очутился в ссылке, как и его брат, фельдмаршал. Так что помочь в продвижении по служебной лестнице молодому солдату было некому. И хотя он отличился в армии фельдмаршала Миниха при штурме Перекопа, карьера его вплоть до кончины Анны Иоановны не продвигалась.

Новая императрица Елизавета Петровна вернула из ссылки всех родственников В. М. Долгорукова, а он был пожалован в поручики и за четыре года дослужился до чина полковника. В Семилетней войне Василий Михайлович участвовал, уже будучи генерал-майором. При Екатерине II В. М. Долгоруков был произведен в генерал-аншефы и снова штурмовал Перекоп – уже во главе 2-й армии, а затем подписывал договор, по которому Крым переходил от Турции под покровительство России.

Екатерина II в личном послании поблагодарила князя и наградила орденом Георгия I степени и подарками, а чуть позже В. М. Долгоруков получил приставку к фамилии – Крымский. Но князь ожидал фельдмаршальского звания, которое другие полководцы получали и за меньшие заслуги. Он обиделся и подал в отставку.

Настало время сельской жизни в кругу семьи. Впрочем, карьера Василия Михайловича Долгорукова на этом не закончилась. Не прошло и пяти лет, как он снова был призван на службу и назначен генерал-губернатором Москвы. Прав-

да, прослужил он на этом посту менее года – до своей смерти в 1782 году.

Знаменское-Губайлово находилось во владении рода Долгоруковых до 1836 года. Затем, сменив несколько владельцев, перешло в 1885 году в собственность фабрикантов Поляковых. В 1906 году А. Я. Поляков издал краткое историческое описание усадьбы с фотографиями.

В главном усадебном доме теперь детский центр, в вестибюле которого висит мемориальная табличка с именами побывавших здесь поэтов: Белого, Бальмонта, Балтрушайтиса, Брюсова. В боковых флигелях расположился нарсуд, другие здания занимают отдел милиции и автошкола. А вот будет ли здесь когда-нибудь вновь единый архитектурный ансамбль?

Проезд: от станции метро «Тушинская» автобусом № 542.

Октябрь 1997 г. Фото из архива автора.

Знаменская церковь на реставрации.

Ильинское (Красногорский район) Государевы села в Звенигородском уезде

Село Ильинское относилось к разряду государевых до 1634 года, пока не было пожаловано в вотчину Василию Ивановичу Стрешневу, заведовавшему Приказом золотого дела, а также Серебряной палатой. В 1633 году В. И. Стрешнев был послан в Пермь на поиски золотой руды. Нашел ли он там золото, неизвестно, а вот медь нашел, за что и получил Ильинское. После В. И. Стрешнева село перешло к боярину Семену Лукьяновичу Стрешневу, любимому дяде царя Алексея Михайловича. При другом владельце села (тоже Василии Ивановиче и тоже Стрешневе) в 1732–1735 гг. вместо старой деревянной была построена каменная Ильинская церковь, как полагают, по проекту архитектора А. П. Евлашева.

По завещанию последнего владельца Ильинского из рода Стрешневых село перешло его племяннику, графу Ивану Андреевичу Остерману, а от него графу Александру Ивановичу Остерману-Толстому. При нем заново был отстроен двухэтажный деревянный дом, разбит парк с оранжереями, павильонами и летним театром. Названия у этих павильонов были весьма оригинальные: «Миловид», «Приют для прия-

телей», «Не чуй горя».

В 1830–1840-х гг. в Ильинском жили поэт и собиратель народных песен Киреевский, историк Грановский. В 1834 году судьба привела сюда опального поэта Полежаева: он гостил в Ильинском по приглашению Бибиковых, родственников хозяина. В свое время одним из управляющих усадьбой был писатель Лажечников.

Граф А. И. Остерман-Толстой, герой Кульмской битвы, передал Ильинское своему племяннику Л. М. Голицыну, у вдовы которого оно и было куплено в 1864 году по повелению императора Александра II.

«1 сентября 1865 года Государь и Государыня прибыли в Ильинское на двухнедельное в нем пребывание», – писал историк М. П. Степанов. К этому времени Ильинское уже было обустроено. В главном доме-дворце разместились, кроме императора и императрицы, великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович, великая княжна Мария Александровна и сопровождающие их лица.

Однажды на прогулке государь заехал в расположенное неподалеку Усово и разговаривал с владелицей этого села Ольгой Александровной Вельяминовой. В 1867 году Усово было куплено Удельным ведомством у следующего владельца села генерал-майора Казакова для императрицы Марии Александровны. Усадьба состояла из господского деревянного дома с мезонином, каменного двухэтажного людского флигеля и кирпичного здания бывшего спичечного завода,

а также хозяйственных построек. Неподалеку от дома, на правом берегу речки Медвенки стояла водяная мельница. В 1765 году в Усове была построена каменная Спасская церковь. На средства императрицы этот храм отремонтировали, а также построили здание для сельского училища.

В 1880 году императрица Мария Александровна умерла, а Александр II был убит террористом в 1881 году. Ильинское и Усово перешло их сыну, великому князю Сергею Александровичу, занимавшему с 1891 года пост московского генерал-губернатора. «Очень высокого роста, весьма породистой красоты и чрезвычайно элегантный, он производил впечатление исключительно холодного человека», – так описывал великого князя А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора. В Ильинском Сергей Александрович отдыхал каждое лето. Тогда не было конца веселым балам, пикникам и выездам.

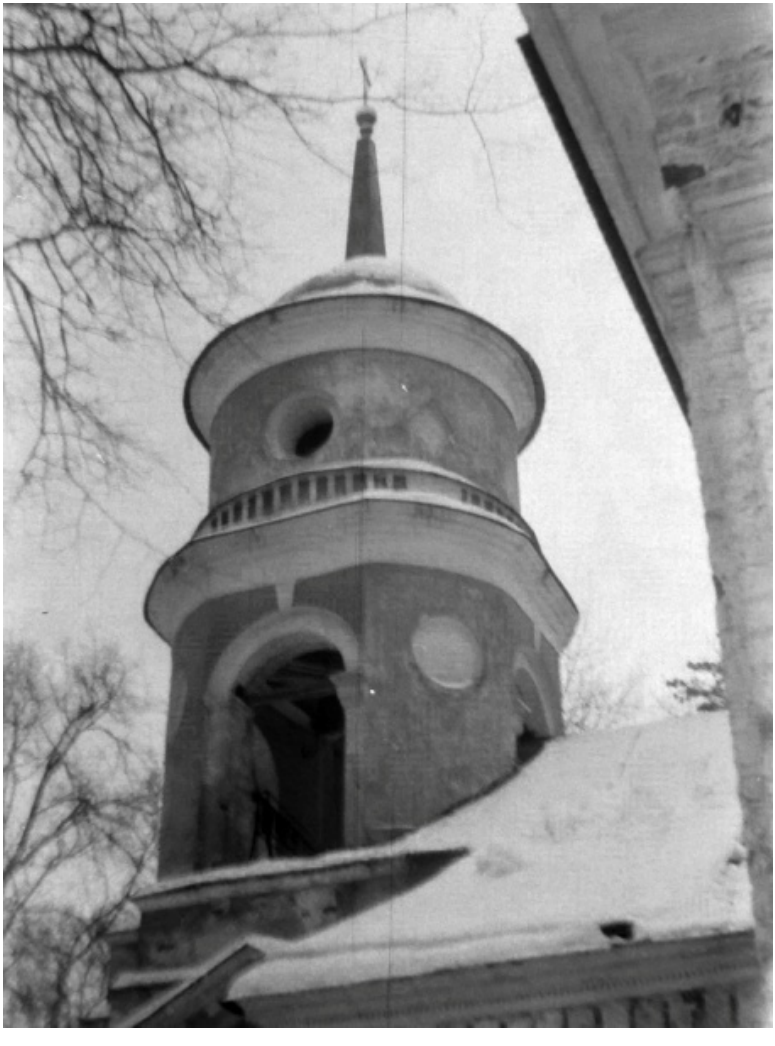
«В 1896 году была коронация Николая II, – писала в своих воспоминаниях С. Н. Голицына, жившая в соседнем Петровском, – после всех торжеств царская семья поехала в Ильинское к деде Сергею Александровичу, а мы поспешили в Петровское… В Архангельском есть свой прелестный театр. Пригласили певцов, оркестр и поставили оперу «Севильский цирюльник». Спектакль удался на славу, Все ильинское общество с Государем во главе приехало на это торжество».

Сергей Александрович был убит в феврале 1905 года. Его вдова великая княгиня Елизавета Федоровна приняла мо-

нашеский постриг и посвятила себя благотворительной деятельности. Жизнь ее, так же, как и жизнь супруга, закончилась трагически – она была арестована и погибла в алапаевской шахте в июле 1918 года.

Территории усадеб в Ильинском и Усове сейчас за высоким забором. Ильинская церковь – действующая, в ней проводятся реставрационные работы.

Май 1996 г. Фото из архива автора.



Косино (Люберецкий район)
Косино стоит на трех озерах

«А из московских сел дал есмь княгине своей… Косино с тремя озеры…», – писал в своей духовной грамоте князь Владимир Андреевич Серпуховской в начале XV века. А еще раньше Великий князь Московский Иван Калита упомянул в завещании «село у озера», имея в виду, по мнению историков, тоже Косино. Среди прочих именитых владельцев села выделяется первый царь из дома Романовых – Михаил Федорович, подаривший Косино Телепневым.

В 1673 году здесь была построена при боярине И. С. Телепневе деревянная Никольская церковь, простоявшая до пожара уже в советское время.

В конце XVII века Косино ненадолго попадает в сферу деятельности Петра I. У восточного берега Белого озера были построены, как считают, пристани для петровской флотилии. Позднее флотилия была перевезена на Переяславское озеро.

Московский купец Дмитрий Александрович Лухманов, купив в 1814 году разграбленное конницей французского маршала Мюрата Косино со всеми угодьями, активно занялся строительством. В 1823 году он выстроил на свои средства летнюю церковь Успения Богородицы, в 1826-м – зимний храм во имя Николая Чудотворца, а на Святом озере –

часовню.

Следующий владелец Косино – купец и фабрикант Михаил Елисеевич Горбачев, строит уже не церковь, а ленточную фабрику. Новое время, новые песни!

В конце XIX века косинские озера, имеющие ледниковое происхождение, заинтересовали ученых. В 1908 году здесь создается биологическая станция Московского университета.

В послереволюционные годы судьба Косино складывалась сначала не так уж плохо. В 1923 году по решению Совнаркома даже был организован Косинский заповедник. Но благих намерений советской власти надолго не хватило. В заповеднике начинается разработка новых земель, вырубаются леса.

Последнее десятилетие привнесло иные тенденции в жизнь этой московской окраины. Почти завершена реставрация храмов. На общем церковном дворе вновь построена деревянная Никольская церковь.

В десяти минутах ходьбы от Белого озера находится озеро Святое. Когда-то на его берегу стояла, как рассказывают, церковь, которая затонула. Уж не часовня ли купца Лухманова? Теперь ежегодно в начале июня на этом месте совершается молебен.

Воды и грязи Святого озера считались лечебными. Здесь, по преданию, залечивали раны воины Дмитрия Донского.

Озеро живо и сейчас, рыба, судя по количеству рыбаков на нем, пока есть. Да и целебные свойства озера, наверное,

еще сохранились.

Черное озеро соединяется с Белым протокой, через которую построен пешеходный мостик. Часть берега занята огородами, другая используется для отдыха.

«Косино с тремя озеры» – это живописный, исторический уголок московской земли. Уцелеют ли деревянные домики на Белом озере, не станут ли мыть машины в Святом? Эти вопросы должны волновать не только местных жителей, но и городские власти.

Проезд: от станции метро «Выхино».

Январь 1995 г. Фото из архива автора.

Построенная заново деревянная церковь

Льялово (Солнечногорский район) Морозовка или Газпромовка?

В XVI веке село Льялово входило в вотчину князя Семена Ивановича Стародубского, воеводы царя Ивана IV. В следующем столетии оно становится владением князя Григория Петровича Ромодановского, деятеля эпохи Смутного времени. Один из владельцев села, Михаил Григорьевич Ромодановский, служил при Петре I и был членом «всепьянейшего собора». Другой Ромодановский – Иван Федорович – возглавлял, как и его отец, Федор Юрьевич, Преображенский приказ, ведавший делами о политических и государственных преступлениях. В 1736 году село перешло по наследству к его дочери Екатерине Ивановне, которая вышла замуж за графа Михаила Гавриловича Головкина.

Вице-канцлер граф Головкин после дворцового переворота Елизаветы Петровны был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. Его жена Екатерина Ивановна последовала за ним: «Любила мужа в счастьи, люблю его и в несчастьи, и одной милости прошу, чтоб с ним быть неразлучно». Конфискованное у графа Головкина Льялово императрица пожаловала барону Николаю Андреевичу Корфу.

В 1800 году в имении, принадлежавшем тогда помещице Е. И. Козицкой, строится новая каменная церковь Рождества

Пресвятой Богородицы на месте старой деревянной. В те же годы закладывается и общая планировка усадьбы.

Затем почти сорок лет усадьбой владели князья Белосельские-Белозерские, у которых, как считал историк московского купечества П. А. Бурышкин, купил имение Николай Давыдович Морозов. Но краеведы нашли еще одного владельца – купца А. Т. Денисова, успевшего еще до Морозовых вырубить весь старый усадебный сад.

Николай Давыдович Морозов – внук основателя Богородско-Глуховской мануфактуры Ивана Захаровича Морозова – долго жил в Англии, изучая английскую хлопчатобумажную промышленность. «Он вел суровую борьбу против отдельных попыток всякого рода злоупотреблений и бесчестностей в торгово-промышленном обиходе: неплатежей, невыполнения обязательств по контрактам, нарушения данного слова и пр.», – вспоминал П. А. Бурышкин.

В Льялове архитектор Александр Васильевич Кузнецов строит большой дом «в стиле английского замка», конюшню, оранжерею и ферму. Разбивает новый усадебный парк…

После революции усадьбу «национализировали», устроив в ней дом отдыха ВЦИК. В свое время здесь бывали Горький, Луначарский… Сын Горького М. А. Пешков писал: «Внешний вид дома – смесь китайской пагоды, средневекового замка и парохода. Внутри замечательно отделан черным дубом и пол, и потолок. Замечательный парк с прудом и лодкой, сад…».

Этот дом во время войны сгорел, сохранились только здания конюшни и оранжереи, да еще парк. Новое помещение для дома отдыха построено было уже в 1953 году.

С 1991 года усадьба находится в ведении «Газпрома», благодаря чему здесь активно ведутся ремонтно-реставрационные работы. Но увидеть результаты этих работ не каждому дано, поскольку территория надежно охраняется. Но можно посетить церковь и осмотреть здание конюшни, приспособленное под гараж.

…За этой усадьбой закрепилось название «Морозовка». Хотелось бы надеяться, что люди, которые не имеют счастья работать в Газпроме, могли, хотя бы по определенным дням, приезжать на экскурсию сюда, в Морозовку, а не разглядывать усадьбу через забор.

Проезд: с Ленинградского вокзала до станции Крюково, далее автобусом № 33.

Февраль 1998 г. Фото из архива автора.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы

Любимовка (Пушкинский район)
Любите ли вы Любимовку?

Усадьба Любимовка на Клязьме принадлежала с 1869 года Сергею Владимировичу Алексееву и его сестре. «Семья Алексеевых – одна из самых старых московских купеческих фамилий. Происходят они из крестьян сельца Добродеева Ярославской губернии…» – так написано в книге П. А. Бурышкина «Москва купеческая». Предок их, Алексей Петрович (1724–1775), значится в списках московского купечества с 1746 года.

Сергей Владимирович, отец Станиславского, поощряя театральные увлечения молодежи, построил в Любимовке двухэтажный флигель для любительского театра.

К. С. Станиславский хорошо помнил свое первое, в возрасте 3–4 лет, сценическое выступление: «Передо мной зажгли свечу, скрытую в хворосте, изображавшем костер, а в руки мне дали деревяшку, которую я будто бы совал в огонь… Не успели открыть занавес, как я с большим интересом и любопытством протянул руку с деревяшкой к огню. Мне казалось, что было вполне естественное и логическое действие… вспыхнул пожар. Все всполошились и подняли крик. Меня схватили и унесли через двор в дом, в детскую, а я горько плакал».

В Любимовке же в июне 1897 года завершилась известная

беседа Станиславского и В.Немировича-Данченко, в результате которой был создан Художественный театр.

А в 1902 году в Любимовке провели лето А. П. Чехов вместе с О. Л. Книппер-Чеховой. «Я живу в Любимовке, на даче у Алексеева, – писал он А. М. Горькому, – и с утра до вечера ужу рыбу. Речка здесь прекрасная, глубокая, рыбы много. И я так обленился, что самому даже противно становится». Между прочим, здесь Чехов работал над пьесой «Вишневый сад».

При входе в усадьбу красуется табличка с надписью: Мемориально-культурный центр им. К. С. Станиславского «Любимовка». А за многообещающей табличкой – полуразрушенные усадебные строения, груды бревен, оставшихся от стоявших на берегу Клязьмы домов, разбитые автомашины. Но в центре этого «хозяйственного двора» стоит павильон золотоканительной фабрики, директором которой был Станиславский. Перевезен он в Любимовку с Ходынского поля после закрытия Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года. В усадьбе, в этом павильоне пели Ф. И. Шаляпин и Л. В. Собинов.

«С реки доносятся бешеные аплодисменты целой флотилии лодок, собравшихся со всех окрестностей слушать неизвестного певца, будущую знаменитость. Я аккомпанирую. В гостиной аплодирует моя мать, Станиславский, Лилина… Сколько проведено было таких вечеров» – писал В. С. Алексеев, брат Константина Сергеевича, в письме к Л. В. Соби-

нову.

Теперь в усадьбе дом отдыха. Интересно, часто ли отдыхают в Любимовке ответственные работники, от которых хоть в какой-то мере зависит дальнейшая реставрация усадьбы?

Проезд: с Ярославского вокзала до станции Пушкино, далее автобусом № 28.

Май 1995 г. Фото из архива автора.

Церковь, в которой венчались К. С. Станиславский и М. П. Лилина.

Марфино (Мытищенский район) «Только для Марфина»

Историк В. О.Ключевский писал, что князь Голицын был человек умный и образованный, говорил по-латыни, но «пил непрестанно» и, правя Казанским Дворцом почти неограниченно, разорил Поволжье. Впрочем, князь Б. А. Голицын более известен потомкам как воспитатель Петра I.

При Голицыне в 1701–1707 годах в усадьбе Марфино была построена Рождественская церковь по проекту крепостного зодчего В. И. Белозерова. Это единственная постройка, сохранившаяся от того периода усадебного строительства. Возле церкви находится и могила зодчего.

В 1728 году Марфино перешло во владение Салтыковых. В 1760–1770 годах по заказу московского главнокомандующего, фельдмаршала П. С. Салтыкова, прославившегося победой над Фридрихом II, были построены главный дом с двумя флигелями, театр, двухэтажные псарные корпуса с восьмиколонными портиками и разбиты регулярный и пейзажный парки.

В спектаклях, которые ставились в усадьбе, участвовали В. Л. Пушкин, дядя великого поэта, и Н. М. Карамзин. «Только для Марфина», – так назывался водевиль, написанный Карамзиным. Бывал здесь и поэт И. И. Дмитриев.

В войну 1812 года Марфино было разрушено. Позже, при

графе В. Г. Орлове, тогдашнем владельце усадьбы, начались восстановительные работы, которыми руководил его крепостной архитектор Ф. Тугаров. Здания были восстановлены в стиле ампир.

А облик средневекового замка усадебный комплекс приобрел после его реконструкции архитектором М. Д. Быковским. В то время усадьба принадлежала Паниным. Ученик знаменитого Д. Жилярди, архитектор Быковский, кардинально изменивший фасады и интерьеры зданий, построил и красивейший мостик через пруд. Это был главный вход в усадьбу. Обе арки моста облицованы белым камнем и соединены ажурной галереей с аркадами и зубцами. Реконструирована и церковь Петра и Павла, сооруженная в 1770-х годах как зимняя церковь недалеко от церкви Рождества Богородицы, Вновь построены въездные ворота, пристань с двумя грифонами и скотный двор.

Церковь Петра и Павла сейчас снова действующая. Этот храм принадлежит к редкому для конца XVIII века типу церкви «под звоном». Интерьер храма оформлен в стиле классицизма. Наверху, вокруг колоннады, помещаются хоры, огражденные точеным балясником.

В аллеях парка находятся беседки. Одна из них – полуротонда, которую использовали, видимо, как музыкальный павильон, другая – двухъярусная, со статуей Аполлона Бельведерского наверху.

Главный дом усадьбы, с флигелями, за последние годы,

начиная еще с «доперестроечных» лет, дошел до жуткого состояния. Соседствующий с усадьбой санаторий министерства обороны «признал» два усадебных псарных корпуса с колоннами. Эти дома отреставрированы и кажется, что они принадлежат к современному санаторному комплексу.

Главный же дом никому, наверное, давно уже не принадлежит и вид его, а также и флигелей, скоро будет напоминать для отдыхающих места недавних боевых действий. Бетонный забор вокруг дома должен, по-видимому, обозначать идущую реставрацию, но, если такими темпами пойдет реставрация, забор «переживет» ограждаемый объект. Поэтому смотреть на Марфино сейчас лучше с другого берега пруда.

Проезд: с Савеловского вокзала до станции Катуар, далее автобусом № 37.

Июль 1995 г. Фото из архива автора.

В усадьбе Марфино

Михайловское (Подольский район)
Михайловское под Москвой

Если у станции метро Теплый стан сесть в 512 автобус, то, приблизительно через час, он привезет вас в Новомихайловское, где расположена великолепная усадьба XVIII века «Михайловское».

Это не пушкинское Михайловское, но, тем не менее, здесь прекрасный парк с прудом, внизу долина реки Пахры, а наверху двухэтажный дом с мезонином и балконом над входом. Дом построен в 80-х годах XVIII столетия по проекту архитектора И. Е. Старова для тульского и калужского наместника генерала М. Н. Кречетникова. То был «век золотой Екатерины».

«Сей дом построен в первой половине царствования Екатерины II Генерал-Аншефом и Наместником Тульским и Калужским Михаилом Никитичем Кречетниковым. В 1816 году приобретен вместе с Михайловским имением Марией Семеновной Бахметевой, рожденной Княжной Львовой с наследниками ея сестрою Анной Семеновной и племянником Сергеем Васильевичем Шереметевыми, счастливо проживавшими здесь со всею семьею. В … году продан Варварой Петровной Шереметевой Алексею Сергеевичу Мусину-Пушкину. Во исполнении заветного желания Графини Анны Сергеевны и брата ея Василия Сергеевича Шереметe-

вых с ближайшею их семьею, приобретен и возвращен Графом Сергеем Дмитриевичем и Графиней Екатериной Павловной Шереметевыми в 1870 году».

Графиня Екатерина Павловна Шереметева была внучкой поэта и государственного деятеля князя Петра Андреевича Вяземского и дочерью сына поэта, Павла Петровича Вяземского, основавшего в 1877 году в Петербурге Общество любителей древней письменности, которое занималось изучением и изданием русских документальных памятников. После смерти в 1888 году Павла Петровича президентом Общества стал Сергей Дмитриевич Шереметев. Он же выкупил у Опекунского совета усадьбу Вяземских, знаменитое Остафьево, и перевез остафьевский архив в Михайловское. Еще при жизни Петра Вяземского, С. Д. Шереметев предпринял издание сочинений поэта, а потом и сочинений его сына Павла.

Шереметевы не только породнились с Вяземскими, но и стали хранителями остафьевского наследия, ведь сын Сергея Дмитриевича, Павел Сергеевич Шереметев, после революции не эмигрировал, а стал директором созданного в 1918 году музея в Остафьеве. Правда, музей просуществовал тогда только до 1928 года, а Павел Сергеевич, отдавший все свое состояние советской власти, умер в годы войны, как полагают, от истощения, но это уже другая драма.

Теперь в усадьбе Михайловское санаторий. Пройдите по тенистым аллеям, посидите на скамеечке возле усадебной

колокольни, подумайте о тех, по ком мог бы звонить ее колокол.

Сентябрь 1997 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Колокольня

Молоди, Мещерское (Чеховский район) По берегам Рожайки

Если Вам случится проезжать по Симферопольскому шоссе недалеко от платформы Колхозная, что в шестидесяти с небольшим километрах от Москвы, сверните ненадолго в поселок Молоди. В 1572 году в сражении при Молодях было разбито войско хана Девлет-Гирея.

Уже издалека видна Воскресенская церковь в стиле классицизма с двумя колокольнями. Церковь стоит на высоком берегу речки Рожайки, возле моста. Построена она была в 1706 году в селе, пожалованном в 1699 году Петром I боярину Федору Алексеевичу Головину – русскому государственному деятелю и дипломату.

Сближаясь в конце XVII века с Западом, Россия поставила перед собой первоочередной задачей прекратить столкновения на отдаленном Востоке с китайцами. В 1689 году окольничий Федор Головин с войском и вместе с тем в качестве великого полномочного посла прибыл в Нерчинск, где уже стояли лагерем китайские великие послы. Здесь после долгих переговоров был подписан Нерчинский договор, определивший границы с Цинской империей: «Река, именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с ле-

вой стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими государствы постановить…».

В марте 1697 года в поморские страны Европы выехало великое посольство, целью которого было «подтверждение древней дружбы и любви, ослабление врагов креста господня, салтана турского, хана крымского и всех бусурманских орд». Среди великих полномочных послов ехал генерал и воинский комиссарий, наместник сибирский Федор Алексеевич Головин. Между дворянами и волонтерами, которые состояли при послах, был Преображенского полка урядник Петр Михайлов, но трудно укрыться царю под этим псевдонимом.

До конца своей жизни поддерживал Ф. А. Головин реформы Петра: был главой Посольского приказа, генерал-адмиралом, генерал-фельдмаршалом, первым кавалером ордена Андрея Первозванного.

В 1736 году подмосковное имение Головина перешло к Салтыковым, а затем, в конце XVIII века – к Домашневым, перестроившим усадебный комплекс

В настоящее время в усадьбе находятся, кроме церкви и небольшой усыпальницы в церковной ограде, господский дом, двухэтажный, кирпичный, с фасадом, украшенным пилястровым портиком с фронтоном, служебный флигель да амбар.

В доме еще недавно была школа, но для школы построили другое здание, и старый усадебный дом, как и флигель, ока-

зались заброшенными и зияют теперь выбитыми окнами.

В огромном усадебном парке с лучевой планировкой сохранились еще аллеи и пруды, конечно, порядком запущенные.

Правда, Воскресенская церковь теперь действующая, и остается только, наверное, ее прихожанам просить Всевышнего, чтобы не допустил окончательного разрушения всей усадьбы.

Проехав чуть дальше, по шоссе можно свернуть на Мещерское. Здесь с конца XVII была усадьба князей Мещерских. В 1894 году в письме из Мелихова А. П. Чехов писал:

«В 17 километрах от меня есть село Покровское-Мещерское; тут в старой барской усадьбе теперь губернское земское психиатрическое заведение… сюда съехались врачи земские со всей Московской губернии числом около 75. Был и аз».

На одной из усадебных построек, где теперь разместился клуб, прикреплена мемориальная табличка с надписью: «В этом здании бывали в 1894–1897 А. П. Чехов, а в июне 1910 – Л. Н. Толстой».

Летом 1910 года, в последний год своей жизни, в Мещерском побывал Л. Н. Толстой, живший у В. Черткова в усадьбе «Отрада», в двух километрах от Мещерского, на другом берегу Рожайки.

На обратном пути можно осмотреть эту усадьбу и дом, в котором жил тогда Л. Н. Толстой.

Апрель 1996 г. Фото из архива автора.

Воскресенская церковь

Мышецкое (Солнечногорский район)
«О бедном гусаре замолвите слово…»

Родословная Дениса Васильевича Давыдова ведет свое начало от Касима, царя Городца-Мещерского (ныне города Касимова). Отец знаменитого поэта и партизана, Василий Денисович, был богатым помещиком, владел несколькими имениями, имел особняк на Пречистенке (где и родился в 1784 году Денис Давыдов), давал многочисленные балы и дослужился до звания полковника. Мать, Елена Евдокимовна, была дочерью генерала Е. А. Щербинина.

В полку, которым командовал В. Д. Давыдов, обнаружили большую недостачу. Поэтому пришлось полковнику продать большую часть своих имений для ее погашения. А сыну его пришлось в шестнадцать лет отправляться на службу в Петербург.

О подвигах Дениса Давыдова в войне 1812 года известно немало. А что же было потом? В 1820 году поэт-партизан, гусар, проскакавший пол-Европы, получил на своей военной службе отпуск на неопределенное время и поселился в подмосковной усадьбе Мышецкое. В 1822 году он писал своему сослуживцу: «Я три месяца тому назад продал деревню, которая была в 70 верстах от Москвы, и купил подмосковную в 30 верстах. Местоположение чудесное! Натуральное озеро версты в три длиною и в полторы шириною и все принад-

лежности к житию. Живу припеваючи. Звуки палок и барабанов не слышу, гусиным шагом у меня ходят одни гуси, езжу на охоту, читаю, пишу, целуюсь с женою и нянчу ребенка, гляжу, как пашут, сеют, жнут, косят, и совершенно доволен своею судьбою». Но душа у него была все- таки гусарская:

«Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар.
И с проседью усов – все раб младой привычки:
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки…».

В 1826 году Денису Давыдову опять пришлось воевать. На этот раз в Персии. Затем снова Москва, Мышецкое и Верхняя Маза (приволжская деревня, данная за женой). В 1830 году в Поволжье разразилась эпидемия холеры, и поэт с семьей вновь перебирается в Мышецкое, где надзирает за вверенным ему 20-м санитарным участком, созданным в целях борьбы с заразой. Однако теперь в Мышецком было не так спокойно, как прежде – поселился некий тоже надзиратель, но по части политической благонадежности. Поэт уезжает в Верхнюю Мазу, побывав, как считают, прежде в Москве на «мальчишнике» у А. С. Пушкина. И снова в бой – в Польшу. А с 1832 года поэт жил в Мышецком, Москве, затем в селе Верхняя Маза, где и умер в 1839 году.

К сожалению, ни в Москве, ни в Подмосковье музея Дениса Давыдова нет. Дом на Пречистенке, тот, которым недол-

го в конце жизни владел Денис Давыдов, давно облюбовали «властные структуры». Правда, благодаря этому здание хорошо сохранилось, но ведь можно было бы создать здесь хотя бы мемориальный кабинет поэта.

В Мышецком же усадебного дома давно не существует. Остался только Конный пруд, парк и озеро Круглое. Да еще деревья, по преданию – дубы, посаженные поэтом возле своего дома. С большим трудом жители Мышецкого отстояли эти деревья от «приватизации» владельцем строящегося рядом особняка. Но надолго ли отстояли? А как смотрелся бы на фоне этих могучих великанов памятник поэту! Маленький памятник большому поэту! Русскому генералу, народному герою! «О бедном гусаре замолвите слово…»

Проезд: с Савеловского вокзала до станции Лобня, далее автобусом № 23.

Октябрь 1996 г. Фото из архива автора.

В Мышецком

Надеждино (Дмитровский район)
«Ты сердце знал мое во цвете юных дней»

Справа от Малого собора Донского монастыря в Москве находится могила, на плите которой надпись: «Петр Яковлевич Чаадаев кончил жизнь 1856 года 14 апреля». Подальше – два памятника цилиндрической формы. Под правым «покоится прах девицы Евдокии Сергеевны Норовой», под левым – ее матери Татьяны Михайловны Норовой.

Семейству Норовых принадлежала усадьба Надеждино в Дмитровском уезде. Брат Евдокии, или, как ее звали в семье, Авдотьи, – декабрист В. С.Норов – участвовал в войне 1812 года. Его записки о войне были изданы в 1834 году. Недалеко от Надеждина, в усадьбе Алексеевская, принадлежавшей княжне А. М. Щербатовой, прошли детские годы братьев Чаадаевых. А. М. Щербатова, старшая сестра их рано умершей матери, была им теткой и воспитательницей. Вместе братья поступили в Московский университет, затем в лейб-гвардии Семеновский полк, участвовали в Бородинском сражении. П. Я. Чаадаев вышел в отставку в 1821 году и через два года отплыл в Англию, в длительное путешествие по Европе. Когда он в 1826 году вернулся в Россию, многие его друзья были в казематах. Петербург и Москва для него опустели. В

те годы Чаадаев часто жил в Алексеевской и сблизился с семьей Норовых. Он был высокого роста, худ, строен, безукоризненно одет, с изысканными манерами. Внутренне это был уже глубоко религиозный философ, приступающий к созданию своих «Философических писем». Сохранились послания Норовой к Чаадаеву. Вот некоторые строки: «Благословите же меня на наступающий год, все равно, будет ли он последним в моей жизни, или за ним последует еще много других. Для себя я призываю на вас все благословение Всевышнего. Да, благословите меня – я мысленно становлюсь пред вами на колени – и просите за меня Бога, чтобы Он сделал меня такою, какой мне следует быть». Был ли тут роман в стиле «Евгения Онегина»? Неизвестно. Но Норова так и не вышла замуж, она умерла в 1835 году от чахотки, когда Чаадаев жил в Москве.

Княжна Щербатова писала, что Петр Яковлевич был крайне огорчен смертью Норовой, которая его очень любила.

Петр Яковлевич пережил Авдотью Сергеевну почти на 21 год. Все эти годы он прожил во флигеле большого дома на Новой Басманной. Были изданы «Философические письма», вызвавшие царский гнев, не стало Пушкина. По понедельникам образованная и светская Москва посещала скромный кабинет Чаадаева. Бывали здесь Гоголь, Тютчев, Грановский, Герцен, известные иностранцы – Мериме, Лист, Берлиоз… Началась Крымская война. «В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только

в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов», – писал тогда «басманный философ».

В завещании П. Я. Чаадаев пожелал быть похороненным рядом с могилой Норовой. Около 30 лет он помнил о той любви. От «дворянского гнезда» в Надеждине остался лишь остов храма, похожий на брошенный космический корабль. Устремится ли он к звездам, или будет снесен, или, скорее всего, просто разрушится со временем?

Проезд: с Савеловского вокзала до станции Орудьево, далее автобусом № 25.

Апрель 1995 г. Фото из архива автора.

Могилы П. Я. Чаадаева и Норовых

Остов храма в Надеждине

Назарьево (Одинцовский район)
Назарьево – родовое гнездо Михалковых

Поселок Назарьево сейчас считается поселением городского типа: современные многоэтажные дома, магазины, церковь. За церковью – шоссе, ведущее к воротам дома отдыха. Всю жизнь он считался элитным: в советское время принадлежал Совнаркому, затем Совмину, а теперь предназначен для административного аппарата президента России. Здесь, в совхозе, выращивали экологически чистые овощи, поставляли к столу руководства молоко от специально завезенных голландских коров.

Петр I подарил Назарьево вместе с расположенными недалеко Вяземами князю Борису Алексеевичу Голицыну. «Князь Борис, человек умный, энергичный, распорядительный – как пишет о нем историк С. М. Соловьев, – знавший латинский язык и любивший говорить на нем, честно исполнял свои обязанности к Петру в том отношении, что оставался непоколебимо ему верен, берег его интересы, оказал важные услуги в борьбе с Софьею и после со стрельцами, с достоинством относился к своему воспитаннику, когда тот начал свою славную деятельность». С тех пор род Голицыных надолго обосновался в Назарьеве.

При князе Сергее Алексеевиче Голицыне, занимавшем в царствование Елизаветы Петровны пост московского губернатора, построена была деревянная Троицкая церковь. А кирпичную возвели на месте старой уже в 1824 году при Сергее Николаевиче Голицыне. Его внучка Елизавета Николаевна вышла замуж за Владимира Сергеевича Михалкова. И в 1856 году усадьба перешла к Михалковым.

Новые владельцы Назарьева построили двухэтажный усадебный дом, школу-трехлетку, которая на их же средства и содержалась, соорудили вокруг храма каменную ограду. Село, кстати, было немаленьким. По данным 1890 года здесь проживало 235 человек, имелась кузница и кирпичный завод (из этого самого кирпича и строилась Троицкая церковь). Для барской охоты содержалась псарня. В имении хранилась собранная еще Голицыными коллекция западноевропейской живописи, гравюр и скульптуры, а также прекрасная библиотека и бесценные архивные документы XVII–XX веков. Хозяева усадьбы непременно показывали гостям ель, получившую название «дерево Петра Великого», который, по преданию, бывал в Вяземах и в Назарьеве.

После революции «дворянское гнездо» разорили, сделав общенародным достоянием. Часть вещей свезли в музеи Звенигорода и Москвы (усадебная библиотека была еще в 1910 году передана в фонд книгохранилища Академии наук в Петербурге).

До того, как усадьба попала в партийное ведомство, здесь

размещался сначала госпиталь, а потом детский дом для сирот. В 1960-е годы бывшие дворянские апартаменты перестроили для нужд дома отдыха. Подробнее история Назарьева описана в сборнике «Одинцовская земля» (М., 1994), но есть у этой истории и продолжение.

Потомки Михалковых навещали свою родовую усадьбу. Как рассказала нам староста церкви, помогали они в возрождении храма, привели в порядок могилы предков, находящиеся здесь.

Расположено Назарьево на крутом берегу речки Большая Вяземка. За речкой с прудом – белое заснеженное поле и заброшенное тепличное хозяйство, а через поле идет лыжня на Захарово, словно тонкая ниточка, связывающая нас с одним из истоков русской культуры.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Жаворонки, далее автобусом № 34.

Январь 1998 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Никольское-Урюпино (Красногорский район) Кто в Белом домике живет?

В XVII веке Никольское-Урюпино принадлежало князьям Одоевским. Никита Иванович Одоевский ходил с царем Алексеем Михайловичем в поход на польского короля, а царям Ивану и Петру говорил, бывало, на придворных новогодних торжествах речь приветственную от имени бояр.

В 1664–1665 годах крепостной зодчий Одоевских, Павел Потехин, построил на высоком берегу реки Липенки взамен деревянной каменную церковь, Никольскую, но создание архитектурного усадебного ансамбля началось лишь спустя столетие. Урюпино, к тому времени оказавшееся во владение Долгоруких, купил князь Николай Алексеевич Голицын, владелец и один из устроителей расположенного неподалеку Архангельского.

В Никольском-Урюпине князь Голицын тоже приступил к обустройству усадьбы. Шедевром усадьбы стал построенный в 1776–1780 годах в стиле французского классицизма Белый домик, автором проекта которого считается архитектор Шарль де Герн. Большой парадный двор, дом с белокаменной колоннадой, парк с павильонами составили прекрасный ансамбль, а на другом берегу запруженной речки горели

на солнце позолоченные кресты Никольской церкви.

В Белом домике центром композиции является Золотой зал. Его стены были расписаны по рисункам Буше на золотом фоне.

Князь Николай Алексеевич Голицын к концу своей жизни построил еще один дом, который стал называться Большим домом, в стиле русской классики.

Вдова князя, княгиня Мария Адамовна, продала Архангельское екатерининскому вельможе, богачу и любителю искусства Николаю Борисовичу Юсупову и переехала жить в Никольское-Урюпино.

При сыне Н. А. Голицына, князе Михаиле Голицыне, создавался новый усадебный комплекс под руководством архитектора М. Д. Быковского.

Какое великосветское общество образовалось в округе! В истории села Ильинского отмечено посещение императором Александром II и императрицей Марией Александровной своих соседей – князя М. Ф. и княгини Л. Т. Голицыных села Петровского, княгини Анны Николаевны Голицыной села Никольского-Урюпина, князя Н. Б. и княгини Т. А. Юсуповых села Архангельского.

Шло время, менялись поколения владельцев усадеб, в 1881 году террористы убили Александра II, но князья попрежнему «дружили семьями».

Княгиня Софья Николаевна Голицына из соседнего Петровского вспоминала в своих мемуарах: «Жители села

Ильинского устроили домашний спектакль. Поставили хорошенькую комедию «Шалость» и мне дали главную роль – молодой девушки Лики. Говорят, я сыграла недурно. Играли князья Сергей и Павел Александровичи, Константин Константинович, его адъютант Зеленый и барон Шиллинг, наша соседка по имению княжна Голицына и я».

Теперь, когда уж сыграны все комические и трагические роли в той эпохе, нам осталось наследство, которым мы не можем все еще распорядиться по-хорошему. Белый домик в Никольском-Урюпине стал серым, а местами и «почернел от горя». Заколоченные окна и двери, обвалившаяся штукатурка. В Белом домике сейчас, наверное, как в сказке сказано, живет мышка-норушка, да лягушка-квакушка иногда летом заскакивает.

Проезд: от станции метро «Тушинская» автобусом № 541.

Июнь 1997 г. Фото из архива автора.

Белый домик со стороны парка

Одинцово-Архангельское (Домодедовский район) «Морозовские дачи» за глухим забором

Было у Саввы Васильевича Морозова, основателя знаменитой купеческой династии, пять сыновей. Немало сделали Морозовы для отечественной промышленности, культуры, здравоохранения, известны они были как крупнейшие меценаты и благотворители.

Расскажем лишь об одном представителе этого рода – Алексее Викуловиче Морозове, внуке Саввы Васильевича. Мало кто знает, например, о том, что музейная экспозиция русского фарфора, находящаяся в усадьбе Кусково, создавалась на основе его коллекции.

Маргарита Кирилловна Морозова, урожденная Мамонтова, вспоминала: «Это был человек тонкого ума, очень остроумный, любивший женское общество, хотя сам неженатый. Человек он был очень культурный, любил культурную работу больше, чем занятие своим делом, деятельную роль в котором предоставлял своему более молодому брату Ивану Викуловичу».

По сути, Алексей Викулович являлся скорее профессиональным коллекционером, чем купцом. Путешествуя по Ев-

ропе, он приобретал шедевры русских мастеров, возвращая их тем самым в Россию. Собирал не только фарфор, но и миниатюры, лубок, вышивки, а также иконы, серебро и другие предметы старины. Свою коллекцию Алексей Викулович хранил в московском особняке, доставшемся ему от отца Викулы Елисеевича и перестроенном архитектором Ф. О. Шехтелем специально для размещения коллекции. Тот же Шехтель еще при жизни В. Е. Морозова спроектировал и перестроил в 1892–1894 годах великолепную усадьбу Одинцово-Архангельское, купленную у предыдущего владельца усадьбы А. Б. Голицына и расположенную неподалеку от нынешнего города Домодедово.

Усадебные постройки видны издалека: среди леса, на холме вдруг возникает причудливое здание в «ренессансно-барочном» стиле, а справа виднеется главка церкви. Перейдя по мосту через речку Рожайку, вы подходите к усадебным воротам. Но дальше путь закрыт – идут реставрационно-восстановительные работы. Однако из-за проволочного заграждения можно довольно подробно рассмотреть главный усадебный дом и служебные постройки.

А вот церковь Архангела Михаила не огорожена – вход свободный. Нынешний кирпичный храм построен на месте старого, деревянного, возведенного еще при прежних владельцах усадьбы, Нарышкиных. От церкви дорожка ведет к пруду с островком посередине и беседкой на нем.

Часто ли бывал в усадьбе Алексей Викулович Морозов,

неизвестно, поскольку большую часть времени он проводил в Москве, в своем особняке во Введенском (Подсосенском) переулке. В бурные революционные годы размещенная здесь коллекция оказалась в опасности: здание захватили анархисты, которых выбивали оттуда с боем. Затем коллекцию национализировали, а ее бывшему владельцу выделили в доме три комнаты. В 1919 году в морозовском особняке был открыт музей, проработавший десять лет, а в 1932 году уникальная коллекция фарфора попала в Кусково. Гравюры, иконы и остальные предметы разошлись по разным музеям страны. А в 1934 году не стало Алексея Викуловича.

Но вернемся к усадьбе. Во время Великой Отечественной войны здесь размещался госпиталь для летчиков, в котором, говорят, проходил реабилитацию Алексей Маресьев.

Сейчас в Одинцово-Архангельском идут реставрационные работы. Хорошо бы, если бы после восстановления «морозовские дачи», как называют усадьбу местные жители, не оказались за глухим забором. Ведь русские усадьбы – это, прежде всего, памятники нашей истории и культуры. Так неужели мы их можем лишиться?

Проезд: с Павелецкого вокзала до станции Домодедово.

Ноябрь 1997 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом

Церковь Архангела Михаила

Ольгово (Дмитровский район)
Апраксин двор

В XVII веке Ольгово принадлежало воеводе города Дмитрова – Ф. В. Чаплину, а с 1740 года стало фамильным поместьем Апраксиных.

Степан Федорович Апраксин, дослужился при императрице Елизавете Петровне до фельдмаршала, был главнокомандующим русскими войсками в Семилетней войне. Эпизоды этой войны с Фридрихом II показаны в фильме «Гардемарины, вперед!». «Мирный фельдмаршал, – как писал о нем историк С. М. Соловьев, – любивший со всеми жить дружно и жить покойно, весело и роскошно. Апраксин вовсе не хотел торопиться походом. Недовольная этим императрица велела его (Апраксина) сюда к ответу позвать».

Архитектурный ансамбль усадьбы сложился в конце XVIII века. Автором дворца считается архитектор Франческо Кампорези. Наибольшего расцвета Ольгово достигло при сыне фельдмаршала, Степане Степановиче Апраксине, который был женат на Екатерине Владимировне Голицыной. С его тещей, Н. П.Голицыной, был знаком А. С. Пушкин. В своем дневнике он в 1834 году записал: «Моя «Пиковая дама» в большой моде: игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся…».

Апраксины жили широко, хлебосольно. «Вечера у Апраксиных» были известными в Москве. Подчас увеселение продолжалось в Ольгове. Говорили, что московский генерал-губернатор Д. В. Голицын отложил на сутки обнародование вести о кончине императора Александра I, чтобы не отменять бала, устроенного его сестрой. Усадьба славилась своим крепостным театром. Здесь бывали П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин, который даже участвовал в любительских спектаклях. Гостил здесь и Л. Н. Толстой.

После Октябрьской революции, в начале 1919 года, в Ольгове открылся музей, организатором которого стал Ю. Л. Анисимов. Двухсотлетнее наследие Апраксиных было еще цело: великолепный дворец с боковыми флигелями и галереями, парк со статуями, беседками, павильонами, прудами. Сохранилось и роскошное убранство залов, живопись, мебель, фарфор, книги.

Но музейный порыв советской власти быстро угас. В 1925–1927 годах движение во времени для Ольгова и для многих других усадебных музеев прекратилось. Богатства Ольгова были переданы частью в Москву, частью в Дмитровский краеведческий музей. Как будто предвидя такой оборот событий, кто-то еще в 1917 году пытался ограбить усадьбу. Не обращая внимания на более ценные вещи, неизвестные хотели вынести фамильные портреты Апраксиных. Тогда попытка не удалась. И все же много лет спустя эти портреты были выкрадены, но уже из Дмитровского музея.

В усадьбе сейчас санаторий. Отдыхающих почти не видно. А вот руины дворца видно хорошо. И отсутствие наличия восстановительных работ тоже заметно. А места-то какие! Воздушные места.

Проезд: с Савеловского вокзала до станции Яхрома, далее автобусом № 23.

Апрель 1995 г. Фото из архива автора.

В санатории

Петровское-Алабино (Наро-Фоминский район) Князю – князево?

Среди сохранившихся подмосковных усадеб, Петровское, что рядом с платформой Алабино, занимает, по-видимому, одно из первых мест по степени разрушения. Здесь добывали щебень из усадебного дома, устраивали киносъемки военных фильмов, растаскивали все, что подходило, для домашнего использования. Мог ли архитектор М. Ф. Казаков предположить, что такое произойдет с одним из его творений?

В 1706 году вотчина Боровского Пафнутьева монастыря – сельцо Княжищево – было пожаловано Петром I своему сподвижнику Петру Шафирову. Переводчик Посольского приказа, президент Коммерц-коллегии, вице-канцлер – таков неполный «послужной список» барона Петра Павловича Шафирова. В 1713 году Шафиров бил челом великому государю в Поместном приказе о построении в своем сельце деревянной церкви во имя Петра Митрополита. После барона П. П. Шафирова село, называемое теперь по церкви еще Петровское, принадлежало его детям, а затем в 1740-х годах перешло во владение горнозаводчика Никиты Акинфиевича Демидова.

Дед его, Никита Демидович Антуфьев, еще в 1720 году

Петром I за заслуги в развитии горного дела был возведен в дворянство под фамилией Демидов. Отец, Акинфий Никитич, расширил дело и нажил огромное состояние. Да и сам Никита Акинфиевич, тогдашний владелец Петровского, успешно продолжал горное дело и, кроме того, покровительствовал ученым и художникам, путешествовал, переписывался с Вольтером и даже издал свой «Журнал путешествия в чужие края».

Созданный в 1770–1780-х годах усадебный архитектурный ансамбль был великолепен. В центре квадратного двора стоял главный дом в стиле классицизма, с колоннами и куполом, который венчала статуя Екатерины II. Четыре флигеля по углам парадного двора соединялись чугунной оградой, замыкая пространство. К реке Десне спускался обширный парк. Несколько позже была построена новая каменная церковь Петра Митрополита, тоже по проекту Казакова.

Князья Мещерские, ставшие очередными владельцами Петровского, вели свой древний род от князя Уссейна Ширинского, сын которого Бахмет захватил Мещеру и княжил в ней. В конце XV века Мещера вошла в состав Московского государства, а князья Мещерские служили по военной и административной части. Как уже сообщалось в прессе, ныне здравствующий потомок рода князей Мещерских, Евгений Алексеевич Мещерский, так он назвал себя, приехал с семьей с Украины в свое родовое имение, отремонтировал частично один из флигелей и поселился в нем. По справоч-

нику «Дворянские роды Российской империи» князь Евгений Алексеевич принадлежит к XXV поколению от князя Уссейна первой линии третьей ветви.

Евгений Алексеевич рассказал нам о своем предке – князе Александре Васильевиче, купившем усадьбу у Демидовых, женившемся уже в солидном возрасте на графине Елизавете Сергеевне Строгановой.

Вернуть свое наследственное имение Евгений Алексеевич попытается через суд. Вероятность того, что ему это удастся, наверное, невелика, а как хотелось бы, чтобы пока существующие, но пребывающие в руинах русские усадьбы обрели своих настоящих хозяев, которые, в отличие от государства, позаботились бы о восстановлении их и сохранении, прежде всего, как памятников нашей истории, культуры и архитектуры.

Проезд: с Киевского вокзала до станции Алабино, далее пешком.

Май 1998 г. Фото из архива автора.

Руины усадебного дома

Пехра-Яковлевское (Балашихинский район) Усадьба на Владимирке

Издалека видны с бывшего Владимирского тракта главки Преображенской церкви. Отреставрированный храм с двумя колокольнями, дом с флигелями и полукруглой колоннадой расположены на пригорке над речкой Пехоркой. За домом раскинулся обширный парк, когда-то обильно украшенный фигурами каменных львов, статуями и вазами. Ныне «цари зверей», уцелевшие после многочисленных пожаров и разрушений, охраняют уже другой дом, перестроенный в советское время.

Эту усадьбу возле села Яковлевского (Яковлево), принадлежавшего роду Голицыных с конца XVI века, начал строить в XVIII веке Петр Михайлович Голицын. В историю русского искусства он вошел как владелец коллекции старинной живописи, ставшей, по сути, первым московским «музеумом».

А. С. Пушкин, описывая историю пугачевского бунта, неоднократно упоминал о генерал-майоре, князе Голицыне. А затем в «Замечаниях о бунте» писал: «Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве на бале (в 1775 году) и сказала: «Как он хорош! Настоящая куколка». Это

слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Молва обвиняла Потемкина…».

Интересно, что как раз мимо усадьбы князя Голицына, по Владимирке, увековеченной позднее на картине Левитана, везли зимой 1774 года в Москву на казнь закованного в кандалы Пугачева.

После гибели Петра Михайловича Голицына усадьба перешла к его сыну Михаилу. Но благоустройством усадьбы Пехра-Яковлевское занимался в основном А. М. Голицын, брат прежнего владельца.

Князь Александр Михайлович Голицын был русским послом во Франции и Англии, вице-канцлером, сенатором, обер-камергером и действительным тайным советником. При нем в усадьбе возвели Преображенскую церковь и двухэтажный дом в стиле раннего классицизма. Архитектором церкви, считают специалисты, был В. И. Баженов, а дом построил другой выдающийся зодчий – Карл Бланк. В 1810 году, уже после смерти А. М. Голицына, в усадьбе были сооружены театр и оранжерея.

Усадьба Пехра-Яковлевское принадлежала Голицыным до 1828 года. И хотя после этого она сменила многих владельцев, но как архитектурный ансамбль оформилась, в основном, именно при них.

В 1924 году усадебный дом сгорел. В пожаре погибла об-

становка, а также картины и бронза. Впоследствии дом был восстановлен, но облик его изменился: он стал трехэтажным и уже мало чем напоминал творение архитектора Бланка.

Сейчас в усадьбе размещается заочный сельскохозяйственный институт. Студенты, поглощенные учебными заботами, вряд ли вспоминают об истории усадьбы и судьбе ее владельцев.

Проезд: с Курского вокзала до станции Балашиха, далее 2 км пешком.

Февраль 1998 г. Фото из архива автора.

Преображенская церковь.

Подушкино (Одинцовский район)
Вокруг замка Майендорф

Отдыхавшие в санатории «Барвиха» деятели культуры, может быть, и не знали, что расположенное неподалеку от замка баронессы Майендорф небольшое двухэтажное здание с водонапорной башней и баней было когда-то церковью.

…История замка Майендорф и Рождественской церкви тесно переплетается с историей соседнего села Подушкино. По краеведческим данным, в первой половине XVII века здесь находилась деревянная церковь Рождества Христова с приделом Покрова Пресвятой Богородицы, а само село находилось тогда в вотчине «за Иваном Гавриловым сыном Сверчковым». В 1646 году селом с деревней Ямщиковой (как тогда называлась деревня Рождественно) владел думный дьяк Григорий Васильевич Львов. В 1652 году его наследники продали Подушкино Илье Даниловичу Милославскому, тестю царя Алексея Михайловича. После Милославских селом владели Воейковы. При них, вероятно, и был построен вместо старой деревянной церкви новый храм.

В XIX веке село Подушкино принадлежало генералу Александру Борисовичу Казакову. Барвиха, носившая тогда имя Саманка (или Самынка) по названию протекавшей неподалеку речки, возникла как выселки из соседних деревень. Здесь-то генерал и поставил дом для своей дочери На-

дежды Александровны. В Подушкине специально для этого построили кирпичный завод, продукция которого использовалась при сооружении замка. Строительство длилось более десяти лет – с 1874 по 1885 годы. Архитектором этого великолепного ансамбля стал Петр Самойлович Бойцов, известный как автор особняка князя Б. В. Святополк-Четвертинского в Москве (ныне Центральный дом литераторов) и особняка С. П. Берга в Денежном переулке (посольство Италии).

Через год после окончания строительства замка Надежда Александровна вышла замуж за полковника Генерального штаба Евгения Александровича Веригина. Через пять лет муж умер из-за нелепой случайности: он простудился, спасая упавший в воду портфель с документами.

В 1904 году Надежда Александровна вышла замуж вторично. Ее новый супруг, барон Майендорф (или Мейендорф) принадлежал к старинному прибалтийскому роду. В эти годы вокруг замка сооружается кирпичная стена, а в залах роскошного здания появляются коллекции картин, оружия, прекрасная библиотека… Уезжая на отдых за границу, Майендорфы и не предполагали, что больше не вернутся в Россию – сначала война, потом революция…

После революции в замке расположилась детская колония, школа, во время войны – госпиталь, потом клуб. Последний здесь находится и поныне. Между тем в замке сохранились, а кое-где и реставрировались деревянные потол-

ки и лестницы. Несмотря на пронесшиеся бури и ветры перемен, замок отлично сохранился снаружи, и даже часы на его башне идут.

В замке Майендорф снимались некоторые известные фильмы о жизни французского двора. В 30-е годы в Барвихе был устроен санаторий Совмина СССР. В последующие годы здесь отдыхали такие известные деятели науки и культуры, как М. Булгаков, А. Толстой, С. Королев, Ю. Гагарин и др. Они, наверное, бывали в красивом замке баронессы Майендорф.

А вот храм Рождества Христова, построенный в 1759 году, в советское время изобретательно утилизировали, превратив в баню и разместив там другие полезные службы. Впрочем, заботясь теперь о восстановлении храма, неплохо было бы позаботиться и о сооружении новой бани. Как сказала одна местная жительница: «Молиться-то мы ходим теперь в эту церковь, а помыться в бане негде».

Для восстановления храма требуются помощники. Те, кто хочет поработать, могут приезжать сюда по субботам. А если появятся желающие оказать финансовую помощь, то они могут узнать реквизиты в редакции.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Барвиха, далее пешком.

Май 1998 г. Фото из архива автора.

Замок Майендорф

Поливаново (Подольский район)
Усадьба последнего гетмана

Свое название эта усадьба получила, по-видимому, при Поливановых, владевших ею в XVII веке. Затем она принадлежала Салтыковым, после них – Нарышкиным, а в середине XVIII века перешла к Разумовским. Графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому Поливаново досталось вместе с другими вотчинами в качестве приданого богатой невесты – Екатерины Ивановны Нарышкиной. На их свадьбе изволила присутствовать сама императрица Елизавета Петровна, а подле нее сидели господа послы. В тот же год состоялось и назначение молодого Кирилла Разумовского на пост президента Академии наук. Мотивировка была следующая: «В рассуждении усмотренной в нем особливой способности и приобретенного в науках искусства нашей академии наук в президенты всемилостивейше пожалован».

Кирилл Разумовский, помимо того, что являлся младшим братом графа Алексея Григорьевича Разумовского, фаворита императрицы Елизаветы, обладал и собственными достоинствами. «Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего, который также был великодушнее и благотворительнее его» – так отзывалась о братьях Екатерина II.

Обучался Кирилл Разумовский в Страсбурге и в Берлине,

прошел курс у самого Леонарда Эйлера, прекрасно говорил по-французски и по-немецки – одним словом, получил хорошее образование.

Довелось ему послужить и на родине в должности гетмана Малороссии, как оказалось последнего гетмана. Зажил он в Глухове на широкую ногу, двор устроил наподобие столичного, только масштабами поменьше.

Приближался 1762 год – год дворцового переворота, в результате которого на престол взошла Екатерина II. Рассказывая об этом событии, В. О. Ключевский писал: «Но всего больше помогал делу втихомолку малороссийский гетман и президент Академии наук граф Кирилл Разумовский, богач, за щедрость чрезвычайно любимый в своем гвардейском, Измайловском полку». Но дружба – дружбой, а служба – службой. Граф сделал предложение о преемственности гетманства, чем вызвал недовольство императрицы, и вынужден был подать в отставку. Правда, после этого милость высочайшая снова была ему оказана – его пожаловали в генерал-фельдмаршалы, щедро наградили. Он опять стал желанным гостем при дворе, заседал в Сенате.

После смерти жены и брата Кирилл Разумовский стал все больше времени проводить в Москве. Наконец, дошла очередь и до Поливанова. Предполагают, что в создании этого архитектурного ансамбля принимал участие Баженов. Усадебный дом, выстроенный в стиле классицизма, украшен портиком с колоннами, а по углам – круглыми башнями с

куполами. Благовещенская усадебная церковь и находящийся неподалеку дом причта в настоящее время реставрируются, а в главном доме разместилось лечебное учреждение.

В последние годы своей жизни граф Кирилл Григорьевич Разумовский жил в Батурине, пожалованном ему Екатериной II. После его смерти усадьба Поливаново поменяла многих знатных владельцев, но усадебный ансамбль XVIII века до сих пор напоминает нам о людях, которые его создали.

Проезд: с Курского вокзала до Подольска, далее автобусом № 24.

Февраль 1997 г. Фото из архива автора.

Благовещенская церковь

Усадебный дом

Полтево (Балашихинский район) Адмиральская усадьба

Не у многих сел были такие известные владельцы, как у этого. С 1618 по 1644 гг. им владели князь Дмитрий Пожарский, а затем его племянник Семен. Спустя пятнадцать лет село перешло к Ф. А. Полтеву. С тех пор оно переменило свое название и вместо Сущева, Агафонова тож стало именоваться по фамилии владельца – Полтевым.

Федор Алексеевич Полтев – думный дворянин, стольник – сопровождал царя Алексея Михайловича в его походах к Троице-Сергиевой лавре, в Коломенское, в Саввино-Сторожевский монастырь. А в день торжественного объявления совершеннолетия царевича Федора ему, Ф. А.Полтеву, довелось идти впереди всей процессии.

При Василии Федоровиче Полтеве, стольнике царицы Натальи Кирилловны, в селе построили в 1677 году деревянную Никольскую церковь. В связи с этим появилось и второе название – Никольское.

В начале XVIII века, а точнее с 1703 года, владельцем села становится генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, один из сподвижников Петра I. Адмирал Апраксин нечасто бывал в Москве и в своей подмосковной усадьбе – служба не позволяла, но все-таки успел в 1706 году выстроить в Полтеве белокаменную Никольскую церковь. Этот ярус-

ный храм «под звоном» по композиции и отдельным деталям убранства напоминает, как считают архитекторы, «нарышкинское» барокко.

Расскажем еще немного о личности именитого владельца села. Граф Ф. М. Апраксин, президент Адмиралтейской коллегии, по словам историка В. О. Ключевского, «самый сухопутный генерал-адмирал…, но радушнейший хлебосол, из дома которого трудно было уйти трезвым, цепной пес преобразователя, однако затаенный противник его преобразований и смертельный ненавистник иноземцев…», ненадолго пережил Петра I. После своей смерти граф Апраксин завещал продать село, а вырученные деньги употребить на выкуп пленных. В 1729 году Полтево было продано барону Остерману.

Андрей Иванович Остерман, один из иностранцев, поступивших на русскую службу, был сыном вестфальского пастора. «Многие из этих пришельцев, – писал Ключевский, – были люди образованные и заслуженные, как Брюс, Шафиров, Остерман, и не были расположены порывать связей своего нового отечества с западноевропейским миром…».

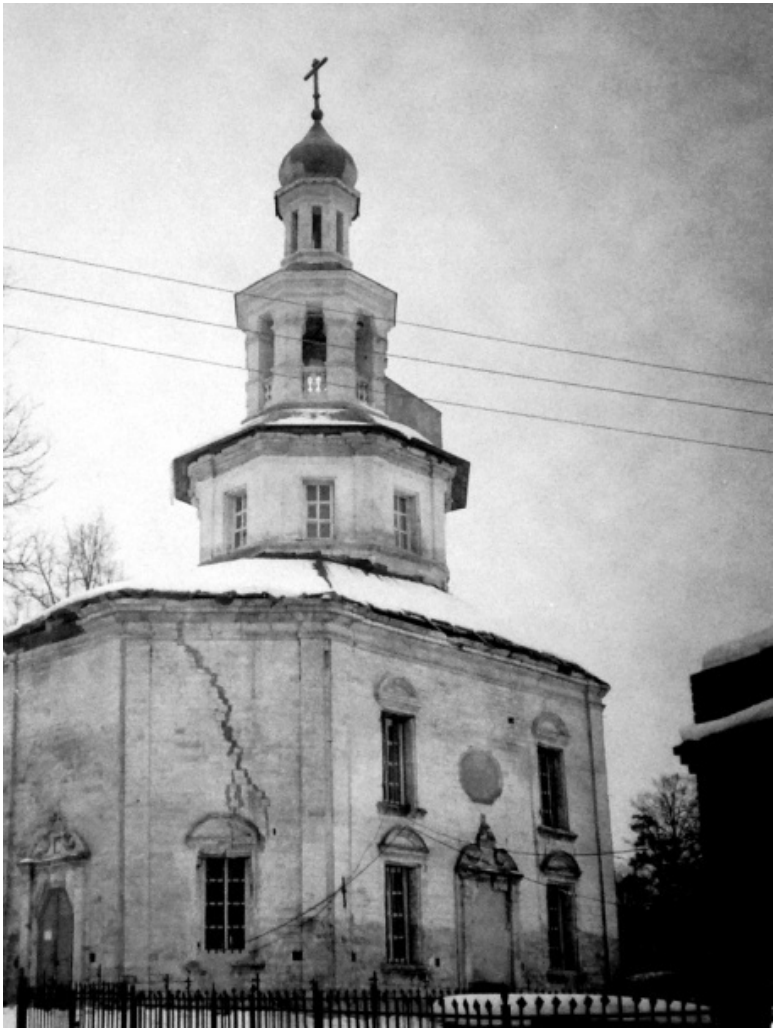
А. И. Остерман, впоследствии граф, член Верховного тайного совета, воспитатель Петра II, оказался в России в эпоху дворцовых переворотов и сам принимал в них участие. В результате после восшествия на престол Елизаветы Петровны он был сослан в Березов.

Но вернемся в Полтево. Во второй половине XVIII века

наследниками графа А. И. Остермана в усадьбе был разбит липовый парк с четырьмя прудами среди аллей и построена еще одна, деревянная церковь… На сегодняшний день в Полтеве сохранилась каменная Никольская церковь, нуждающаяся в реставрации, да остатки липового парка.

Проезд: с Курского вокзала до станции Железнодорожная, далее автобусом № 23.

Март 1998 г. Фото из архива автора.



Никольская церковь

Старо-Никольское (Наро-Фоминский район)
Две усадьбы в одном совхозе

Рядом с автобусной остановкой в совхозе «Первомайский» стоят полуразрушенные старинные ворота с частью ограды. Когда-то они открывали въезд в усадьбу. Центральная аллея вела мимо большого усадебного дома к храму.

Эти земли в 1660 году перешли во владение боярина Федора Михайловича Ртищева-Большого, который при царе Алексее Михайловиче служил по дворцовому ведомству. «Сильной любовью к просвещению отличался в Москве постельничий царский Федор Михайлович Ртищев, – писал о нем историк С. М. Соловьев. – Недалеко от Москвы, по Киевской дороге, на берегу реки он выстроил монастырь (Андреевский), куда перезвал из малороссийских монастырей монахов тридцать человек, с тем, чтоб учили желающих грамматике славянской и греческой, риторике и философии, переводили книги. Обязанный днем быть во дворце, Ртищев целые ночи просиживал в Андреевском с учеными монахами».

Так еще задолго до учреждения Славяно-греко-латинской академии, в 1649 году, было открыто первое училище светского характера. Однако патриарх Никон не одобрил препо-

давания «свободных мудростей» и заменил его переводом Библии.

В 1660 году рядом с нынешним Крекшино, на берегу реки Десны, был основан Николаевский монастырь. При Ф. М. Ртищеве монастырская деревянная церковь Николая Чудотворца стала приходской, а территория монастыря начала именоваться селом Никольским или Староникольским.

Внуку боярина Ртищева-Большого, Василию Михайловичу, довелось служить нескольким государям российским – от Петра I до Анны Иоановны. При нем в 1709 году в селе Никольском была построена каменная церковь во имя Сошествия Святого Духа.

В 80-е годы XVIII века село перешло во владение Ивана Петровича Мусина-Пушкина, родственника графа А. И. Мусина-Пушкина (того самого, который обнаружил «Слово о полку Игореве»). Гвардии полковник И. П. Мусин-Пушкин возвел трехэтажный усадебный дом, разбил парк с каскадными прудами, мостиками и беседками. Позднее сын его, Иван Иванович, построил в селе народное училище.

В конце столетия хозяином Никольского стал граф К. И. Гудович. К тому времени усадебные здания были частично переделаны, а к церкви пристроена колокольня.

В начале XX века землю недалеко от центра усадьбы купил граф В. П. Берг. Не ведая о грядущих «великих потрясениях», он построил здесь электростанцию, водокачку, теплицы, оранжерею. А еще – два красивых деревянных дома.

Один из них был особенно хорош – двухэтажный, с колоннами, весь украшенный деревянной резьбой. Именно этот дом в 30-е годы облюбовали для проведения своих съездов коммунисты Китая, а затем и Венгрии. Позже здесь располагался детский сад, потом пансионат. Сейчас эта уникальная постройка наполовину разрушена. Второй дом Берга тоже позабыт-позаброшен.

В усадьбе же Мусиных-Пушкиных по-прежнему стоят главный дом и флигель, но предположить, что это был когда-то роскошный дворянский особняк, очень трудно. Церковь, хотя и медленно, но восстанавливается, в приделе уже идут службы. Нам показали второй этаж, где при советской власти крутили кино (на первом этаже был танцзал). То кино давно закончилось, и две старинные усадьбы, оказавшиеся в одном совхозе, разрушаются уже в наши дни.

Проезд: с Киевского вокзала до станции Крекшино, далее автобусом.

Апрель 1998 г. Фото из архива автора.

Духовская церковь

Дом Берга

Суханово (Ленинский район)
Суханово и «сухановка»

Усадебный архитектурный ансамбль в Суханове создавался при князьях Волконских в конце XVIII – начале XIX века.

Князь Петр Михайлович Волконский, служил в молодости адъютантом великого князя Александра Павловича, а затем стал генерал-фельдмаршалом, министром императорского двора и уделов.

Для создания усадьбы князь приглашал лучших мастеров. Главный усадебный дом построили в стиле классицизма с колоннами и со стороны парадного двора, и со стороны парка с прудами. Затейливые башенки украшали служебный корпус, строгостью пропорций и декоративного оформления отличались дома для гостей. Но самым интересным сооружением усадьбы был храм-мавзолей, построенный по проекту Доменико Жилярди и Афанасия Григорьева. Мавзолей состоял из храма-усыпальницы в виде ротонды, двух флигелей по сторонам и полукруглой колоннады, соединявшей флигели с колокольней позади храма.

После революции мавзолей был осквернен, и останки захоронений княжеского рода оказались на улице.

Теперь недалеко от мавзолея на земле лежат могильные плиты. Здесь покоится прах Екатерины Алексеевны, Дмитрия Петровича, Марии Петровны Волконских.

В 1934 году мавзолей был перестроен частично и служил потом в качестве корпуса столовой дома отдыха Союза архитекторов. Пища с кухни столовой отвозилась иногда и на столы расположенного неподалеку монастыря. Но вот только кому?

По преданию, царь Алексей Михайлович повелел основать монашескую обитель на месте чудесного видения ему великомученицы Екатерины, возвестившей царю о рождении дочери. С тех пор Алексей Михайлович не забывал о новой обители: приносил дары, жаловал деньгами, ходил к освящению церкви вместе со своими боярами и князьями.

Петр I, узнав о бедственном положении пустыни «Екатерининская роща», как стала называться обитель, повелел выдать монастырю задержанное жалование (и тогда были задержки с зарплатой) и деньги на облачение церковнослужителей.

Екатерина II также не обошла вниманием пустынь – при ее правлении был выстроен великолепный Екатерининский собор, кельи, каменная ограда с четырьмя башнями, обновлена надвратная Никольская церковь с колокольней.

Война 1812 года пощадила пустынь, хотя в ней побывали французы. В монастыре хранились в память об этой войне знамена, подаренные князем Петром Михайловичем Волконским.

По мере строительства железной дороги разрастался с 1900-х годов на землях купца Павла Расторгуева поселок,

названный его именем. Монастырь еще действовал. Ознакомиться с его образцовым хозяйством приезжал даже нарком Чичерин. Но в 1931 году монастырь закрыли и на его территории устроили тюрьму. Сначала для уголовников, а потом, освоив место и оборудовав здания, разместили и более страшное заведение – политическую тюрьму НКВД, получившую в народе название «сухановка».

На фоне монастыря появилась кирпичная труба, а печь построили в самом Екатерининском соборе. Храм был превращен в крематорий. Был ли подобный пример в истории?

Кабинет Берии размещался в корпусе монастыря в стенах бывшего ежовского кабинета. Лифт вел в подвал, где были сооружены карцеры. Берия лично допрашивал некоторых заключенных. А потом, может быть, он и его подручные подкреплялись обедом из кухни дома отдыха архитекторов.

На воротах монастыря теперь надпись: «Свято-Екатерининский мужской монастырь основан в 1658 году, восстановлен в 1992 году». И все. Христианское учение учит не помнить зла, но в исторической памяти человечества и добро и зло остаются навсегда.

Проезд: с Павелецкого вокзала до станции Расторгуево, далее пешком.

Июнь 1997 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом

Троицкое (Ленинский район)
«Край родной долготерпенья…»

Хорошо известен московский дом Тютчевых в Армянском переулке, отреставрированный и переданный Детскому фонду. А в Подмосковье?

Память о Федоре Ивановиче Тютчеве связана в Подмосковье, в основном, с музеем-усадьбой «Мураново», где, как теперь считают, сам-то он и не бывал. Но есть другое место в Подмосковье, где поэт проводил в юности свои летние месяцы, читал, учился, беседовал с друзьями.

Родители Ф. И.Тютчева на десятом году его жизни пригласили к сыну хорошего воспитателя, знатока классической древней словесности, поэта и переводчика Семена Егоровича Раича. Раич вспоминал, как бывало, весной и летом, живя в подмосковной усадьбе, они выходили из дома, запасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение.

О той же подмосковной деревне вспоминал и другой деятель русской культуры, историк и писатель М. П. Погодин, в те годы, как и Ф. И. Тютчев, студент Московского университета. Из дневника Погодина за 1820 год, 9 августа: «Ходил в деревню к Ф. И. Тютчеву, разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литературе, о религии, о Моисее,

в божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом: Виланде, Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо…». Что же это за деревня, в которую Погодин ходил пешком из расположенных неподалеку Знаменских Садков, где он тогда был учителем в доме князя Трубецкого? В «Исторических материалах…» Холмогоровых об этой деревне приводятся следующие сведения: «…В 1678 г. деревня находилась в поместье за Михаилом Остафьевым сыном Зыбиным, в ней был двор помещиков с 2 человеками деловых людей; потом этой деревнею владел Федор Шакловитый; в 1690 г. она пожалована думному дьяку Автоному Ивановичу Иванову, при нем деревня названа селом по церкви Ново-Троицким… После Автонома Ив. Иванова имение досталось его сыну Николаю…»

Во второй половине XVIII века Троицкое принадлежало молодой вдове Дарье Николаевне Салтыковой, третьей дочери сына думного дьяка Иванова, а в семейство Тютчевых Троицкое перешло благодаря деду Ф. И. Тютчева. В книге писателя В. В. Кожинова «Тютчев» в связи с этим написано: «Начать с того, что Николай Андреевич Тютчев в молодости был в любовной связи с Дарьей Салтыковой – чудовищной изуверкой, вошедшей в предание под именем Салтычихи. Они были дальними родственниками (мать Салтычихи – урожденная Тютчева), и их подмосковные имения соседствовали… Ее конфискованное имение Троицкое по Калужской дороге (ныне в километре за Московской кольце-

вой дорогой) в конце концов было куплено Николаем Тютчевым». Вот так в имении, где совершалось злодейство, довелось жить уже в другом веке будущему поэтическому гению.

«От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь…».

Это стихотворение написано было Тютчевым о других местах, здесь же уцелела частично только церковь.

Троицкая церковь была построена еще в конце XV1I столетия при думном дьяке Иванове. При отце Ф. И. Тютчева, Иване Николаевиче, был сооружен придел. Служитель церкви, знаток истории этих мест, рассказал о возрождении храма, о том, что год назад восстановили колокольню, сделали новые полы – ведь в церкви было общежитие. Почистили усадебные пруды.

Конечно, Троицкое не занимало в жизни Тютчева того места, которое занимал Овстуг на Брянщине, где он родился и часто бывал почти до конца жизни. Но все-таки Троицкое (или Теплые станы, а ныне это поселок Мосрентген), вероятно, единственное место в Подмосковье, где Тютчев жил подолгу.

В этом году исполняется 195 лет со дня рождения Ф. И. Тютчева и хорошо бы тут, возможно, на берегу пруда, перед

церковью, установить памятник поэту.

Проезд: от станции метро «Теплый стан» автобусом № 504 до остановки «Мосрентген».

Май 1998 г. Фото из архива автора.

Троицкая церковь.

Уборы (Одинцовский район)
Два шедевра Якова Бухвостова

В излучине Москвы-реки, на вершине холма в селе Уборы стоит храм, считающийся одним из лучших произведений архитектуры конца XVII века – Спасская церковь.

Зодчий Яков Григорьевич Бухвостов, крепостной из села Никольское-Сверчково Дмитровского уезда построил храм по заказу боярина П. В.Шереметева – стольника раннепетровского времени.

С возведением этого храма связана целая детективная история. Бухвостов обязался закончить постройку в два строительных сезона, однако боярин внес со временем такие изменения в заказ, что каменщики «остановку тому делу учинили». Разгневанный боярин жалобу в Приказ каменных дел подал. Зодчий же строил в это время еще и собор в Переяславле Рязанском (Рязани), где в процессе строительных работ произошла какая-то «поруха». Осерчавший митрополит велел посадить зодчего на многие недели в тюрьму, в «железа». Опять – «остановка» строительства в Уборах и опять – жалоба боярина.

Приказ каменных дел приговорил «его, Яшку, бить кнутом нещадно и каменное дело ему доделать». И плохо пришлось бы крепостному зодчему, да боярин, сообразив, что после битья кнутом тот может вообще не закончить построй-

ку, попросил освободить Бухвостова от наказания.

Наконец, в 1697 году все каменные работы в Уборах были завершены. Сняли леса, и храм вознесся своей ярусной стройностью, поразил изысканностью декоративного убранства в стиле «нарышкинского барокко».

Достроил талантливый зодчий и Успенский собор в Рязани, строил и в Троице-Лыкове под Москвой.

Правда, теперь Троице-Лыково – это уже Москва. И, наверное, любителям летних купаний в Серебряном Бору хорошо знакома Троицкая церковь, предполагают, что это тоже шедевр Якова Бухвостова, его «лебединая песня».

Постройка велась в 1698–1704 годах. Тогда, триста лет назад, село принадлежало роду Нарышкиных.

Храм был построен из красного кирпича, на фоне которого ярко выделялось белокаменное убранство.

На низком и широком основании-гульбище, как на ладони, преподнесли нам русские мастера дорогой подарок. Но занесены снегом ступени храма и закрыты двери. Храм ждет своего часа.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Усово, затем на лыжах по Москве-реке до села Уборы. Торопитесь, пока зима.

Февраль 1995 г. Фото из архива автора.

Спасская церковь

Троицкая церковь

Успенское (Одинцовский район)
«Дом – как Ватикан»

На втором этаже усадебного дома-замка, в котором разместился теперь один из корпусов Клинической больницы Академии наук, висит стенд, посвященный истории этих мест.

Село Успенское – одно из древнейших в Подмосковье. Краеведы ведут отсчет его истории от 1328 года.

В 1624 году село, разоренное войсками польского королевича Владислава, было отдано стольникам Борису и Глебу Морозовым. Борис Иванович Морозов в 1648 году женился на Анне Ильиничне Милославской, сестре царицы. Царь Алексей Михайлович подарил своему любимцу и воспитателю свадебную карету, обтянутую золотой парчой, подбитую дорогим соболем и окованную вместо железа чистым серебром. Глеб Иванович Морозов женился на Феодосии Прокофьевне Соковниной, вошедшей в историю под именем «боярыни Морозовой», известной нам по картине Сурикова.

Борис Иванович Морозов умер бездетным. Его состояние унаследовал брат, ненадолго переживший его. После этого боярыня Морозова стала распоряжаться огромным богатством, унаследованным теперь ее единственным малолетним сыном. Однако вскоре она занялась борьбой за «родную святую старину», в которую вовлек ее протопоп Аввакум. Затем последовала царская опала, постриг в монахи-

ни, смерть сына. И вот она в санях, уносящих ее на пытки и смерть. Род бояр Морозовых пресекся. Царь Алексей Михайлович повелел раздать имения Морозовых своим приближенным. Так Успенское перешло в род Апраксиных.

Петр Матвеевич Апраксин при Петре I носил титул графа, был действительным тайным советником, сенатором и президентом Юстиц-коллегии. Еще в 1691 году он построил в селе деревянную церковь «Воздвижения честнаго креста Господня», а потом, в 1726 году, подал прошение о построении новой каменной Воздвиженской церкви… В наши дни стоит в селе (или поселке) Успенском на высоком берегу Москвы-реки красивая каменная церковь с шатровой колокольней. На мемориальной доске надпись: «Храм Успения…, закрыт в 1930 году, вновь открыт в 1992 году».

После сына и племянника графа Апраксина село перешло к генеральше С. С. Бибиковой, а затем к Святополк-Четвертинским. При них здесь был основан конный завод и построен архитектором П. С. Бойцовым дом-замок. Между прочим, замок баронессы Майендорф, что в Барвихе, построен этим же архитектором.

Во второй половине 90-х годов прошлого века имение купил представитель другого известного рода Морозовых – Сергей Тимофеевич Морозов, промышленник, меценат, создатель Кустарного музея (Музея народного искусства) в Москве, брат Саввы Тимофеевича Морозова. Сергей Тимофеевич дожил до глубокой старости и умер в эмиграции. Но

это было потом, а в 1897 году у него в имении жил художник И. И. Левитан, заезжал А. П. Чехов, которому здесь не понравилось: «…дом – как Ватикан, лакеи в пикейных жилетах с золотыми петлями на животах, мебель безвкусная, вина от Леве, у хозяина никакого выражения на лице – и я сбежал».

После революции в имении был детский дом, потом Институт коневодства, в войну – госпиталь, затем снова Институт коневодства и Институт леса и, наконец, – отделение больницы. «Дом – как Ватикан» стоит теперь весьма обшарпанный, в отличие от находящейся рядом отреставрированной Успенской церкви. А какой вид открывается от церкви на долину Москвы-реки!

Проезд: от станции метро «Молодежная» маршрутным такси на Горки-10 или с Белорусского вокзала до платформы Перхушково, далее автобусом.

Май 1998 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Успенская церковь

Филимонки (Ленинский район) Рюриковичи – о спасении Романовых

Род княжеский Святополк-Чствертинских происходит от Рюриковичей. Князь Борис Антонович Святополк-Четвертинский – участник войны с Наполеоном, имел чин действительного тайного советника, владел с 1840-х годов имением Филимонки, что по Калужской дороге, на речке Ликовке.

Филимонки сменили прежде многих владельцев. Среди них были князь Иван Михайлович Щербатов, стольник Федор Ртищев, князь Петр Алексеевич Голицын, брат воспитателя юного Петра, Бориса Алексеевича.

Фрейлина Вера Борисовна Святополк-Четвертинская, дочь князя, построила в 1861 году двухэтажный храм над фамильным склепом, а позднее, в 1888 году, решила устроить здесь монастырь. В октябре того года произошло крушение царского поезда, в котором были Александр III и его семья. Погибло много людей, но царская семья не пострадала. Это и послужило поводом для создания монастыря, в память о брате княжны названного Владимирским.

По данным 1890 года в самом селе Филимонки проживало 36 человек, а в обители на 1895 год было уже около 70 сестер. Монастырь быстро разрастался; к 1911 году в нем жило уже 130 человек. В начале нашего столетия была перестроена Троицкая церковь, воздвигнуты колокольня и Успенская

церковь (зимняя) с двумя приделами.

После революции в усадьбе располагался дом отдыха, затем школа и пионерский лагерь. Монастырь же при советской власти действовал до 1931 года, а потом был упразднен.

В храме, как рассказывала его староста, Евгения Петровна, были и столярная мастерская, и пекарня в годы войны, и склад в последнее время. Когда получили храм обратно, возникли многие трудности с оформлением документов, так как храм оказался бесхозным. Помог в преодолениb этих и других трудностей директор находящегося рядом лечебного учреждения Сергей Васильевич Осипов. Больным интерната, как никому, нужен этот храм.

Храм женского Князь-Владимирского монастыря поражает величием своих частично уцелевших стен. Как же красив он будет после восстановления! Но этому нужно помочь.

По проекту Опекушина сооружен памятник Александру III, который был установлен у храма Христа Спасителя. Храм Христа Спасителя восстановлен. Очередь за восстановлением памятника и монастыря, где потомки Рюриковичей молились о спасении Романовых.

Октябрь 1997 г. Фото из архива автора.

Руины Троицкого храма Князь-Владимирского монастыря

По музеям Подмосковья

Абрамцево
Москва – Петушки – Абрамцево

«Только в моей подмосковной на берегах речки Вори, которая, будучи подпружена, представляется с первого взгляда порядочной рекою, только на ее живописных берегах я вполне узнал и вполне оценил и раннее весеннее и позднее осеннее ужение…»

С. Т. Аксаков

Свою подмосковную «премилую деревеньку» Абрамцево приобрел Сергей Тимофеевич в 1843 году на 52 году жизни. К тому времени он был уже известным литератором, хотя основные его литературные достижения были еще впереди. Родился Аксаков в Уфе, в старинной дворянской семье, детство провел в Оренбургском имении отца, учился в Казанском университете, службу начал в Петербурге переводчиком в Комиссии по составлению законов. В Петербурге познакомился он с писателем и президентом Российской академии А. С. Шишковым, чье «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» читал еще студентом. В до-

ме Шишкова увидел он и Г. Р. Державина. Позднее «старик Державин» сообщил ему, что «скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который еще в лицее перещеголял всех писателей». Увлечение с университетских лет театром и знакомство с актером-трагиком Я. Е. Шушериным открыло ему доступ в театральный мир Петербурга.

В 1826 роду переехал С. Т. Аксаков на постоянное жительство в Москву. Служил в цензурном комитете, был директором Межевого института, в котором предоставил место преподавателя русского языка В. Г. Белинскому. В московском доме Аксаковых состоялось знакомство Сергея Тимофеевича с Гоголем. С Пушкиным личное знакомство не состоялось, но Аксаков удостоился одобрительного отзыва поэта за статью о его творчестве.

Унаследовав в 1837 году значительное состояние – 850 крепостных крестьян и несколько тысяч десятин земли – Аксаков, уже давно семейный человек, мог оставить службу и предаться литературным занятиям в деревенской тиши.

Здесь в Абрамцеве были написаны: «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Записки об уженье рыбы», «Воспоминания». В этом доме с мезонином бывали многие известные люди того века. Здесь слушали в авторском исполнении поэму «Мертвые души», впечатления другого писателя от пребывания в Абрамцеве послужили материалом для романа «Дворянское гнездо». Бывал здесь и давний друг

Аксакова актер М. С. Щепкин.

Через десять с лишним лет после смерти С. Т. Аксакова, в 1870 году, Абрамцево приобрел Савва Иванович Мамонтов – крупный промышленник и очень одаренный творчески человек – певец, актер, драматург и режиссер, скульптор. Он создал в Абрамцеве своеобразный дом творчества – Абрамцевский художественный кружок. Здесь жили и работали Репин, Суриков, Серов, Поленов, Васнецов, Нестеров, Коровин, Врубель. Здесь были столярная и гончарная мастерские, домашний театр. По инициативе жены Мамонтова, Елизаветы Григорьевны, были построены лечебница и школа, а по проекту В. М. Васнецова сооружена небольшая кирпичная церковь. К церкви позднее была пристроена часовня, здесь теперь усыпальница семьи Мамонтовых.

Переходя из комнаты в комнату этого дома, проходишь как бы по музею русской культуры XIX века. Живописные окрестности Абрамцева изображены в пейзажах В. Д. Поленова, здесь, неподалеку, увидел Алёнушку В. М. Васнецов и встретил одного из персонажей для картины «Крестный ход в Курской губернии» И. Е. Репин.

Абрамцево не разделило печальную судьбу многих разрушенных русских усадеб. По инициативе художника П. П. Кончаловского в усадьбе Абрамцево создается музей. На берегу речки Вори строили дачи художники советского времени. В 30-х годах в Абрамцеве, на территории музея, был построен дом отдыха работников искусств.

В наше время в окрестностях Абрамцева разрослись дачные поселки. В одном из них, в поселке академиков, бывал у друзей на даче в последние годы своей жизни Венедикт Ерофеев – автор другой русской поэмы в прозе под названием «Москва – Петушки». Ирина Николаевна, родственница владельцев дачи, показала нам комнату с кроватью у окна, где жил Венечка, красивую птичью клетку, подаренную гостем, вспомнила его добрым словом.

Проехав Петушки, Венечка оказался в Абрамцеве. Конечно, «в мире компонентов нет эквивалентов», но «и какой же русский не любит быстрой езды?»

Февраль 1998 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом в Абрамцеве

Усадебная церковь и дом в поселке

Архангельское «Я вдруг переношусь во дни Екатерины»

В XVI веке это было небольшое село Уполозы на берегу Москвы-реки, названное так по имени его владельца, мелкого дворянина Уполоцкого. Последующие хозяева построили на месте деревянной новую каменную церковь Михаила Архангела, и село стало называться Уполозы-Архангельское.

В 1703 году Архангельское купил князь Д. М. Голицын, сенатор, президент Камер-коллегии при Петре I, член Верховного тайного совета при Екатерине I и Петре II, неудачно пытавшийся при Анне Иоанновне конституционным путем ограничить самодержавие. После 1730 года Голицын, удалившись от дел, занялся устройством Архангельского. Был построен новый господский дом, разбит регулярный парк. Князь перевез сюда свою богатейшую библиотеку (около 6 тысяч книг и рукописей).

Внук князя, Н. А. Голицын, решил заново отстроить усадьбу. По проекту французского архитектора Шарля де Герна в конце XVIII века создается новый дворцово-парковый ансамбль, включавший дворец с парадным двором, окруженный белокаменной колоннадой, парк и парковые павильоны.

В 1810 году Архангельское перешло к князю Николаю Борисовичу Юсупову, екатерининскому вельможе, ценителю искусства, собравшему богатейшую коллекцию картин – около пятисот. Целую галерею! Будучи студентом Туринского университета, князь встречался с Бомарше, Вольтером, Руссо. Служил дипломатом в Италии, Франции, Испании, Англии, приобретал по поручению Екатерины II картины для Императорского Эрмитажа, был директором Императорских театров, управлял дворцовым стекольным и фарфоровыми заводами.

Князь Юсупов разместил в усадьбе свои коллекции картин и скульптуры, фарфор, бронзу, мебель. Но началась война 1812 года. Многое успели вывезти или спрятать, и все-таки наполеоновские войска нанесли усадьбе большой урон.

К восстановлению усадьбы князь привлек известных архитекторов: О. И. Бове, С. П. Мельникова, Е. Д. Тюрина и крепостных зодчих. После другого несчастья, пожара 1820 года, заново расписывались залы дворца под руководством французского художника Никола де Куртейля. Архитектор В. Г. Дрегалов перестроил парковые террасы. Архангельское стало великолепной усадьбой и центром искусств. Здесь устраивались роскошные приемы, театральные представления с декорациями итальянца Гонзаго. Сюда приезжали царствующие особы и деятели русской культуры.

Дважды бывал здесь А. С. Пушкин: в 1827 году с С. А. Соболевским и в 1830 – с П. А. Вяземским. После смерти Н.

Б. Юсупова в 1831 году Архангельское при сыне князя, Б. Н. Юсупове, теряет свое прежнее значение. Закрывается театр, лучшие произведения искусства вывозятся в петербургский дворец Б. Н. Юсупова. Внук старого князя, Н. Б. Юсупов-младший, редко бывал в Архангельском, зато издал труд по истории рода Юсуповых.

До 1917 года последними владельцами Архангельского были правнучка старого князя, З. Н. Юсупова, и ее супруг. В усадьбе побывали тогда художники А. Н. Бенуа, К. А. Коровин, К. Е. Маковский, В. А. Серов и другие деятели культуры.

После революции, в 1919 году, в усадьбе создается музей. В последние годы здесь все идут реставрационные работы. Зарастают усадебные аллеи. «Племя младое, незнакомое» еще не видело этого музея.

Проезд: автобусом № 549 от станции метро «Тушинская».

Сентябрь 1995 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом со стороны парка

Болшево
«Красной нитью рябина зажглась»

Этот дом в Болшеве – не архитектурный шедевр, не тихая дворянская усадьба – это был дом, «где разбивались сердца».

…Они познакомились в Крыму, в Коктебеле у Волошина в 1941 году. «Если он найдет сердоликовый камушек и подарит его мне – мы будем вместе всю жизнь». Он нашел и подарил.

В 1917 году Сергей Эфрон уехал на Дон в Добровольческую белую армию. Затем последовали отступление, тяготы эмиграции. После долгих хлопот Марина Цветаева получает разрешение на выезд за границу и в 1922 году уезжает с дочкой к мужу.

После 17 лет жизни в эмиграции Марина Ивановна с сыном вернулись на родину, и семья встретилась в Болшеве, где уже жили Сергей Яковлевич и дочь Ариадна, вернувшиеся на два года раньше. С. Я. Эфрон еще в 1931 году, будучи активным участником деятельности «Союза возвращения на Родину», передал через советское полпредство прошение о получении советского паспорта.

«С. Я. совсем ушел в Советскую Россию, – писала М. Цветаева в октябре 1932 года, – ничего другого не видит, а в ней видит только то, что хочет…». А о себе в письме: «Всё меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я не

нужна. Там я невозможна».

«Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где – совершенно одинокой…».

Но в последней строфе:

«Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге куст
Встаёт, особенно – рябина…».

В Болшеве высокие сосны. Дачное место. В этом доме, на «даче» НКВД, жильцы долго не задерживались – кого арестовывали, кто кончал жизнь самоубийством. Теперь здесь поселились очередные жертвы. Первой стала Ариадна. «Я была уверена, что вернусь дня через три, не позже, что все моментально выяснится, а вместе с тем не могла не плакать, видя в заднее окно машины, как маленькая группа людей, теснившаяся на крылечке дачи, неотвратимо отплывает назад – поворот машины и – всё…».

С. Я. Эфрона «товарищи по работе» – ради возвращения на родину он работал на советскую разведку – увезли через полтора месяца.

Потом забрали соседей по «даче», и Марина Ивановна с сыном Муром остались одни в этом «нехорошем» доме.

«Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая…».

В первой небольшой комнате музея М. Цветаевой в Болшеве за стеклом витрины прижизненные издания Марины Цветаевой, книги Анастасии Цветаевой. На столе – выпуски альманаха «Болшево» изданные письма, литературоведческие работы о Цветаевой. Те книги, что на столе – для продажи.

Слева на стене – карта «Родина и чужбина Марины Цветаевой». Интересно, что на карте отмечено много подмосковных мест: Александров, Иваньково, Черкизово-Старки, Голицыно и, конечно, Болшево. А еще в углу бронзовый бюст, возле которого в деревянной вазе – ветка рябины.

В другой комнате, где жила сама Марина Цветаева, скудная казенная мебель, чемоданы, икона.

В комнате С. Эфрона, оформленной символически в виде деревянной клетки, – фотографии, документы.

Под большим фотопортретом М. Цветаевой – ветки тер-

нового куста, не котором сердоликовое ожерелье. Скульптурный терновый куст и снаружи, под окнами дома. Корни куста обвиты цепью.

Проехать до музея-квартиры можно по Ярославскому шоссе или с Ярославского вокзала электричкой до станции «Болшево».

Адрес музея: ул. М. Цветаевой, д. 15.

Часы работы: суббота, воскресенье, среда с 10–00 до 18–00.

1996 г. Фото: Обложка проспекта музея Марины Цветаевой.

Большие Вяземы, Захарово
«На холме домик мой…»

Путь к музею был долгим. После того, как Большие Вяземы в революционное лихолетье покинул последний владелец усадьбы князь Дмитрий Борисович Голицын и его семья, кто только здесь не жил – и коневоды, и научные работники, и врачи, и партсотрудники. А десять лет назад открылся в Больших Вяземах музей. Сначала он располагался в Преображенской церкви, возле которой находится могила брата А. С. Пушкина, потом на первом этаже главного усадебного дома, а затем, по мере реставрации и заполнения экспонатами, и на втором.

Теперь на первом этаже работает постоянная выставка предметов усадебного быта и культуры XVIII–XIX веков, на втором – экспозиция, посвященная Д. Б. Голицыну, начальнику Императорской Охоты. В отдельных залах размещены гравюры и литографии из частных коллекций, объединенные темой «Пушкин и его современники».

А ведь какая была усадьба! По архивным документам, из Больших Вязем только картин и бронзы было вывезено уполномоченными «экспроприаторами» более 60 предметов. Собирали потом для музея мебель, картины, книги того времени, но «родных» среди них очень мало. В кабинете князя Голицына лишь книга, лежащая на письменном столе, когда-то

действительно принадлежала хозяину усадьбы.

На витрине, под стеклом есть фотография князя, стоящего на роликовых коньках. Высокий, стройный, прекрасный спортсмен и охотник.

В XVI веке в Больших Вяземах Борис Годунов построил дворец и церковь. Позднее здесь побывали Лжедмитрий I и Марина Мнишек. В 1611 году в усадьбе проходили переговоры о мире с гетманом Сапегой.

Первым владельцем Больших Вязем из рода Голицыных стал воспитатель и сподвижник царя Петра Борис Алексеевич Голицын, получивший эту землю от Петра I в подарок. А основная работа по возведению усадебного ансамбля развернулась при князе Н. М. Голицыне. Двухэтажный кирпичный дом и два флигеля были построены в стиле французского классицизма. В главном доме, где теперь находится музей, останавливались на ночлег один за другим М. И. Кутузов и Наполеон.

А теперь о Пушкине. Всем известно, что в расположенном неподалеку Захарове прошло детство поэта с играми, прогулками и сказками няни.

«На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят…».

Последний раз Александр Сергеевич был здесь в 1830 (1831) году. Объехав дорогие сердцу места, он грустно сказал дочери Арины Родионовны: «Все наше разрушено, Мария, все поломали, все заросло…». Если бы он побывал в Захарове сейчас, то сказал бы те же слова, а может быть, и добавил бы что-нибудь покрепче. Правда, сейчас здесь начались кое-какие восстановительные работы – приезжают студенты даже из Петербурга. Но за четыре года, прошедшие после последнего пожара, остатки захаровского дома почти растащили. Если реставрировать дом такими черепашьими темпами, то никакая охрана не убережет эти развалины.

За десять лет создан прекрасный Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, включающий в себя Большие Вяземы и Захарово, историю и поэзию. Поздравляем его работников с этим юбилеем, желаем дальнейших успехов и надеемся, что появятся и новые финансовые возможности для своевременной реставрации музейных зданий. Чтобы достойно встретить юбилей великого поэта.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Голицыно, далее автобусом № 38.

Июль 1997 г. Фото из архива автора.

Остатки дома в Захарове

Большие Вяземы. Преображенская церковь

Верея
Верея – опора вращения

Если выйти из автобуса, не доезжая совсем немного до центра Вереи, то за рядами деревенских домиков вы увидите полуразрушенную Входоиерусалимскую церковь, а подойдя поближе, – большие кирпичные ворота. Когда-то здесь стоял Спасский монастырь. Местные жители еще помнят, как обрушилась крыша над церковным крыльцом, а название монастыря уже стерлось из памяти.

Ближе к центру Вереи стоит еще одна, увы, заколоченная церковь, часть которой сейчас занимает магазин. Это храм Косьмы и Дамиана. Перейдя через речку Протву по металлическому пешеходному мостику, поднимитесь на холм, где было расположено древнее городище. Здесь в 1552 году заложили первый каменный собор – Рождественский. Нынче его колокольня, построенная, правда, намного позднее, украшает город. На краю древнего холма, выхватив саблю из ножен, стоит как живой на пьедестале генерал Дорохов. А напротив, в старинном здании городского училища, разместился городской краеведческий музей.

В его залах можно познакомиться с историей древней Вереи, Вереи XX столетия, выставкой художественной фотографии. Работник музея, учитель и историк, почетный гражданин Вереи Борис Ильич Морозов много лет посвятил кра-

ведению. Его стараниями в центре города построена часовня, надпись на которой гласит: «Памяти воинов-верейцев, жизнь свою за Отечество положившим на поле брани 1941–1945 гг.».

Борис Ильич рассказал вот что. Хотя первое летописное упоминание о Верее связано с походом на Москву в 1371 литовского князя Ольгерда и Святослава Смоленского, есть и другое предположение. В 1159 году Чернигово-Северский князь Изяслав Давыдович встречался в Волоколамске с сыном Юрия Долгорукого Андреем Боголюбским и испросил у Андрея дочь его Ростиславу за своего племянника Святослава Владимировича, князя Вщижского. В летописи говорится: «В то время отпустил Андрей дочь свою Ростиславу за Святослава Владимировича и привел оную в Вереища, где брак с веселием многим отпраздновали».

«Может, Верея» – предположил в скобках после слов «и привел оную в Вереища» историк В. Н. Татищев. «Если бы было так, то не в прошлом году отмечали бы 625-летие города, а значительно раньше и была бы Верея чуть ли не ровесницей Москвы», – смеется Б. И. Морозов.

После нашествия Батыя Верея вместе с другими землями по реке Протве вошла в состав Рязанского княжества, а в 1382 году по договору с Олегом Рязанским стала владением московского князя Дмитрия Донского, а затем передана в удел его сыну Андрею. При Михаиле Андреевиче, сыне князя Андрея, Верея вошла в состав небольшого удельного

княжества, а в 1503 году по духовной грамоте Ивана III Верея и другие земли перешли к его сыну Андрею Старицкому. Во времена Петра I Верея была оживленным торговым центром. Верейские купцы вели торговлю со многими городами России и Европы, в городе проходили ежегодные шумные ярмарки.

В 1782 году Верея стала уездным городом. Для нее был разработан генеральный план застройки и герб. По Владимиру Далю, «верея» – это опорная точка, ось вращательного движения, столбы, на которые навешиваются полотенца ворот. В гербе города, дарованном при Екатерине II, красуются «две дубовые воротные вереи, с навесными золотыми крючьями, означающими собой имя данного города».

…В 1812 году генерал Дорохов получил от фельдмаршала Кутузова предписание «Поручается Вашему превосходительству отправиться через Боровск к Верее, где неприятель, по разным известиям, укрепляется, для чего нужно его предупредить и стараться налечь на него, разбить, разрыть все его укрепления». 29 сентября гусары Дорохова налегли, разбили и вынудили французов сдаться.

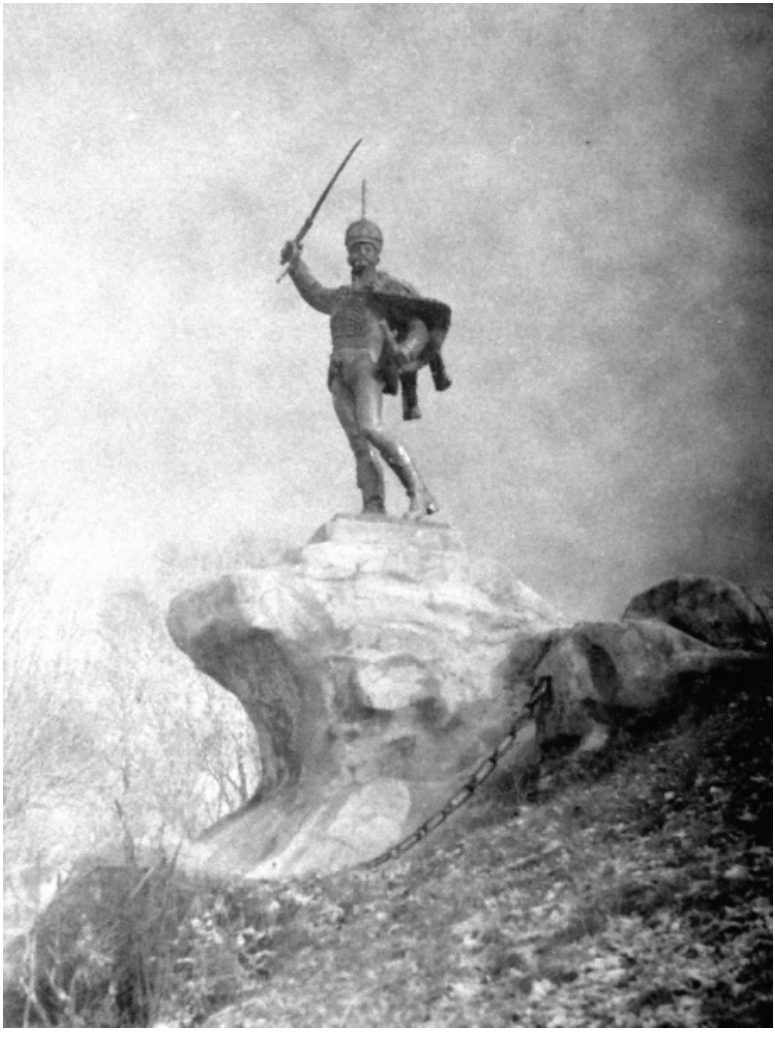
Вторая большая война – Великая Отечественная – тоже не миновала Верею. Тогда город освобождали войска 33-й армии генерала Ефремова.

Сегодня Верея живет своей жизнью. Восстанавливают торговые ряды, действуют две церкви – православная и старообрядческая. Может быть, когда-нибудь дойдет черед и до

соборной Рождественской, в которой похоронен генерал Дорохов…

Проезд: с Белорусского вокзала до платформы Дорохово, далее автобусом до Вереи.

Декабрь 1997 г. Фото из архива автора.



Памятник генералу Дорохову

Воскресенск
Не «Ледяной дом», а дом Лажечникова

Краеведческий музей Воскресенска разместился в городском парке, в двухэтажном старинном флигеле, который, как и стоящий рядом усадебный дом, принадлежал с конца XVII века семье Лажечниковых.

Находившаяся здесь ранее усадьба Красное Сельцо, получившая впоследствии название Кривякино, описана И. И. Лажечниковым в романах «Немного лет назад» и «Новобранец 1812 года».

Напротив Кривякина, на другом берегу Москвы-реки, стоит входившая в состав усадьбы и ныне действующая церковь Иоанна Златоуста (1761 год).

Отец писателя, богатый коломенский купец, водил знакомство с выдающимся просветителем Н. И. Новиковым, был начитанным и культурным человеком. Сыну дал хорошее образование, пригласив в дом француза-учителя, окончившего Страсбургский университет.

Отца схватили по ложному доносу и, хотя скоро освободили, торговые дела его расстроились, и семья обеднела. Усадьбу в 1824 году пришлось продать.

…У входа в музей пожилой мужчина чистил шкуркой ка-

кую-то металлическую конструкцию. На мои расспросы он ответил, что идут ремонтные работы и меняется экспозиция, но, заметив мой интерес, предложил войти.

Это оказался директор музея Борис Борисович Попов. Директор и одновременно экскурсовод, плотник, столяр. «Един в трех лицах», – как он пошутил о себе, – и на одну зарплату». Поднявшись по деревянной лестнице на второй этаж, мы оказались во власти прошлого. Фотографии и картины – портреты, виды окрестностей, храмы в Фаустове, Виноградове, Михалеве, – все в основном дары местных художников, а также предметы старинного обихода и книги.

Много лет Б. Б. Попов собирает книги Лажечникова, жалеет только, что не приобрел последнего хорошего издания – шеститомника. О писателе он может рассказывать бесконечно. Рассказывать, как в 1812 году Иван Лажечников сбежал из отчего дома на войну, воевал и дошел с армией до Парижа, а затем издал «Походные записки русского офицера»; как в 1819 году предотвратил дуэль Пушкина с майором Денисевичем, как служил на ниве просвещения и приметил бойкого ученика Чембарского училища Пензенской губернии Виссариона Белинского; о том, какая приключилась неприятность с Лажечниковым в пору его пребывания на посту вице-губернатора, когда его «подставили», и затем пришлось выплачивать большой денежный начет.

Рассказ директора прерывается телефонными звонками и разговорами с рабочими – административные и хозяйствен-

ные заботы.

Говоря о новой экспозиции, посвященной участию г. Воскресенска в Великой Отечественной войне, Борис Борисович показывает в сторону окна, выходящего на Москву-реку: «Здесь проходила линия обороны, были окопы, дзоты… У нас на химкомбинате делали препараты для регенерации воздуха на подводных лодках и другую военную продукцию… Я ведь кем только не работал на комбинате после окончания техникума в Щелкове. А в 42 года закончил историко-архивный институт в Москве, вечернее отделение».

На полу и на стеллажах лежат экспонаты военных лет, приготовленные для выставки: каски, макеты танков и орудий, предметы солдатского быта.

Видя, что Борис Борисович все чаще посматривает на них, я поблагодарил его за интересный рассказ и попрощался.

Приглашая посетить музей, должен предупредить – ни на ограде, ни на самом здании нет музейной вывески. Нет также и расписания работы, и, придя сюда, вы можете увидеть на двери замок, который не является музейным экспонатом. Впрочем, может быть, ко времени окончания ремонтных работ эти мелкие недостатки уже будут устранены?

Проезд: с Казанского вокзала до платформы «88 км», далее пешком.

Июль 1995 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Глинки
«Сии птенцы гнезда Петрова»

Вилим Брюс – прямой потомок шотландских королей, перешедший на российскую службу. Младший из его сыновей, Яков Вилимович Брюс, бывший инженером еще во время первого Азовского похода Петра I, завоевал славу на поле Полтавской битвы. Был сенатором и президентом Берг- и Мануфактур-коллегий, носил чин генерал-фельдмаршала и вышел в отставку в 1726 году уже при Екатерине I. Под началом Брюса довелось послужить в артиллерии Василию Никитичу Татищеву, которого Брюс стал «прилежно приохочивать и наставлять» к занятиям историей и географией,

Историк С. М. Соловьев описывает такой интересный случай. В Голландию к Петру приехал из Москвы Яков Брюс с ранами от ожога и сказал, что князь Ромодановский обжег его на пиру под влиянием Хмельницкого. Царь по этому случаю написал Ромодановскому: «Зверь! Долго ли тебе людей жечь? И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою (Хмельницким). Быть от него роже драной».

И все-таки, каким же он был – Яков Вилимович Брюс? Наверное, об этом лучше всего расскажет его усадьба, заглянуть в которую и нам, потомкам, поучительно. Найдена купчая, согласно которой граф Я. В. Брюс 24 апреля 1727 года купил у князя А. Г. Долгорукого подмосковное сельцо Глин-

ково. На высоком берегу Клязьмы начали строить великолепный архитектурный ансамбль в стиле барокко. А на другом берегу работал заложенный по указу Петра I Лосиный завод, производивший кожаную амуницию для армии. Онто и дал начало теперешнему городу Лосино-Петровскому.

Усадьба Глинки строилась с учетом научных пристрастий владельца. Над двухэтажным главным домом высилась башенка обсерватории, в одном из зданий разместилась «лаборатория Брюса», в другом – «кладовая Брюса». Хозяин усадьбы прослыл в народе чернокнижником из-за своих занятий математикой и астрономией.

Тем временем в России наступила эпоха дворцовых переворотов. Петр II, сменивший на престоле Екатерину I. сослал князя Меншикова в Березов, началось царствование Анны Иоанновны, а отстраненный от дел граф Брюс строил усадьбу и изучал небесные светила.

В 1735 году после смерти Я. В. Брюса, не имевшего детей, хозяином Глинок становится сын его старшего брата Александр Романович, женившийся на княгине Е. А. Долгорукой. При них в 1756 году была построена церковь Иоанна Богослова и усыпальница. Их сын, Яков Александрович Брюс, служивший некоторое время московским главнокомандующим, был женат на графине Прасковье Александровне Румянцевой. Ее надгробие работы скульптора Мартоса удалось спасти после разорения усадьбы. Их единственная дочь, Екатерина Яковлевна, вышла замуж за Василия Валентиновича

Мусина-Пушкина. Детей у супругов не было и, хотя граф Мусин-Пушкин в 1796 году получил приставку Брюс к своей фамилии, больше в числе владельцев усадьбы Брюсов не значилось.

Сейчас во флигеле над прудом находится музей Якова Вилимовича Брюса. Здесь можно узнать немало интересного об истории усадьбы и об ее владельце. Музей создан совсем недавно и работает на общественных началах. Посетить его можно в воскресенье, лучше всего с утра. По территории усадьбы проводятся экскурсии. В настоящее время в Глинках находится санаторий, и отдыхающие рады возможности расширить свой кругозор. Жаль только, что в конце усадебного парка зияет провалами выбитых окон перестроенное здание церкви, купол и колокольня которой были разрушены в 30-е годы. Грустно и то, что серое здание санаторного клуба никак не гармонирует с архитектурным ансамблем усадьбы. И все же для своего более чем 270-летнего возраста Глинки сохранились неплохо. При реставрации была вновь надстроена башенка обсерватории над главным домом, которую однажды сломали, сочтя, наверное, архитектурным излишеством. В этой башенке подолгу сиживал, наблюдая за небесным сводом, сподвижник Петра I, воин и ученый Яков Вилимович Брюс.

Проезд: с Ярославского вокзала до станции Монино. Далее автобусом № 32.

Февраль 1997 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом с башенкой

Горки
Горки Морозовские

Раньше, бывая в Горках, многое можно было услышать о жизни и смерти здесь вождя революции, вернее услышать то, что нам считали нужным рассказать, и почти ничего не узнать о настоящих владельцах и устроителях этой усадьбы

Горки впервые упомянуты в истории в XVI веке. В XVIII–XIX веках их владельцами были Наумовы, Трубецкие, Белосельские, Бекетовы, Бутурлины…, а с 1909 года – Зинаида Григорьевна Морозова-Рейнбот. Дочь купца II гильдии Григория Ефимовича Зимина, одного из директоров «Зуевской мануфактуры», она вышла замуж за Сергея Викуловича Морозова из рода купцов-промышленников и меценатов, но вскоре другой Морозов из того же знаменитого рода, Савва Тимофеевич, увлек ее сердце.

После женитьбы Савва Тимофеевич строит в Москве с помощью архитектора Ф. О. Шехтеля великолепный особняк на Спиридоновке. В этом роскошно обставленном особняке бывали и купцы, и писатели, и артисты, и художники. Здесь, на Спиридоновке, пел Шаляпин, сюда заезжала супруга великого князя Сергея Александровича Елизавета Федоровна, а в холле помешалось «большое витро, изображавшее Фауста с Маргаритой в саду».

Но судьба Зинаиды Григорьевны опять круто перемени-

лась. В мае 1905 года Савва Тимофеевич покончил с собой, оставив добрую память о себе, жену с четырьмя детьми и огромное состояние.

Известный промышленник П. А. Бурышкин вспоминал о ней: «Я помню ее уже не молодой, но еще очень интересной женщиной, весьма авторитетной и скорее надменной. Она была своего рода русским самородком…».

Через два года Зинаида Григорьевна вступила в брак с генералом А. А. Рейнботом. Особняк на Спиридоновке она продала и купила имение Горки Подольского уезда. В течение нескольких лет все тот же архитектор Федор Шехтель перестроил усадьбу, а хозяйка устроила доходное хозяйство, осуществив до прихода советской власти электрификацию и даже телефонизацию усадьбы. Именно поэтому в свое время и выбрали эту усадьбу для проживания вождя. А пока в жизни Зинаиды Григорьевны назревали очередные семейные перемены – после отставки генерала Рейнбота, обвиненного в казнокрадстве, она предложила ему расстаться.

После революции хозяйка Горок получила, охранную грамоту, в которой усадьба объявлялась национальным достоянием. В 1918 году сюда впервые приехал Ленин. А Зинаида Григорьевна, лишившись дома и состояния, жила в Москве, потом в Ильинском под Москвой, воспитывала детей и внука. В 1930 году ей была назначена пенсия по ходатайству МХАТа, одним из создателей которого был Савва Тимофеевич.

Между тем, «национальное достояние» полностью не сохранилось – была разрушена усадебная церковь. Экскурсовод указал и место у северного входа, где и сейчас лежат камни церкви Покрова Богородицы.

Возле главного усадебного дома в Горках растет могучий дуб. Говорят, он ровесник Москвы и помнит еще вятичей, курганы которых находятся на территории усадьбы, помнит и всех, живших на этой земле рядом с ним. Восемь с половиной веков смотрит он на этот мир. А «глядя на мир, нельзя не удивляться».

Проезд: от метро «Домодедовская» автобусом № 439.

Март 1998 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом

Домодедово и Константиново
Дом на Каширском шоссе

Всё есть на земле домодедовской: своё Михайловское и своё Константиново, Одинцово и даже три Домодедовых – село, город и аэропорт. А вот своего историко-художественного музея не было. Появился он в городе только летом 1992 года.

Олег Степанович Кузнецов, хранитель музея и педагог с 50-летним стажем, познакомил с экспонатами недавно прошедшей выставки, посвященной войне 1812 года. В центре зала большой круглый стол, на котором разложены открытки, марки, медали, значки… Слева от входа – военная одежда, на стенах – генеалогическая схема рода Голенищевых-Кутузовых, литографии с портретами полководцев, справа – витрина с оружием той эпохи. Каждый экспонат имеет свою историю. Наконечник копья, например, привезен Олегом Степановичем из села Константинова: им одна бабуля приспособилась щипать лучину для растопки.

В музее полным ходом идут ремонтные и строительные работы. Планируется, как сообщил директор, значительно расширить площади музея и улучшить условия хранения коллекций: сейчас в помещении повышенная влажность – этаж-то первый. При всем том, за три года работы проведено уже девять выставок. После открытия новых залов в мар-

те-апреле предполагается развернуть основную экспозицию по истории домодедовского края.

Первое упоминание о селе Домодедове относится к началу XV века. Долгое время оно было царской вотчиной. Здесь содержались государственные конюшни. А жители села и округи, кроме сельского хозяйства, занимались добычей бута и пережиганием его на известь. В 1825 году при селе Константинове возникла одна из первых в России бумагопрядильных фабрик. В 1900 году открылась железнодорожная станция Домодедово, что дало толчок бурному промышленному развитию этого края. А статус города рабочий поселок Домодедово получил в 1947 году. К предстоящему пятидесятилетию города изданы книги «Из истории земли Домодедовской» Н. А. Чулкова и «Очерки по истории Домодедовского района» И. А. Горшкова.

В селе Константинове, о котором наряду с другими рассказано в книге Н. А. Чулкова и которое входит теперь в черту города, стоит красивый усадебный дом. Уже много лет проводятся в нем реставрационные работы. На территории усадьбы – таблички, предупреждающие о злых собаках. Через дорогу – парк и пруды. Усадьба возникла на месте вотчины князей Ромодановских, владевших ею с середины XVII по начало XVIII века. В 1670 году по челобитью князя И. В.Ромодановского на другом берегу реки Рожайки была построена церковь. В начале XIX века усадьба принадлежала Р. Е. Татищеву, внуку известного российского историка и

государственного деятеля Василия Никитича Татищева. А во второй половине того же столетия перешла к Пржевальским. Здесь у своего брата подолгу гостил знаменитый путешественник Николай Михайлович Пржевальский.

Наряду с музеем, расположенным в доме на Каширском шоссе, усадьба после реставрации могла бы стать еще одним символом древней истории домодедовского края.

Проезд: с Павелецкого вокзала до станции Домодедово. Адрес музея: г. Домодедово, Каширское шоссе, д. 52

Март 1996 г. Фото из архива автора.

В этом доме расположен музей

Дунино
«Темно перед светом»

В деревне Дунино, недалеко от Звенигорода, стоит на пригорке необычный деревянный дом. Он не похож ни на старинный усадебный, ни на простой деревенский. Открытый семигранник веранды, напоминающий капитанскую рубку, смотрит в сторону реки. Капитаном этого, причалившего кормой к лесу корабля был писатель Михаил Михайлович Пришвин.

За свою долгую жизнь какими только профессиями он не занимался! Был агрономом и учителем, географом и этнографом, фенологом и ботаником, охотником и фотографом. Закончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета, хотя в свое время его исключили из гимназии за дерзость учителю (а учителем этим был никто иной, как В. В. Розанов!).

Валерия Дмитриевна, жена Пришвина, в книге «Наш дом» начинает рассказ об истории дунинской земли аж со времен Екатерины II. В числе владельцев значились коллежский асессор и коллежская советница, полковник и присяжный поверенный. В 1901 году жена статского советника К. В. Критская купила «дачу» у Марии Освальд, жены «финского уроженца». Видимо, по проекту этого самого уроженца и был построен в конце XIX века дом, который Пришвины

приобрели в 1946 году. Тогда он принадлежал вдове преподавателя Московского университета географа Лебедева, Н. А. Лебедевой-Критской.

Интересно, что во время войны немцы стреляли по деревне с другого берега Москвы-реки, однако перейти ее так и не смогли. Дом уцелел, но восстановление его и некоторая перестройка потребовали немалых затрат. «Мой дом над рекой Москвой – это чудо. Он сделан до последнего гвоздя из денег, полученных за сказки мои и сны», – писал Пришвин в дневнике.

За прожитые Михаилом Михайловичем здесь почти восемь лет закончена «Осударева дорога», написаны «Корабельная чаща» и другие произведения. Но прежде всего – дневники.

В кабинете писателя – его рабочий стол, книжные шкафы с любимыми книгами, металлическая кровать, в углу – столик с фотоувеличителем, у печки – постель для собаки. В комнатке Валерии Дмитриевны поместились кровать со шкафом да столик с пишущей машинкой «Мерседес»,

В Дунино приезжали многие известные люди – писатели и художники, скульпторы и музыканты. В столовой проходили чаепития, велись беседы. Здесь сиживал Петр Леонидович Капица, отстраненный в те годы от научной деятельности и устроивший физическую лабораторию у себя на даче на Николиной Горе, расположенной в 10 километрах от Дунина.

Да, я материалист, – сказал он (П. Л. Капица). А кто же

Вы? Идеалист?

Нет.

А кто же?

Подумав немного, я отвечал:

Я спиритуалист.

И улыбнулся, – записал Пришвин в дневнике.

«Спиритуалист» Пришвин смотрел в «глаза земли», слышал, как листья «хорошо и серьезно шумят под ногою», видел «весну света».

«Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку… – писал К. Г. Паустовский. – Его не интересует наносное. Его занимает суть человека, та мечта, которая живет у каждого в сердце, будь то лесоруб, сапожник, охотник или знаменитый ученый».

16 октября 1953 года, в последнюю свою осень в Дунине, 80-летний писатель отметил в дневнике: «Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и страшно проносится жизнь, ты же сидишь где-то на пне, лицом обращенный к заре, и ничего не теряешь, все остается с тобой».

Сейчас в доме Пришвина работает музей. Здесь можно купить изданные недавно «Дневники» писателя. И вообще здесь всегда рады посетителям.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Звенигород, далее автобусом № 13 до «Поречья».

Декабрь 1995 г. Фото из архива автора.

Дом М. М. Пришвина

Лыткарино и Петровское
Из рода в род переходя

В начале XVII века деревня Лыткарино (Лыткорино) входила в состав села Жилино, а Петровское значилось приселком села Остров.

Теперь Петровское находится в черте города Лыткарино, но еще раньше, в XIX веке, их уже объединяли два знатных рода, владевших этими землями.

В XVII веке село Петровское принадлежало дворцовому ведомству и боярину Ивану Михайловичу Милославскому. После смерти царя Федора Алексеевича началась борьба за царскую корону. И. М. Милославский был противником воцарения Петра и, по выражению историка С. М. Соловьева, «кипятил заговор» во время Московской смуты 1682 года. От той поры осталась в Петровском небольшая Никольская (Петропавловская) церковь – самая древняя, по-видимому, постройка в этой местности. Сейчас она оказалась зажатой между современными зданиями, а тогда, в 1680 году, в селе было всего восемь крестьянских дворов, так что храм выглядел весьма внушительно.

В 1691 году Петровское пожаловали боярину Матвею Филимоновичу Нарышкину, и оно принадлежало роду Нарышкиных до 1785 года. В 1805–1812 годах этим селом владели Демидовы. При них здесь была выстроена новая Петропав-

ловская церковь, служившая усыпальницей.

А Лыткарино в самом начале XVIII века, в 1702 году, стало владением воспитателя Петра I, думного дьяка Никиты Моисеевича Зотова, «ближней канцелярии генерал-президента».

Через 150 лет, в 1852 году, имение перешло к военному и государственному деятелю князю А. И. Чернышеву в качестве приданого его жены.

Александр Иванович Чернышев прожил бурную жизнь. Начав свою карьеру при Александре I, во время войны с Наполеоном, и закончив при Николае I военным министром и председателем Государственного совета, он получил графский и княжеский титулы, а затем и титул светлейшего князя, ему было присвоено звание генерала.

После смерти князя его вдова, Елизавета Николаевна, прикупила еще и соседнее Петровское.

После революции на землях бывшего имения Петровское была создана коммуна, а потом Петровский государственный племенной завод. Второй этаж усадебного дома сгорел в 1930 году, позже его надстроили «в чуждых памятнику формах». Ныне в здании располагается учреждение, которому не до реставрации помещичьего дома.

Зато в Лыткарине, в усадебном доме Марии Александровны Чернышевой, перестроенном в 1880 году, разместился историко-краеведческий музей, где можно познакомиться с историей этого края.

Музей открыт ежедневно, кроме воскресенья и последней пятницы каждого месяца.

Проезд: от станции метро «Выхино» автобусом № 393.

Сентябрь 1998 г. Фото из архива автора.

Петропавловская церковь

Усадебный дом в Петровском

Люберцы
Прогулка по Люберецкому музею

Как правило, краеведческие музеи располагаются в старинных особняках, носящих титул памятников архитектуры. А вот здание Люберецкого краеведческого музея напоминает скорее типовой кинотеатр или выставочный зал. Но внешность обманчива – стены этого здания исторические.

Директор и основатель музея Михаил Петрович Изместьев, заслуженный работник культуры и почетный гражданин города, член Союза художников, показал на стенде, висящем в вестибюле музея, свои рисунки. На них изображен старообрядческий молельный дом, после реконструкции которого здесь поселился краеведческий музей. Официальное открытие музея состоялось 5 ноября 1976 года, но экспонаты накапливались задолго до открытия. Сейчас музей насчитывает более 15 тысяч единиц хранения основного фонда. Есть на что посмотреть и откуда почерпнуть знания по истории.

Люберецкая земля упоминается в письменных источниках уже в начале XVII века. В 1632 году в деревне Либерицы (Назарово) была построена деревянная Преображенская церковь, и деревня стала селом. Петр I отдал это село своему сподвижнику А. Д. Меншикову. Царский любимец построил здесь каменные палаты и разбил большой парк.

В 20-е годы нашего столетия многие церкви закрыли (а их

на Люберецкой земле было немало), Преображенский собор в Люберцах разрушили. Действующей осталась только церковь в Наташине (станция Ухтомская). Сейчас многие храмы обретают вторую жизнь.

Особенно интересна церковь Казанской Божией Матери в Котельниках, построенная мастерами Каменного приказа в 1680-х гг. в хозяйственной вотчине боярина Бориса Ивановича Морозова по распоряжению его жены Анны Милославской, сестры царицы. Церковь пока находится в процессе реставрации, но службы уже идут.

На первом этаже музея представлена геология края, его природа, а также предметы быта, великолепная резная мебель, посуда.

Впечатляет длинный перечень знатных землевладельцев этого края. С 1757 по 1762 год среди них был император Петр III. На гравюре изображен его приезд в Люберцы (тогда он еще носил титул великого князя) с женой-заговорщицей (будущей Екатериной II).

В сентябре 1812 года через Люберцы прошли русские войска, а следом – войска Наполеона. Революции 1905 и 1917 годов, гражданская и Великая Отечественная войны тоже оставили о себе память на Люберецкой земле.

Особое место занимает экспозиция, посвященная 37-й гвардейской стрелковой дивизии, в составе которой воевал и нынешний директор музея. Здесь же, на втором этаже, представлены его рисунки. Третий этаж целиком занимает худо-

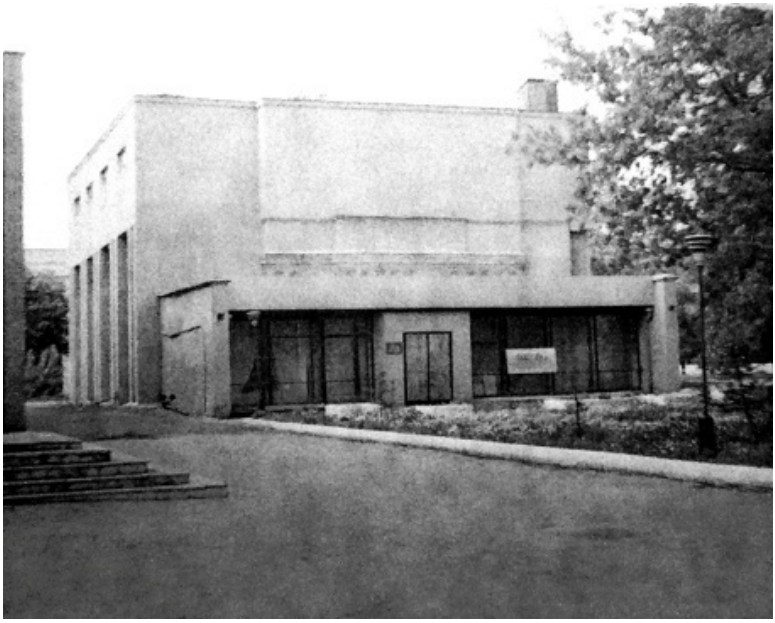
жественная выставка.

…Украшением Люберец стала построенная по проекту М. П. Изместьева часовня с посвящением: «Люберчанам, павшим за веру и Отечество». Горят в часовне свечи, а это значит, что жива память и не прерывается связь времен.

Проезд: от станции метро «Выхино» до платформы Люберцы, далее пешком.

Музей работает ежедневно, кроме воскресенья, понедельника и последней среды месяца.

Июнь 1998 г. Фото из архива автора.



Люберецкий краеведческий музей

Мураново
Дом поэтов

Евгений Абрамович Баратынский любил свой дом, построенный по его собственным чертежам в 1842 году. Но, наверное, поэт даже не мог и предположить, что с этим домом в подмосковной усадьбе Мураново так тесно будут связаны судьбы многих литераторов XIX века.

Представлять Баратынского излишне. Он – один из самых ярких поэтов прошлого столетия, друг Дениса Давыдова, Дельвига, Кюхельбекера и, конечно, Пушкина. «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинал – ибо мыслит. Он был бы оригиналом и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко», – писал А. С. Пушкин.

В возрасте 25 лет Баратынский, почти пять лет прослуживший до этого в Финляндии, был произведен в офицеры, вышел в отставку, поселился в Москве и вскоре женился. Женой его стала старшая дочь генерала Л. Н. Энгельгардта, Анастасия. А познакомил будущих супругов Денис Давыдов, гостивший в усадьбе Мураново. Построив в Муранове просторный, рассчитанный на большую семью дом, Баратынский прожил в нем недолго. Весной 1844 года в Италии во время заграничного путешествия он скоропостижно скончался (поэт был похоронен в Петербурге, в Алексан-

дро-Невской лавре).

Младшая дочь Энгельгардта, Софья Львовна, к которой впоследствии перешло Мураново, вышла замуж за Николая Васильевича Путяту, друга Баратынского, литератора, председателя Общества любителей российской словесности при Московском университете. Путяты принимали в усадьбе Гоголя, Аксаковых, поэтессу Е. П. Растопчину, Ф. Одоевского и многих других.

В 1869 году младший сын поэта Тютчева, Иван Федорович, женился на единственной дочери владельца Муранова, Ольге Николаевне. А вот документальных свидетельств пребывания самого Федора Ивановича Тютчева в Муранове не найдено.

Старшая дочь Тютчева, Анна Федоровна, вышла замуж за Ивана Сергеевича Аксакова, и в 1866 году они поселились в соседнем Абрамцеве. Так многочисленными дружескими и родственными узами переплелись судьбы этих русских поэтов и писателей. После смерти Ф. И. Тютчева его жена и сын перевезли в Мураново обстановку, рукописи, книги поэта. Семья Ивана Федоровича Тютчева была очень гостеприимной. У них бывали поэты Я. П. Полонский и А. И. Майков, часто наезжал И. С. Аксаков.

Музей-усадьба «Мураново» открылся в 1920 году. До 1949 года исполняющим обязанности, а затем заведующим музеем и хранителем был внук Ф. И. Тютчева, Николай Иванович. Здесь он скончался и был похоронен рядом с отцом,

Иваном Федоровичем Тютчевым, у восточной стены небольшой усадебной церкви, построенной в 1878 году. С 1949 по 1980 годы директором был Кирилл Васильевич Пигарёв, правнук поэта Тютчева.

А чем живет Мураново сегодня? Более десяти лет продолжается реставрация. Но, может быть, в этом году, как предполагают работники музея, усадьба откроется для посетителей. И снова можно будет пройти по аллеям парка, увидеть полотна русских художников, книги и обстановку комнат усадьбы, а на столе Ф. И. Тютчева – гусиное перо с засохшими чернилами и свечи, зажженные поэтом в последний раз.

Проезд: с Ярославского вокзала до станции Ашукинская, далее автобусом № 34.

Сентябрь 1995 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Новый Иерусалим
Земля обетованная
находится рядом с Москвой

«Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет…».

Так писал М. Ю. Лермонтов в стихотворении «В Воскресенске». Воскресенский монастырь задумывался патриархом Никоном как новый центр православия. Прообразом Воскресенского собора послужил храм гроба Господня в Иерусалиме.

Строительство началось в 1656 году с подготовки места для строительства и возведения деревянной церкви. Царь Алексей Михайлович пожертвовал новому монастырю множество деревень. Вносили вклады и члены царской семьи, бояре.

В 1658 году был построен скит патриарха, тут же, напротив, – маленькая церковь Петра и Павла, за ней колокольня с одним колоколом. В этом же 1658 году заложен каменный

соборный храм.

Никон, приезжая в монастырь, работал вместе с монахами то каменщиком, то плотником, то столяром. Сыну крестьянина Мины из-под Нижнего Новгорода знакомы были все эти профессии.

Когда-то священник Никита Минич был женат, но похоронили они с женой троих своих малюток да разошлись, посчитав, видимо, что Бог против их брака. Она постриглась в московском Алексеевском монастыре, а он ушел на Белое море в Анзерский скит, где переменил имя Никиты на Никона. В 1646 году молодой царь Алексей Михайлович обратил внимание на явившегося в Москву по монастырским делам Никона. А в 1652 году, будучи уже митрополитом Новгородским, Никон был посвящен в патриархи. В течение ряда лет по воле царя и Собора Никон управлял государством, писался «великим государем» и был «собинным» другом царя.

Тем временем на Руси происходили разнообразные события: войны, церковная реформа и раскол, борьба патриаршей, царской и боярской властей…

В 1666 году строительство монастыря приостановилось. В том же году церковный собор низложил Никона и сослал его на Север в Ферапонтов монастырь. Впереди были долгие годы заточения.

Только в 1681 году уже царь Федор Алексеевич повелел, наконец, перевести больного патриарха в Новый Иерусалим. Но не увидел больше Никон «сей священной обители». По

пути из ссылки он скончался и был погребен в приделе Воскресенского собора. А строительство Воскресенского собора было закончено лишь в 1685 году.

При Петре I монастырь окружили каменной стеной с восьмью башнями и построили надвратную церковь. Строительством руководил крепостной архитектор Яков Бухвостов.

В 1723 году разрушилось шатровое завершение ротонды над часовней, а в 1726 году случился пожар. Через 20 с лишним лет императрица Елизавета Петровна поручила архитектору Растрелли разработать проект собора в новом стиле барокко. Строительством руководил архитектор К. И. Бланк, оформлением приделов занимались М. Ф. Казаков, А. Н. Воронихин.

В 1919 году Воскресенский монастырь был закрыт, а его имущество национализировано.

В декабре 1941 года здесь шли ожесточенные бои за Москву, здания монастыря сильно пострадали, некоторые были полностью разрушены.

После Великой Отечественной войны монастырь пришлось восстанавливать, и процесс этот продолжается до сих пор. В строительных лесах купол собора, практически не началось восстановление колокольни.

В 1994 году деятельность Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря возобновилась.

В монастыре работает Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». В его просторных за-

лах множество интересных материалов по истории монастыря, живопись, иконы. Можно спуститься в подземную церковь Константина и Елены, внутренняя отделка которой отличается роскошными орнаментами из архитектурных деталей.

У северо-западной стены монастыря расположен музей деревянного зодчества. Здесь можно побродить среди крестьянских изб, деревянных церквей. А желающие могут искупаться в Истре.

Проезд: с Рижского вокзала до станции Новоиерусалимская, далее пешком.

Июль 1995 г. Фото из архива автора.

Скит патриарха Никона

Одинцово
Музей вместо конторы

В конце XVII века хозяином Одинцова был боярин Артамон Сергеевич Матвеев, доверенный человек при царе Алексее Михайловиче, «большой охотник до образования и людей образованных, ловко владевший пером, опытный в делах правления», – так писал о нем историк С. М. Соловьев. К сожалению, судьба его оказалась трагичной – он погиб во время стрелецкого бунта, изображенного впоследствии в опере Мусоргского «Хованщина».

И вот как это произошло. После смерти царя Алексея Михайловича боярин Матвеев оказался в опале и был выслан в ссылку, а Одинцово причислено к дворцовым землям. Из ссылки Артамон Матвеев вернулся только в мае 1682 г., перед началом Стрелецкого бунта. Он попытался убедить стрельцов прекратить бунт, но был зверски убит стрельцами. В 1683 году Одинцово было возвращено Андрею Артамоновичу Матвееву, сыну боярина, царским указом Петра I.

В краеведческом музее города Одинцова можно увидеть немало экспонатов, рассказывающих об истории одинцовской земли: от осколков керамики прошлых тысячелетий до фотостенда, посвященного академику С. П. Королеву. А сам музей размещается рядом со станцией в старинном кирпичном здании, бывшем когда-то конторой кирпичного завода

предпринимателя и купца Василия Ивановича Якунчикова. В музее на стене висят «Правила внутреннего распорядка для рабочих кирпичного завода коммерции советника В. И. Якунчикова». Рабочий день на заводе длился в летний период с 4 утра до 8 вечера с двумя перерывами: 1 час на завтрак и 2 часа на обед и отдых.

В Одинцове были свои кирпичные заводы, а вот кирпичных старинных зданий в городе осталось всего четыре: кроме музея, церковь Гребневской иконы Божией Матери (1802 г.), вокзал (1900 г.), да бывший дом купца Сорокоумова.

Зато район Одинцовский богат историческими достопримечательностями. Здесь расположены и Саввино-Сторожевский монастырь, и Звенигород (в музее находится умело сделанная панорама Звенигородского кремля XIV–XV веков), и усадьбы Введенское, Большие Вяземы, Захарово, другие неповторимые по красоте места, связанные с именами крупнейших деятелей русской культуры. В музее есть даже специальный литературный зал, среди экспонатов которого – картины, фотографии, личные вещи, принадлежавшие нашим великим соотечественникам.

В двух маленьких залах – экспонаты военного времени. Ведь неподалеку, в деревне Власиха, находился штаб маршала Жукова. Далее – коллекция гербов российских городов, живопись местных художников, скульптура, фотографии, посуда и детские поделки. Обо всем этом увлекательно рассказывают работники музея – Нина Иосифовна и Дина

Ивановна.

Музей общественный и вход в него бесплатный. Часть здания занимает фирма «Интерком», которая оказывает музею финансовую помощь. По-видимому, здесь найдена весьма удачная форма взаимовыгодного сотрудничества.

А вообще историко-краеведческий музей открылся 1 сентября 1989 года, так что возраст у него еще «дошкольный» и все впереди.

Адрес музея: г. Одинцово, Привокзальная пл., 1.

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Одинцово.

Декабрь 1995 г. Фото из архива автора.

Музей в Одинцове

Остафьево
«Русский Парнас»

то дал это название, неизвестно, но предполагают, что А. С. Пушкин. «Парнасом» стало Остафьево сразу. В 1792 году это село приобрел действительный тайный советник и кавалер князь Андрей Иванович Вяземский у поручика Л. И. Журавлева.

Усадьба Остафьево нравилась князю Андрею своим парком и липовой аллеей, ведущей к дому. Недалеко от въезда – старинная Троицкая церковь. Усадебный дом князь строил заново в течение девяти лет, он получился удобным и красивым – с боковыми флигелями, галереями, колоннами.

Николай Михайлович Карамзин был одним из первых посетителей Остафьева. Приезжали и другие друзья князя, поэты и писатели: Иван Дмитриев, Михаил Херасков, братья Василий и Сергей Пушкины, дядя и отец А. С. Пушкина.

Кроме гостеприимных хозяев, в усадьбе жили их дочери, обе Екатерины, и сын Петр – будущий поэт. Старшая Екатерина была внебрачной дочерью князя Андрея, на ней и женился Николай Карамзин вторым браком в 1804 году. Разница в возрасте была четырнадцать лет, но брак оказался счастливым. Кроме дочери от первого брака Карамзина, у них выросли еще три сына и две дочери.

В год своей женитьбы Карамзин побывал в гостях у семей-

ства Пушкиных, где пятилетний Александр «вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз», как вспоминал отец поэта.

После свадьбы Карамзины сначала поселились в московском доме князя Андрея, по его приглашению, а лето проводили в Остафьеве. Карамзин, по его выражению, «по уши влез в русскую историю».

В 1807 году умер князь Андрей Вяземский и возвратился из Петербурга учившийся там Петр Вяземский. Теперь Карамзин почти безвыездно жил в Остафьеве. Работа, на которую он предполагал затратить шесть лет, растянулась на два десятилетия, из которых двенадцать лет прошли в Остафьеве.

В усадьбу стали приезжать молодые друзья Петра Вяземского и поклонники Карамзина: поэты Константин Батюшков, Василий Жуковский, Денис Давыдов. Осенью 1811 года молодой князь Петр Вяземский венчался с княжной Верой Гагариной. Лето 1812 года обе семьи предполагали провести в Остафьеве, но в июне бонапартовы войска форсировали Неман и началась война. Князь Петр поехал в действующую армию, а Карамзин, отправив из усадьбы жену, детей и княгиню Вяземскую уехал в Москву.

В Остафьево не раз делали набеги французы, но благодаря храбрости оставшихся в усадьбе швейцарки-девицы и старика-итальянца усадьба уцелела. Главное, в кабинете Карамзина сохранилась рукопись «Истории государства Российско-

го», тогда как другой список, хранившийся в Кремле, сгорел во время пожара.

После войны жизнь в Остафьеве постепенно опять оживилась. Приезжали гости, устраивался театр, балы и фейерверки.

В 1816 году Карамзин увез рукопись «Истории государства Российского» в Петербург. Вскоре после этого он с семьей переехал жить в Царское Село. На этом закончилось остафьевское подвижничество историка.

Сейчас в Остафьеве музей. Пройдя по его залам, узнав о жизни живших здесь поколений Вяземских и Шереметевых, самоотверженно сохранивших усадьбу и культурное наследие, полюбовавшись отреставрированным Овальным залом дворца, где читал стихи Пушкин, вы подниметесь на второй этаж и войдете в эту светлую и скромную по своей обстановке комнату (с полукруглым окном снаружи). В ней писал русскую историю человек, сам ставший теперь ее частью, – Николай Михайлович Карамзин.

Проезд: с Курского вокзала до Подольска, далее автобусом.

Август 1996 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом со стороны парка

Переделкино
Дачные музеи Переделкина

Недалеко от станции Переделкино стоит красивая Преображенская церковь – «Дворцовый храм бояр Колычевых», основанный в XV веке. Перед церковью шоссе поворачивает налево и идет мимо кладбища вниз по мосту через Сетунь в сторону бывшего имения Самариных. По обе стороны шоссе – дачи писательского поселка. Названия улиц тоже писательские. На ближайшей справа по ходу улице Павленко, в доме № 3 на краю большого поля, с видом на церковь, жил с семьей Борис Леонидович Пастернак.

Сын Бориса Пастернака, Евгений, писал в своей книге об отце: «Большинство домов было спроектировано без участия будущих обитателей. Выбор был достаточно широк. Кроме того, можно было заказать дом по своему вкусу. Так поступили Николай Тихонов, Вера Инбер, Сельвинский. Распределял дачи сам Горький…».

Сначала Пастернак получил большую шестикомнатную дачу с тремя террасами, по соседству с Борисом Пильняком. Тогда Борис Леонидович еще рассчитывал на возвращение в Россию своих родителей, которым писал: «…Ведь ту, громадную, я взял в расчете на ваш приезд, и потом, забывая о первопричине, все удивлялся, к чему такой манеж, непосильный и обширный. Теперь будет вдвое меньше, и не в

лесу, а у поля, на солнце, для огорода будет лучше…». О том, что прямо в Переделкине был арестован его друг Борис Пильняк, родителям не сообщалось.

В этом доме у поля, в котором теперь музей, жил Пастернак с лета 1939 года. В то время он по просьбе Мейерхольда взялся за перевод «Гамлета». Но Мейерхольда тем же летом арестовали, и жизнь Пастернака тоже висела на волоске.

«Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку…»

С Пастернаком-Гамлетом многое случилось на его веку. Роман «Доктор Живаго» принес автору мировую известность, Нобелевскую премию и дружное осуждение ортодоксальных советских писателей.

«…Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти».

На первом этаже его дома-музея – маленькая комнатка, где умер поэт, на втором – рабочий кабинет – «…мне стыдно стен огромного моего кабинета с паркетным полом и центральным отоплением». Внизу у порога стоят большие кирзовые сапоги. Хорошо в них было ему и в лесу бродить, и

картошку копать.

Недалеко от Пастернака, на «аллее классиков», улице Серафимовича, жил Корней Иванович Чуковский. Его книги знакомы всем с детства. Известны и его литературоведческие работы о Некрасове, Чехове, Уитмене, а также воспоминания о Репине, Блоке и еще многих «замечательных людях».

В кабинете Чуковского, кроме множества книг, полно подаренных ему детских игрушек. А у окна висит великолепная оксфордская докторская мантия. Здесь же в доме экскурсовод покажет вам и комнату Лидии Корнеевны Чуковской. В своей книге «Памяти детства» она вспоминала, как Корней Иванович читал детям стихи, и они понимали даже «не смысл отдельных слов или строк, а то, что содержится в причудливом сплетении их, в строках и строфах, в которые они сплавлены силой ритма».

И еще один музей появился в Переделкине. В конце августа, когда наступал очередной финансовый кризис, открылся музей Булата Окуджавы.

Ориентируясь по указателям со стрелкой «К Булату» можно дойти до улицы Довженко. У дома № 11 даже на заборе стоят розы в бутылках и банках «из-под импортного пива». Дорожка ведет к небольшой площадке, слева – одноэтажный домик, прямо – гараж с пристройкой, в которой размещена собранная почитателями и друзьями поэта экспозиция. Здесь можно увидеть его книги и фотографии мно-

гих поэтов, артистов, музыкантов, любивших его творчество и друживших с ним. Можно послушать снова его удивительные песни. В домике его теперь уже мемориальный кабинет. Самодельные стеллажи с книгами, фотографии, колокольчики над столом и на полках.

Музей создан и существует на средства энтузиастов, но вряд ли это может продолжаться долго без хотя бы минимальной поддержки государства. Будем надеяться. Пусть звучит «надежды маленький оркестрик».

«Надежда-то у нас есть, – пошутил один экскурсовод, показывая на другого симпатичного гида-женщину, – да средств маловато».

Во дворе под тентом стоит большой стол, за который приглашают посетителей попить чаю с пряниками. Но как-то неудобно – и так вход в музей бесплатный, а тут еще и пряники подорожали.

Посетить сразу три переделкинских музея можно с четверга по воскресенье включительно.

Проезд: с Киевского вокзала до станции Переделкино.

Октябрь 1998 г. Фото из архива автора.

Музей Б. Л. Пастернака

Музей К. И. Чуковского

Музей Б. Ш. Окуджавы

Подольск
Подольское «Подолье»

Краеведческий музей города Подольска расположен теперь на высоком берегу Пахры, в усадьбе Ивановское, построенной в конце XVIII – начале XIX века по заказу графа Ф. А. Толстого, сенатора, члена «Общества любителей российской словесности». Затем усадьбой владели граф А. А. Закревский, бывший некоторое время московским генерал-губернатором, и, наконец, Бахрушины, известные деятели русской культуры. В том здании, где краеведческий музей находился раньше – рядом с Троицким собором, теперь разместилась воскресная школа.

Хороший в усадьбе Ивановское музей, хоть и маленький. В главном его зале – с хрустальными люстрами, самоварами, старинными часами и другими экспонатами, есть даже рояль – здесь устраивают небольшие концерты, читают лекции для школьников. Впрочем, это не слишком улучшает финансовое положение музея. Зарплата смотрителя – всего 45 тысяч рублей, научного сотрудника – порядка 80 тысяч. Как можно прожить на эти деньги, остается загадкой. Входной билет стоит 500 рублей, да только входящих мало.

Есть в Подольске и другая достопримечательность – дом-музей В. И. Ленина. Он является частью историко-мемориального музея-заповедника «Подолье», включающего во-

семь строений на площади 13 гектаров. Дом вождя мирового пролетариата финансируется так же, как и краеведческий музей, – через городской отдел культуры.

По проспекту Ленина, через мост, мы дошли до площади Ленина, потом чуть было не свернули на улицу Революционную, но, вовремя одумавшись, пошли «другим путем», к старинному зданию вокзала города Подольска.

Хорошо бы властям подумать о том, как эффективнее организовать финансирование музеев. Самый простой способ – оставлять им дополнительно всю выручку от продажи билетов. Тогда музейные работники почувствуют заинтересованность в своем труде.

Наверное, и предоставление льгот должно зависеть от посещаемости музея, так сказать от «спроса» общества на тот или иной музей. Правда, этот спрос необходимо тоже как-то стимулировать. Но это все теории и проекты. А пока в Подольске прекрасно сосуществуют рядом два музея, рассказывающих о нашем единственном и неповторимом прошлом.

Февраль 1995 г. Фото из архива автора.

Дом-музей В. И. Ленина

В этом усадебном доме расположен краеведческий музей

Раменское и Денежниково
Дом за зеленым забором

В Раменском краеведческом музее находится прекрасный акварельный рисунок, на котором изображена усадьба Денежниково. Двухэтажный дом в стиле классицизма, соединенный колоннадами с башнями, стоящими по бокам, и два флигеля образуют замечательный архитектурный ансамбль в виде полукруга с внутренним парадным двором.

В том же музее можно увидеть портреты графа Н. А. Зубова и А. В. Суворова-Рымникского, князя Италийского. А также Александра Степановича Талызина, тайного советника, предводителя дворянства Бронницкого уезда, его жены Ольги Николаевны и их дочерей. Все эти портреты висели когда-то в усадьбе Денежниково. И не случайно.

Степан Александрович Талызин, отец изображенного на портрете предводителя дворянства, был другом и соратником Александра Васильевича Суворова, участвовал в штурме Измаила и дослужился до чина генерал-майора. В 1795 году Суворов крестил его сына Александра. В том же году дочь Суворова вышла замуж за графа Н. А. Зубова, а их дочь Ольга, внучка великого полководца, спустя годы стала женой Александра Талызина. Таким образом, все изображенные на портретах люди являются дальними родственниками.

Архитектурный ансамбль усадьбы Денежниково начал со-

здаваться еще при адмирале Иване Лукьяновиче Талызине, который в свое время способствовал восхождению на трон Екатерины II во время дворцового переворота. Предполагают, что архитектором усадьбы при А. С. Талызине был М. Ф. Казаков.

Если же заглянуть, как говорится, в глубь веков, то оказывается, что Денежниково в 1629 году было дано за «Московское осадное сидение в королевичев приход» немецкому ротмистру Денису Петровичу Фонвизину. Автор знаменитого «Недоросля», Денис Иванович Фонвизин, принадлежит к этому роду.

Но вернемся в наше время. Когда-то белоснежный усадебный дом ныне зияет темными провалами выбитых окон. Чудом уцелевшая башня, в которой хранилась коллекция старинного оружия, зарастает кустарником. Дом и башня отделены деревянным забором от пионерского лагеря, на территории которого теперь находится усадьба. Лет шесть назад, по словам сторожа лагеря, здесь появились реставраторы. Детей выселили из усадебного дома, но реставраторы, так и не завершив работу, исчезли. Нежилой дом с тех пор просто обречен на разрушение. Пока еще стоят флигели, в которых живут работники лагеря, да возле дома со стороны прудов на речке Медведке растет могучий дуб, посаженный, по преданию, Суворовым.

Рядом с усадебными постройками расположены современные кирпичные корпуса пионерского лагеря. Однако де-

тей, отдыхающих здесь, теперь стало значительно меньше. Велика вероятность, что лагерь вообще прекратит свое существование, и новый арендатор усадьбы снесет ее за ненадобностью. Можно ли говорить о патриотизме и при этом молчать о разрушении дома, где живут тени великих предков?! Там, за зеленым забором…

Проезд: автобусом от Москвы до г. Бронницы, далее местным автобусом.

Май 1997 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом в Денежникове

Башня

Сергиев Посад
Окружили лавру и запечатали храмы

Снова ожила Троице-Сергиева лавра. Сейчас там – действующий мужской монастырь, идут службы в храмах, работают музеи, проводятся экскурсии. А за ее стенами? Там тоже музей. Город-музей. Пока не имеющий такого статуса.

В 1782 году монастырские слободы и села, образовавшиеся вокруг Троице-Сергиевой лавры, были объединены под названием Сергиев Посад, который получил свое городское управление – ратушу.

В 1799 году в Сергиевом Посаде было 620 домов, из них 3 – каменных. Часто случались пожары. Город жил торговлей и ремеслами, и это отражалось в названиях слобод: Иконная, Поварская, Тележная, Пушкарская…

В XIX веке в Сергиевом Посаде велась коренная перепланировка улиц. Главные улицы были ориентированы по древним дорогам: Московской, Переяславской, Дмитровской и Александровской.

XX век. Студентам Духовной академии читал лекции историк В. Ключевский. На Вифаньевской улице жил некоторое время в 1902 и 1904 годах у своей сестры А. Куприн. Он работал здесь над рассказом «Мирное житие» и повестью «Поединок».

Павел Флоренский жил в Сергиевом Посаде с 1904 года.

Окончив Московский университет, физико-математический факультет, поступил в Духовную академию и после ее окончания преподавал на кафедре истории философии. В 1910 году женился, в 1911-м – принял сан священника. С 1915 по 1933 год жил с семьей в доме на улице Дворянской (сейчас и все еще – Пионерской), недалеко от лавры.

После Февральской революции, в конце августа 1917 года, переехал из Петербурга в Сергиев Посад писатель В. Розанов с семьей. Поселился в доме священника Беляева на Полевой улице, найденном для него о. Павлом Флоренским. Последняя книга Розанова «Апокалипсис» выходила отдельными выпусками в 1917–1918 годах.

«Мировая литература, не исключая даже Ницше, не исключая даже Достоевского, еще никогда не рисовала и личного и общественного бытия в таком анархическом самоотрицании, в такой близости к мировой катастрофе, как это выходило под пером Василия Розанова» – эти слова русского философа А. Лосева относятся к «Апокалипсису». В конце 1918 года от холода, голода и жизненных потрясений с Розановым случился удар. В феврале 1919-го его отпевали в приходской церкви Михаила Архангела.

«За несколько дней до третьей годовщины Октября, – вспоминал очевидец, – в три часа утра, во время совершения обычного молебна, лавру окружили красноармейцы, которые арестовали всю братию… Троицкий собор, а затем и все храмы были запечатаны».

Отец Павел работал в 1918–1920 годах в комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, а с 1912 года стал преподавать во ВХУТЕМАСе и работал во Всесоюзном электротехническом институте. Ездил в Москву работать.

А в 1926 году в Сергиевом Посаде, на улице Вифаньевской (на которой жил когда-то А. Куприн), купил дом М. Пришвин и прожил в нем с семьей до 1937 года. Здесь были написаны «Журавлиная родина», «Охотничьи были», «Корень жизни».

В 1933 году о. Павел Флоренский был арестован и после четырех лет лагерей – расстрелян на Соловках 8 декабря 1937 года.

Недавно в Сергиевом Посаде в библиотеке имени В. Розанова состоялись VI чтения, посвященные памяти священника Павла Флоренского. Говорилось о музее Павла Флоренского и о трудностях, которые возникали при его организации. Уже получено «Свидетельство о регистрации некоммерческой организации» от 1 декабря 1994 года Учредители: Центр изучения и реставрации наследия священника Павла Флоренского, Российский фонд культуры, Министерство культуры РФ. Однако по-прежнему есть проблемы с передачей музею выделенного здания, переименования улицы и другие. Присутствовавшие в зале библиотеки подписали ответствующее обращение к главе администрации района.

Может быть, музей Павла Флоренского, не только священ-

ника, но и выдающегося ученого, философа, писателя; музей, в котором будут собраны материалы о русской культуре первой трети XX века, – дело не только Сергиева Посада?

Январь 1995 г. Фото из архива автора.

Дом Павла Флоренского

Федоскино
История на табакерке

В Федоскинский музей миниатюрной живописи попасть непросто – ведь находится он в многоэтажном здании самой фабрики. Поэтому одиночному посетителю туда не пройти.

В середине XV века селом Федоскино владел Иван Федорович Вельяминов. Из летописных источников известно о тяжбе между боярским родом Вельяминовых и Богоявленским монастырем в Москве, за которым тогда числилось село. Всемогущий патриарх Никон велел снести хоромы боярские, слишком близко стоявшие к церкви. Ныне действующая сельская церковь Николы Чудотворца – один из немногих сохранившихся деревянных храмов – построена в 1875 году на месте сгоревшей прежней.

На противоположном берегу реки Учи в усадьбе Данилково московский купец Петр Иванович Коробов завел в 1795 году мастерскую, в которой сначала выделывался «козыречный товар» для фуражек и военных касок. Путешествуя по Европе, предприимчивый купец заинтересовался в Германии лакированными табакерками фабрики Иоганна Штобвассера, приобрел там необходимый инвентарь и пригласил нескольких немецких мастеров в Россию. Вместе с вольнонаемными из окрестных деревень они стали производить «коробовские» табакерки.

В 1818 году производство перешло к зятю Коробова купцу Петру Васильевичу Лукутину. Через несколько лет число мастеров достигло полусотни, расширился ассортимент изделий, при фабрике была создана рисовальная школа. В 1828 году правительственным указом фабрике разрешено клеймение продукции изображением государственного герба.

После отца хозяином дела стал Александр Петрович Лукутин. В этот период на фабрике выпускалось до шести тысяч лакированных изделий в год, она не знала конкуренции. Сам Александр Петрович обладал прекрасным художественным чутьем, и его эскизы нередко служили образцами для федоскинских мастеров.

Николай Александрович Лукутин – представитель третьего поколения купеческой династии – получил фабрику по наследству в 1888 году. Надворный советник, директор Московского филармонического общества, меценат и один из крупнейших коллекционеров русского фарфора, он лишь поддерживал производство в память об отце и деде и в Федоскине бывал редко. После его смерти в 1902 году производство заглохло, а в 1904 году фабрика была закрыта. Мастера, вынужденные работать теперь за десять километров в Осташкове у ремесленника Вишнякова, решили организовать артель. После долгих хождений и хлопот в мае 1910 года состоялось учредительное собрание артели, в состав которой вошли шесть живописцев и четыре мастера.

Первую партию товара поставили в Кустарный музей в

Москве. Начали поступать заказы. Сергей Тимофеевич Морозов – купец, меценат, основатель Кустарного музея – подарил артели две акции по пятьсот рублей, чтобы она могла брать кредит в банке.

Революция и гражданская война поставили артель в нелегкие условия. Однако после присуждения на Всесоюзной выставке в Москве в 1923 году диплома I степени дела поправились. В Федоскино приезжают изучать технологию изготовления изделий из папье-маше палехские мастера, а через несколько лет и мастера из Мстеры.

Федоскинскому искусству уже два столетия. В музейном зале фабрики убеждаешься в неисчерпаемости сюжетов и форм изделий лаковой миниатюры – архитектура, портреты, копии знаменитых картин, сказочные сюжеты, пейзажи и праздники, русские тройки… Табакерки, шкатулки, ларцы, портсигары, ювелирные изделия, чайные наборы…

А ту старинную усадьбу, в которой завел купец Коробов свою мастерскую, можно увидеть на табакерке неизвестного федоскинского художника прошлого века.

Экскурсии в музей организуются туристическими агентствами.

Проезд: от Савеловского вокзала до Лобни, далее автобусом № 42.

Март 1996 г. Фото из архива автора.

Церковь Николы Чудотворца

Шахматово
«Сотри случайные черты…»

Переезд летом на дачу для семьи профессора Петербургского университета, знаменитого ученого-ботаника А. Н. Бекетова, был делом нелегким. Ехали обычно ночным поездом до станции Подсолнечная, затем лошадьми до места назначения. Далековато Шахматово от Петербурга, но зато близко к Боблову, усадьбе профессора Д. И. Менделеева, еще раньше обосновавшегося в этих живописных местах.

А Андрей Николаевич Бекетов (дед поэта Александра Блока) приобрел Шахматово в 1874 году. Маленького Сашу Блока впервые привезли сюда в 1881 году.

В старинном роде Бекетовых были и стрелецкий сотник, и астраханский губернатор, и журналист-издатель, друг Карамзина и Дмитриева. Сам Андрей Николаевич родился в богатой помещичьей семье, учился вместе с братьями в Петербурге.

Ближайшее к Шахматову село – Тараканово. В конце его, на берегу пруда стоит церковь Михаила Архангела, в которой в 1903 году венчались Любовь Дмитриевна Менделеева и Александр Александрович Блок. К нынче полуразрушенному храму ведет дорожка – добротная, бетонированная… Дорога к храму. Недалеко от церкви, в здании бывшей земской школы находится теперь музей Александра Блока.

Здесь посетители могут познакомиться с книгами, рисунками, предметами быта семьи поэта, автографами его произведений.

Жизнь в усадьбе, помимо сельскохозяйственных забот, была насыщена творческими занятиями. Андрей Николаевич Бекетов писал не только научные статьи по ботанике, но и художественные произведения. Бабушка Блока, Елизавета Григорьевна, профессионально занималась переводами, ее заработки помогали поддерживать имение. Дочери Бекетовых (а их было четверо) также много времени отдавали литературным и переводческим занятиям: Одна из дочерей, Александра Андреевна, мать Блока, переводила с французского и писала детские стихи, Другая, Мария Андреевна стала автором воспоминаний о поэте.

Что касается самого поэта Блока, то он написал в Шахматове около 300 произведений. Вот здесь, на пригорке, – шахматовский дом:

«Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор».

В 1910 году А. Блок, став практически владельцем усадьбы, решил возвести двухэтажную пристройку к дому, разместив в ней свой кабинет. В Шахматове трудилась целая ар-

тель – плотники, печники, маляры. Завезли новую мебель, в мезонине сделали библиотеку. Дом преобразился, но недолго ему суждено было стоять преображенным.

В 1917 году он был разграблен, а в 1921 году сожжен. Прошли десятилетия. Сегодня заново сложенный бревенчатый дом почти готов. Но завершить начатое не дает вечная проблема – отсутствие средств.

В музее поэта висит икона с надписью: «Сия икона пожертвована в память освобождения от крепостного права крестьян села Тараканово 1861 года февраля 19 дня». Предвидя «неслыханные перемены, невиданные мятежи», А. Блок обращался к художнику:

«Твой взор да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен».

Может быть, пора начать восстанавливать церковь Михаила Архангела, в которой находилась эта икона? Сотрем случайные черты!

Музей работает с 10 до 17 часов, выходной – понедельник.

Проезд: с Ленинградского вокзала до станции Подсолнечная, далее автобусом № 24 до села Тараканово.

Март 1997 г. Фото из архива автора.

Музей А. Блока в доме бывшей земской школы

По Москве

Армянский переулок Тютчеву от Казакова

Дом в Армянском переулке, между Маросейкой и Мясницкой, Тютчевы купили в 1810 году. Дом имел два входа: парадный в левой части и, так называемый, черный. На главном, втором, этаже у Тютчевых были большая столовая, каминная, спальни, кабинет отца поэта. Через коридор – детские комнаты. На третьем этаже была библиотека и комнаты для гостей. Первый этаж занимали подсобные помещения и комнаты для прислуги. Вокруг дома – служебные постройки.

Прежний хозяин дома, князь Иван Гагарин был высокообразованным человеком. С его сыном Григорием доведется служить Федору Тютчеву в Германии.

Дом Гагарина был перестроен на основе палат боярина Милославского по проекту русского зодчего М. Ф. Казакова в 1790-е годы. В этой насыщенной историей части Москвы издавна жили дипломаты. Напротив дома Гагариных стоял дом Артамона Матвеева, начальника Посольского приказа при царе Алексее Михайловиче, в Колпачном переулке был дом Емельяна Украинцева, начальника Посольского Прика-

за в начале царствования Петра I. В тютчевские времена в этом доме помещался Архив коллегии иностранных дел. На улице Маросейке находилась тогда усадьба Николая Румянцева, министра иностранных дел в I807–I8I4 годах.

Армянским переулок стал называться в конце XVIII – начале XIX века после того, как здесь поселились семья Л. Н. Лазарева (Лазаряна) и другие армянские семьи, переехавшие в Россию из захваченной персами и турками родины.

В 1779 году Лазаревы построили здесь григорианскую церковь. В 1810-м семья Лазаревых начала строительство Лазаревского института восточных языков.

Пожар, полыхавший в сентябре 1812 года, уничтожил большую часть города, но гагаринский, а теперь уже тютчевский, дом уцелел, а Троицкое – подмосковное имение Тютчевых – было разорено отступавшими наполеоновскими войсками.

Между прочим, Троицкое было когда-то во владении Салтычихи, мучительницы крепостных. Ее конфискованное имение купил дед поэта Тютчева.

Семен Раич, наставник Феди Тютчева, вспоминал, как они, бывало, весной и летом, живя в подмосковной усадьбе, и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение. «Федя, – продолжал Раич, – по тринадцатому году переводил уже Горация с замечательным успехом».

В 1817 году Федор Тютчев начал посещать московский университет. Здание университета, как и дом Тютчевых, то-

же творение Матвея Федоровича Казакова, сильно пострадало в 1812 году и было восстановлено по проекту Доменико Жилярди ко времени официального зачисления Тютчева в состав студентов. В прошении о поступлении в университет написано «Родом я из дворян, сын надворного советника Ивана Тютчева, от роду имею 15-ть лет, воспитывался и обучался в доме родителей российскому, латинскому, немецкому и французскому языкам, истории, географии и арифметике, потом слушал в течение двух лет в сем университете профессорские лекции, теперь желаю продолжить учение мое в сем университете в звании студента…».

В конце 1821 года Федор Тютчев досрочно блестяще заканчивает университет со степенью кандидата словесных наук, а летом родственник Тютчевых, граф А. К. Остерман-Толстой, посадил его, с собой в карету и увез за границу, где, как писал Иван Аксаков, «и пристроил сверхштатным чиновником к русской миссии в Мюнхене».

В 1831 году родители Тютчева продали свой великолепный особняк в Армянском переулке.

Как писал поэт Генрих Гейне, один из немецких друзей Тютчева:

«Закралась в сердце грусть – и смутно
Я вспомянул о старине -
Тогда все было так уютно
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбилось с ног, —
Господь-Бог на небе скончался,
И в аде сатана издох». (Перевод Ф. И. Тютчева).

По-видимому, такую же грусть чувствовал тогда и поэт Федор Тютчев.

Лишь в 1844 году Федор Иванович Тютчев окончательно вернулся на родину.

Май 1996 г. Фото из архива автора.

Дом № 11 в Армянском переулке

Большая Дмитровка
Памяти дома

В июне этого года снесен еще один старинный московский домик. Он стоял на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка, дом № 10/18. Невзрачный с виду, двухэтажный, построенный после пожара 1812 года, интересен он был тем, что «видел в своих стенах весь цвет музыкальной жизни прошлого века и по праву может считаться колыбелью Московской консерватории», – так писала о нем москвовед и театровед Н. А. Шестакова, из книги которой «Прогулки по театральной Москве» (М., 1989) приведены здесь касающиеся истории этого дома факты.

В начале 1860-х годов у подпоручика А. С. Ладыженского весь второй этаж арендовал Петр Иванович Юргенсон. Он открыл в этом доме нотный магазин и нотное издательство. Профессор Московской консерватории и музыкальный критик Н. Д. Кашкин, также поселившийся здесь, вспоминал: «При магазине в то время помещалась контора только что возникшего за год перед тем Русского музыкального общества, и Н. Г. Рубинштейн ежедневно бывал там, кажется, от часу до двух… Иногда, если посетителей в конторе не было, Н. Г. Рубинштейн приходил к нам и либо только слушал, либо сам садился за какое-нибудь из фортепиано, вообще относясь сочувственно к нашим собраниям».

Здесь собирались педагоги Московской консерватории, в том числе бывал и приглашенный Н. Г. Рубинштейном П. И. Чайковский. Здесь Юргенсон, в частности, начал издавать произведения тогда еще малоизвестного композитора Чайковского. В 1863 году в этом доме побывал Рихард Вагнер, дававший тогда свои концерты в Большом театре.

Вскоре экскурсоводы о культурной жизни столицы в XIX веке будут, останавливаясь здесь, говорить, вероятно, уже ставшие привычными слова: «На этом месте стоял дом…».

Июль 1998 г. Фото из архива автора.

Братцево
По следам фаворитов императрицы

Усадьба Братцево в XVII веке принадлежала дьяку, носившему самую распространенную русскую фамилию – Иванов. Состоял этот дьяк в различных приказах – в Поместном, Казачьем и даже Сыскном, где он служил при князе Д. И. Долгорукове. Затем во владение Братцевым вступил астраханский воевода А. И. Зубов.

В 1657 году усадьба за долги была продана боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, влиятельному государственному деятелю, ведавшему при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче делами многих приказов и Оружейной палатой. Боярин построил в Братцеве в 1672 году пятиглавую каменную церковь Покрова Божией Матери и хоромы. Церковь украсили изразцами, а колокольню – башенными часами.

После пресечения боярского рода село перешло в царскую собственность и в 1695 году было пожаловано Кириллу Алексеевичу Нарышкину – стольнику, а затем кравчему Петра, отличившемуся во время Азовских походов. Был Кирилл Нарышкин воеводой в Пскове, участвовал в строительстве Петропавловской крепости (до сих пор один из ее бастионов называется Нарышкинским), затем занимал должность первого петербургского коменданта. Но, вызвав неудовольствие

Петра, получил «понижение» – в 1716 году назначили его комендантом в Москву. Ни сам Кирилл Алексеевич, ни его сын строительством в Братцеве не занимались – не до того было. Семен Кириллович, предпочитавший больше жить в Париже или Петербурге, продал в 1754 году Братцево своим сестрам, а они, в 1780 году, – племяннику Александру Сергеевичу Строганову, сыну Софьи Кирилловны Нарышкиной и барона Строганова.

Пока Александр Строганов завершал образование в Женеве и Париже и собирал коллекцию живописи в Италии, не стало матери и отца. Вернувшись на родину, он женился на невесте, выбранной ему самой императрицей Елизаветой Петровной. Но этот брак с дочерью вице-канцлера, Анной Михайловной Воронцовой, оказался неудачным. Как, впрочем, и второй, с Екатериной Петровной Трубецкой. Графиня Е. П. Строганова влюбилась в И. Н. Римского-Корсакова, очередного фаворита Екатерины II. Оставив мужа и сына, графиня уехала вслед за высланным из Петербурга экс-фаворитом в Москву. Возлюбленные обосновались в Братцеве, которое граф Строганов отдал жене, и прожили вместе до самой смерти графини, так и «не оформив» своих отношений.

«В 1780–1787гг., – как сообщается в мемориальной табличке, висящей на стене усадебного дома, – бывшие боярские хоромы были перестроены архитектором А. Н. Воронихиным в классическом стиле…». Интересно, что Воронихи-

хин, создатель Казанского собора в Петербурге, был прежде крепостным Строгановых и, как считают, побочным сыном графа.

Рядом с Покровской церковью в Братцеве лежат три могильные плиты. По-видимому, это все, что осталось от фамильного склепа. На центральной плите надпись: «Здесь покоится прах рабы Божией Софьи Федоровны Ладомирской, рожденной княжны Гагариной…». Эта женщина была женой Василия Николаевича Ладомирского – сына невенчанных супругов. В. Н. Ладомирский стал владельцем усадьбы после смерти И. Н. Римского-Корсакова.

В 1887 году к Покровской церкви пристроили придел. К тому времени владельцем Братцева становится князь Николай Сергеевич Щербатов, один из создателей Исторического музея в Москве.

В 1930 годах по инициативе академика О. Ю. Шмидта в Братцеве разместили дом отдыха.

И несколько слов о дне сегодняшнем. Сейчас в Братцеве разместились гостиница и кафе. Покровская же церковь реставрируется, а по выходным в ее приделе проводятся службы.

Проезд: от станции метро «Сходненская» троллейбусом № 70 до конечной остановки.

Сентябрь 1997 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Варварка
Отчий дом Романовых

Есть в Москве на Варварке дом, сохранившийся, по счастью, при строительстве гостиницы «Россия» – дом бояр Романовых, отчий дом царя Михаила Федоровича – первого царя династии Романовых.

В XVI веке в усадьбе на Варварке жил дед царя Михаила Федоровича, Никита Романович Захарьев-Юрьев, приходившийся братом Анастасии, ставшей первой женой Ивана Грозного.

Судьба бояр при царе Иване Грозном была, как известно, переменчива. Женившись на Марии Нагой, грозный царь решил разорить своего бывшего шурина. Посланные Иваном Грозным стрельцы разграбили боярские палаты, конфисковали у боярина и все его поместья. Вынужден был Никита Романович даже послать в соседний английский торговый дом за материальной помощью. Хорошо еще, что сам жив остался.

Вообще Никита Романович ладил с соседями. Один из англичан давал уроки латинского языка его сыну Федору, будущему отцу царя Михаила Федоровича. Историк С. Ф. Платонов писал о том времени: «В особенности выдавался среди своих сородичей Никита Романович Юрьев, брат царицы Анастасии, знаменитый «земский» боярин Грозного. Его из-

вестность и популярность была такова, что он стал героем народных песен. Он был первый по времени опекуном царя Федора и до своей болезни был главным лицом во дворце».

Перед смертью царь Иван Грозный вспомнил о бывшем шурине и назначил его одним из четырех советников своему сыну Федору. Но у царя Федора тоже был шурин. И это был Борис Годунов.

После смерти царя Федора Иоановича и соборного избрания Бориса Годунова на царство бояре, убедившись постепенно, что новый царь тоже намерен править самовластно, стали выражать свое недовольство. Борис Годунов принял меры. Наследников боярина Никиты Романовича, пятерых Никитичей с их родственниками, разослали по отдаленным углам государства, а старшего, Федора Никитича, при этом еще постригли в монахи под именем Филарета. Постригли и жену его и выслали их в разные монастыри. Но до этих печальных событий уже родился в 1596 году у Романовых, сын, ставший царем Михаилом Федоровичем, и родился, по преданию, здесь, в боярских палатах на Варварке.

После ссылки бояр Романовых дом долго пустовал и разрушался. Но заканчивалось Смутное время, с избранием на престол Михаила Федоровича боярские палаты Романовых были поправлены, а после основания рядом с ними Знаменского монастыря пожалованы этому монастырю.

Палаты Романовых пострадали от пожара, и в 1674 году были разобраны до подвала и вновь возведены. Императри-

ца Елизавета Петровна позаботилась об их возобновлении. В войну 1812 года монастырь и палаты уцелели от пожара, а в 1858 году император Александр II повелел капитально отреставрировать жилище своих предков по проекту архитектора Ф. Ф. Рихтера. После реставрации, в 1859 году, был открыт один из первых музеев Москвы – «Дом бояр Романовых».

Историк Пыляев в книге «Старая Москва» так описывает этот дом Романовых: «Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемые в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье с людскою, кладовою, приспешнею и поварнею; третий, средний этаж, или житие с сенями, девичьею, детскою, крестовою, молельной и боярскою комнатою; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица».

Сейчас в музейных палатах можно увидеть типичные интерьеры московского боярского дома XVII века, шедевры прикладного искусства, побывать в подземном археологическом музее и проникнутся духом того далекого времени.

Март 1999 г. Фото из архива автора.

Дом Романовых

Камергерский переулок
От Любимовки до МХАТа

«Практически изучив когда-то чуждое Вам дело, Вы, вместе с Вашими сотрудниками, превратили в течение нескольких месяцев вертеп разврата в изящный храм искусства», – эти слова взяты из обращения К. С. Станиславского к Савве Тимофеевичу Морозову после окончания строительства Художественного театра. А история о том, как городская усадьба превратилась в «вертеп разврата» дошла до нас благодаря историкам и театроведам.

Здесь в XV веке Романовы построили Георгиевский монастырь. В этих же местах был и двор Собакиных, известных при Иване Грозном родственников его третьей жены, был и двор Стрешневых – родственников жены царя Михаила Романова, а также и двор Милославских – родственников первой жены царя Алексея Михайловича. Здесь выращивали будущих цариц.

С середины XV века земля, на которой стоит МХАТ, была во владении князей Одоевских, древнейшего рода, происходящего от Рюрика. В этом роде не сумели вырастить царскую невесту, но в области культуры род Одоевских дал русского писателя – Владимира Федоровича Одоевского.

Князь Петр Иванович Одоевский построил на пепелище, оставшемся на месте его палат после пожара 1812 года, рос-

кошный, по тем временам, особняк с колоннами и флигелями. В этом особняке жил и молодой князь Владимир Одоевский, внучатый племянник князя Петра Ивановича.

В середине XIX века владельцем княжеской городской усадьбы стал надворный советник Сергей Александрович Римский-Корсаков. Он затеял перестройку фасада по своему вкусу, но, вероятно, это подорвало его семейный бюджет и в 1872 году он продал усадьбу купцам Степанову и Лианозову. Они-то и пришли к мысли перестроить особняк для размещения в нем театра. Перестройку особняка осуществил тогда архитектор М. Н. Чичагов. В этом лианозовском театре начал работать в 1882 году Русский драматический театр Ф. А. Корша, здесь дебютировала Частная русская опера С. И. Мамонтова. А в 1891 году в этом доме открылось кабаре-буфф Шарля Омона – это и был по выражению Станиславского «вертеп разврата». Впрочем, мнение Станиславского поддерживали и газеты тех времен.

Как известно, историческая беседа Станиславского и Немировича-Данченко произошла в 1897 году не в «вертепе разврата», а в солидном ресторане «Славянский базар» и продолжалась на даче в Любимовке. Здесь, в подмосковном имении Алексеевых, где теперь создан мемориально-культурный центр, и дозрела окончательно идея общедоступного театра.

На следующий 1898 год, 14 июня, в Пушкине, недалеко от Любимовки, на торжественном собрании труппы перед от-

крытием «Художественно-общедоступного театра», Станиславский в своей речи сказал: «Мы стремимся создать первый разумный, общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь…».

Для учреждения общедоступного театра было создано товарищество из десяти человек, включая братьев Морозовых – Савву и Сергея Тимофеевичей, а также Станиславского и Немировича-Данченко. На собранные средства арендовали театр «Эрмитаж» в Каретном ряду и в октябре 1898 года состоялся первый спектакль «Царь Федор Иоанович». (С того времени и идет отсчет истории МХАТа).

После того, как разработали новый устав Паевого товарищества, пайщиками которого стали теперь и ведущие актеры: Москвин, Качалов и др., и даже А. П. Чехов, решили искать для театра другое здание, свое. Тут-то Савва Тимофеевич обратил внимание на «вертеп разврата» и заключил с Лианозовым договор долгосрочной аренды здания для нового театра.

И вот в 1902 году Художественный театр переехал из помещения «Эрмитажа» в Каретном ряду в новое здание, перестроенное теперь по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля, в Камергерском переулке.

Июль 1998 г. Фото из архива автора.

Театральный павильон в Любимовке

Кузьминки «Влахернское, Мельница тож», или просто Кузьминки

«Кузьминкам как-то не повезло. Шереметевские усадьбы в Останкине и Кускове восстановлены, а Голицынская усадьба по-прежнему не поддается реставраторам. Только восстановят, допустим, двухэтажный «Домик на плотине» – разваливается «Банный павильон», начнут реставрировать «Конный двор» – рушится «Мостик у пруда». А потом кончаются предназначенные для реставрации деньги.

Конечно, Сергею Михайловичу Голицыну было проще, он же был человеком известным, богатым, и бюджет у него был не федеральный или, там, городской, а княжеский, семейный. Он и архитекторов каких хотел для работы приглашал: хоть Казакова, хоть Жилярди с Григорьевым, ну и других, самых лучших. И зарплату вовремя платил, и не только архитекторам, но и дворникам (чисто у него было всегда в усадьбе), и садовникам (сад-то усадебный доход давал), и даже врачам (была у него своя усадебная больница, да директорствовал в голицынской, основанной его дядей Дмитрием Михайловичем). Да что говорить – крепостники, эксплуататоры.

Но, что интересно, князь С. М. Голицын был при этом

чуть ли не демократом – он сделал Кузьминки или, как тогда предпочитали называть, Влахернское, общедоступным местом для прогулок. И такую «красивую жизнь» князь С. М. Голицын старался устроить в течение 43 лет его владения усадьбой до 1859 года.

Другой Сергей Михайлович Голицын, племянник старого князя, получивший усадьбу в наследство после рано умершего сына князя; владел Кузьминками до 1917 года, но предпочитал жить в другой подмосковной усадьбе – Дубровицах. Поэтому Кузьминки оказались заброшенными, а это, само собой, ни к чему хорошему не привело – сгорел дворец, построенный с участием Родиона Казакова. Позднее на его фундаменте было построено другое здание.

После революции «Пропилеи» с колоннадой, памятники императрице Марии Федоровне, Николаю I и даже обелиск в честь пребывания в усадьбе Петра I были разрушены. Особая история с чугунными воротами и церковью, они пригодились и в советское время.

Петр I подарил промышленнику Григорию Дмитриевичу Строганову эти земли, изъятые у Симонова монастыря, и Строгановы заложили здесь, у мельницы, на речке Голедянке, где жил мельник Кузьма, усадьбу. А еще раньше царю Алексею Михайловичу привезли в дар от константинопольского патриарха икону Божией Матери из первого храма Богородицы, что на берегу Босфора в местечке Влахерна. Строгановым была подарена одна из копий этой иконы, сама же

икона была помещена в Успенском соборе в Кремле. Для иконы Строгановы построили деревянную церковь, и село стало называться «Влахернское, мельница тож». А название «Кузьминки» утвердилось позднее и стало с годами основным.

Так вот Влахернское вместе с уральскими заводами перешло к Голицыным в качестве приданого за Анной, дочерью теперь уже барона Александра Григорьевича Строганова, на которой женился князь Михаил Михайлович Голицын. При нем вместо деревянной была построена в 1744 году каменная церковь, остатки которой использовались еще в наши годы под общежитие и автобусную станцию. И только в 1995 году, 14 сентября, отреставрированную стараниями правительства Москвы церковь освятил Патриарх. Справа от входа в церковь долго висел стенд с фотографиями посещения храма Святейшим Патриархом Алексием II и мэром Москвы Ю. М. Лужковым.

Теперь – о воротах. На въезде в усадьбу были поставлены величественные чугунные ворота, скопированные с тех, что были сооружены Росси в Павловском парке под Петербургом. Высота ворот от основания до герба Голицыных достигала до 10 метров, на их отливку ушло более 300 тонн чугуна. В годы великих пятилеток этот шедевр пошел на переплавку. Только название улицы Чугунные ворота, что идет параллельно забору парка. напоминает сейчас о той истории.

Перед усадебным парадным двором сохранились другие

ворота с прекрасной чугунной оградой и тумбами со львами. За оградой обосновался в советские годы Всесоюзный научно-исследовательский институт ветеринарии. Вход, конечно, запрещен. Пора бы ветеринаров-экспериментаторов, не имеющих средств для реставрации занимаемых зданий, перевезти в менее историческое здание, выразив им благодарность за хранение голицынского наследия по мере их небольших возможностей. Еще хуже обстоит дело с теми зданиями, из которых постояльцев выселили и никого не впустили. Эти здания обречены на разрушение.

Долго шла борьба за статус усадьбы. Но какой бы статус ни имела усадьба Кузьминки – городского парка или музея-заповедника всероссийского значения – без финансирования это ничего не значит. На дворе рыночная экономика, и хорошо бы использовать ее рычаги для сохранения этой великолепной русской усадьбы. Ростки этой самой рыночной экономики прорываются и в Кузьминках. Уже появились частные конюшни, за плату можно покататься кое-где по парку верхом на лошади, но вот «Конный двор», творение Доменико Жилярди и Афанасия Григорьева, в котором разместился бы целый табун, стоит заброшенный. Появилось небольшое открытое кафе, а рядом – голицынский двухэтажный «Домик на плотине». Сколько раз его уже реставрировали? Но он и будет разрушаться, пока нежилой. Здесь же, у плотины, стоят павильоны голицынской усадьбы, один заколочен, от другого остались только две белые колонны, которые торчат,

как бивни доисторического мамонта.

Так что нужно признать, что табличка с надписью «Охраняется государством» не имеет силы, и искать порядочных и состоятельных граждан или фирмы, которые могли бы хозяйствовать лучше государства, как это делал Сергей Михайлович Голицын, первый.

Февраль 1998 г. Фото из архива автора.

Вход в усадьбу

Церковь Влахернской иконы Божией матери

Кусково
Шереметевские домики

«Земли лоскутик драгоценный – Кусково! Милый уголок,
Эдема сколок сокращенный…»
И. М. Долгоруков

Петр Борисович Шереметев, сын фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, женился в 1743 году на единственной наследнице князя Черкасского, дочери Варваре Алексеевне, и стал одним из богатейших помещиков России, присоединив к своему селу Кусково село Вешняково и другие владения, полученные в приданое.

Прежде здесь, в Кускове, был усадебный дом и постройки. Стояла и небольшая Спасская церковь, построенная в 1737–1739 годах. В Вешнякове была Успенская церковь, шатровая, 1640-х годов постройки. И церкви эти должны были вписаться в будущий архитектурный ансамбль.

Местность в Кускове была низкая, заболоченная и граф начал создание новой усадьбы с расчистки и осушения леса. Граф также требует «богадельню и другое строение, которое занимает вид на перспективу, оное все сломать и доставить в пристойное место».

Существовавший здесь пруд увеличивают в несколько раз, а в сторону шатровой Успенской церкви в Вешняках

прорывают канал. Вдоль этой оси, обозначенной каналом, располагаются некоторые постройки усадьбы.

Голландский домик возведен над маленьким прудиком, соединенным в свою очередь, каналом с большим прудом. В нижнем этаже домика была голландская кухня с очагом-горном и облицованными изразцами стенами, на втором этаже – гостиная и собрание картин голландских художников.

Итальянский домик был выстроен под руководством архитектора Ю. И. Кологривова. В нем все должно было напоминать Италию – картины, скульптура, мебель.

Грот, построенный по проекту крепостного архитектора Федора Аргунова, изображал чертог морского царя. Окна оплетены, как водорослями, коваными решетками, залы грота декорированы морскими раковинами. Оформлением интерьеров в годах занимались Иоганн Фохт и Михаил Зимин. В этом гроте был накрыт стол во время знаменательного события – посещения усадьбы Кусково Екатериной II.

Сооружение Большой каменной оранжереи осуществлял Ф. С. Аргунов, а Эрмитаж построен под руководством архитектора К. И. Бланка. На второй этаж в Эрмитаже стол для гостей поднимался снизу уже сервированный. Гостей тоже поднимали в специальном кресле, расположенном в башне ротонды.

Кусковский дворец был сооружен в 1769–1775 годах под руководством К. И. Бланка по проекту Шарля де Вайи.

Многие архитекторы, скульпторы, художники, садовники

работали в Кускове. Далеко не все строения и «затеи» сохранились до нашего времени и не закончилась еще реставрация.

«В Кускове помимо постоянного театра существовала еще воздушная сцена в саду из липовых шпалер с большим амфитеатром… Летом, в праздники, представления переносились на «воздушный театр», помещавшийся под открытым небом в Большом саду, между итальянским домом и деревянным бельведером».

От Воздушного театра, созданного из постриженных «живых» садовых кустов и деревьев, в котором выступала, конечно, и Прасковья Жемчугова, осталась только земляная основа.

«В саду Кускова, – как описывал далее историк Пыляев, – было 17 прудов, карусели, гондолы, руины, китайские и итальянские домики, китайская башня наподобие нанкинской, с колоколами, – граф называл ее голубятней, каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты». Множество людей бывало в этом саду – граф славился своим гостеприимством, «это был образец екатерининского вельможи-богача», недаром его единогласно выбрали губернским предводителем дворянства.

В 1792–1793 годах в усадьбе Кусково была завершена по проекту архитекторов А. Ф. Миронова и Г. Е. Дикушина постройка колокольни с высоким шпилем около усадебной церкви.

Николай Петрович Шереметев, сын и наследник Петра Борисовича Шереметева, устроил тогда большой праздник. Сотни карет, тысячи пеших гостей собрались в усадьбе. Сиял свечами бело-золотой зеркальный танцевальный зал, сверкали фейерверки, горели факелы на прогулочных лодках. В планах же графа Н. П. Шереметева вырисовывалась и другая известная нам усадьба – великолепное Останкино.

В Кусково лучше приезжать в солнечный день – рельефнее смотрятся архитектурные украшения и статуи, ярче цветы и небо.

Сентябрь 1998 г. Фото из архива автора.

Итальянский домик

Грот

Усадебная церковь и колокольня

Леонтьевский переулок
Две ветви одного рода

В Леонтьевском переулке дом № 6 известен как дом-музей Константина Сергеевича Станиславского, но напротив музея есть и другой дом (№ 9). Построен он был в начале 1880-х годов архитектором Д. Н. Чичаговым для городского головы Николая Александровича Алексеева.

Происходят Алексеевы из крестьян Ярославской губернии. Их предок, Алексей Петрович, был женат на дочери конюха графа П. Б. Шереметева, получил вольную и переселился в Москву. С 1746 года Алексеевы значатся в списках московского купечества.

Одна из ветвей рода Алексеевых дала Москве двух общественных деятелей, Александра Васильевича и Николая Александровича, владельца этого дома. Оба были городскими головами. Особенно много сделал для Москвы Николай Александрович Алексеев. «Высокий, плечистый, могучего сложения, с быстрыми движениями, с необычайно громким, звонким голосом, изобиловавшим бодрыми, мажорными нотами, Алексеев был весь – быстрота, решимость и энергия. Он был одинаково удивителен и как председатель городской думы, и как глава исполнительной городской власти». Такой портрет обрисовал историк М. М. Богословский.

Николай Александрович был инициатором сооружения

водопроводной и канализационной сетей Москвы, что превратило ее в современный город. При нем асфальтировались улицы и строились больницы. Известный купец П. А. Бурышкин вспоминал: «О нем в Москве ходила легенда, пользовавшаяся большой популярностью, потому что в ее основе был подлинный эпизод: к нему пришел богатый купец и сказал: «Поклонись мне при всех в ноги, и я дам миллион на больницу». Кругом стояли люди, и Алексеев, ни слова не говоря, в ноги поклонился. Больница была выстроена».

Другая ветвь Алексеевых дала не менее удивительные плоды. В промышленности знали фирму «Владимир Алексеев». Ее основателем был Владимир Семенович Алексеев, внук крестьянина Алексея Петровича. Фирма работала по хлопку и шерсти, имела заводы и занималась овцеводством и коневодством, владела золотоканительной фабрикой по производству золотых и серебряных нитей.

Сергей Владимирович, сын основателя фирмы и отец К. С. Станиславского, с 14 лет работал в конторе этой фабрики, а затем возглавил все дело. В 1859 году он женился на Елизавете Васильевне Яковлевой, француженке по матери – парижской актрисе. Старший сын Сергея Владимировича, Владимир Сергеевич, стал со временем руководителем фирмы, а другой сын, Константин Сергеевич – одним из директоров золотоканитсльной фабрики. Хорошо, что К. С. Алексеев, он же Станиславский, написал книгу «Моя жизнь в искусстве» и жалко, что не написал о своей жизни в промыш-

ленности, это тоже было бы интересно.

Интересно и то, что в этой большой и дружной семье и братья и сестры, и даже, отчасти, отец, увлекались театром. Отец устроил им помещения для домашних представлений в Москве, в доме возле Красных ворот, и на даче, в Любимовке. Старший брат Станиславского, Владимир Сергеевич, стал со временем профессиональным театральным деятелем, работал режиссером и преподавал ритмику, и даже получил в 1935 году звание заслуженного артиста РСФСР. Сестра Станиславского, Зинаида Сергеевна, в замужестве Соколова, также получила это звание.

В Леонтьевском переулке, которому снова возвратили недавно это название, К. С. Станиславский жил с 1921 по 1938 годы, до конца жизни. Музей сейчас закрыт на ремонт, но, проходя мимо, вспомните благодарно и владельца другого дома, председателя городской Думы Николая Александровича Алексеева.

Декабрь 1997 г. Фото из архива автора.

Дом-музей К. С. Станиславского

Леонтьевский переулок, дом № 9

Леонтьевский переулок
Кустарный музей – не кустарщина

В конце прошлого века в художественных кустарных промыслах Московской губернии было занято около шестнадцати тысяч человек. На Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года изделия кустарей имели такой успех, что земское собрание решило раскошелиться и выделить 3 тысячи рублей на организацию Кустарного музея.

Музей открылся 9 мая 1885 года в здании у Никитских ворот. Здесь же находился и магазин. За первые пять лет его работы сумма, полученная от продажи изделий кустарей, составила 80 тысяч рублей.

С 1889 года деятельность музея еще более оживилась – к делу подключился Сергей Тимофеевич Морозов, представитель известного купеческого рода. 15 сентября 1903 года музей переехал в переданный ему С. Т. Морозовым дом по Леонтьевскому переулку.

В 1910 году, опять-таки на средства Морозова, к зданию было пристроено левое крыло. Музей становится центром, объединившим мастерские, склады, артели, товарищества и отдельных кустарей Московской губернии. Да и не только Московской: в эти годы сюда поступали изделия из 26 губерний России.

К этому времени Кустарный музей был уже неоднократным участником международных выставок в Лондоне, Париже, Милане, Лейпциге. В 1909 году в Казани на Международной выставке мелкой промышленности (именно так она называлась) музей был удостоен Большой золотой медали.

В эпоху войн и великих революционных потрясений кустари-художники, которые остались живы, рассеялись по стране в поисках пропитания. Приостановилась и работа музея. Но в 1921 году он вновь открыл свои двери для посетителей. На Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 года в Москве почетными дипломами были отмечены изделия мастеров Палеха. «Мастера были освобождены от сельскохозяйственных работ, – писал в своих воспоминаниях тогдашний директор музея А. А. Вольтер, – и в артели утвердилась вера в жизненность и необходимость их искусства для советского народа».

В то время с музеем сотрудничали известные художники – И. И. Машков, П. П. Кончаловский и другие: их эскизы и рисунки использовались мастерами в работе над изделиями. В 1932 году создается Институт художественной и кустарной промышленности, и музей переходит в ведение этой новой организации. А с ним и магазин «Художественные промыслы». Да и название становится другим – Музей народного искусства. После войны, в 1946 году, в музее был создан специальный выставочный фонд, предназначавшийся для показа за рубежом, где работы русских мастеров имели огромный

успех.

А что же сейчас? Увы, уже нет при музее магазина «Художественные промыслы». Заплатив при входе всего тысячу рублей, можно вместе с редкими посетителями осмотреть юбилейную выставку, посвященную 110-летию Кустарного музея «Русское народное искусство XVIII–XIX веков. Шедевры музея». В стеклянных витринах – игрушки, шкатулки, посуда, одежда… Палех, Федоскино, Городец, Хотьково, Гжель… Только вот стенда, посвященного Сергею Тимофеевичу Морозову, нет. А ведь и сегодняшнему музею такой меценат совсем не помешал бы.

Адрес музея: Леонтьевский переулок, 7.

Музей работает: ежедневно с 11 до 17 часов, кроме воскресенья и понедельника.

Февраль 1996 г. Фото из архива автора.

Музей

Малый Знаменский переулок
От Лопухина до Рериха

В Малом Знаменском переулке, дом № 3, находится Музей имени Н. К. Рериха. В XVII веке здесь были палаты боярина Федора Авраамовича Лопухина. При царе Алексее Михайловиче он служил стрелецким головой и полковником, был послан воеводой в Верхотурье, а после возвращения был пожалован в окольничие. Служебная карьера резко изменилась после объявления его дочери Евдокии царской невестой. Он сразу был возведен в сан боярина, а после венчания дочери, в январе 1689 года стал ближним боярином. Сначала все шло хорошо – Петр I подарил своему тестю царское село Ясенево и тот занялся обустройством усадьбы.

Но вскоре все переменилось – у Петра появилась фаворитка Анна Монс, подоспел дворцовый заговор и в результате ближний боярин стал очень даже дальним, его с братьями сослали служить воеводами в места отдаленные, а царицу Евдокию увезли в Суздальский Покровский монастырь и в 1698 году постригли под именем Елены.

Вернувшись из ссылки, боярин Федор Лопухин жил в своих деревнях, не участвуя в дворцовых интригах, и в 1713 году умер, не дожив до другого семейного горя. В 1718 году сын его Авраам угодил, как и сестра-царица под тяжелую руку Петра. Следствием по делу царевича Алексея было уста-

новлено, что Авраам Федорович знал, но не сказал, где скрывался царевич, а еще «имел тайную переписку с сестрой своею, бывшей царицею, …рассуждая противно власти монаршеской и делам его величества…». Брата царицы казнили, имение конфисковали, опальную царицу перевели подальше – в Ладожский Успенский монастырь.,

Взошедшая на трон Екатерина I тоже не забыла бывшую царицу – повелела заключить ее в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости без права переписки. И все-таки царица Евдокия дождалась освобождения. Ее внук, юный император Петр II, дал ей положенное царице содержание и она поселилась в Москве в Новодевичьем монастыре. Сыновьям казненного брата Евдокии вернули конфискованные имения.

Боярские палаты Лопухина в Малом Знаменском за три века существенно изменились. Во время приезда в Москву Екатерины II эта городская усадьба была вместе с двумя соседними, соединена в единый дворцовый ансамбль, где жила тогда императрица со своей свитой. Архитектором того Пречистенского дворца был Матвей Казаков. После реставрации восстановлены лишь отдельные элементы архитектуры палат XVII века.

Музей имени Н. К. Рериха открылся здесь 12 февраля 1993 года. Дом Лопухина выбрал Святослав Николаевич Рерих. Рядом находится Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина – притягательный центр

мировой культуры, частью которой является и общественный рериховский музей. В залах музея – картины, рисунки, книги всей талантливой семьи Рерихов. Есть даже большой макет горных массивов Гималаев и карта с крутыми маршрутами их многолетних экспедиций. Музей работает ежедневно, кроме понедельника и последней пятницы каждого месяца.

Февраль 1999 г. Фото из архива автора.

Музей имени Н. К.Рериха

Малый Знаменский переулок
«Здесь чудо – барские палаты…»

«Город причудливо-странный
Красок и образов смесь;
Древности благоуханной
Веет поэзия здесь!…»
П. А. Вяземский

В архитектурном путеводителе «Москва» за 1997 год об этом доме № 5 по Малому Знаменскому переулку (в 1960–1994 годах – часть улицы Маркса и Энгельса) сказано немного: «Здание главного дома, центральная часть которого фланкирована перпендикулярно примыкающими боковыми крыльями, находится в глубине обширного парадного двора. Композиция, общий ритм расположения декора и архитектурных членений позволяют заметить «барочность» его первоначального облика, скрытого под толстым слоем позднейшей штукатурки…»

Архитектор этого дома неизвестен, но известны некоторые из владельцев дома и отдельные факты из его необычной «биографии».

Приобретению дома князем Андреем Ивановичем Вяземским предшествовала романтическая история. Князь Вяземский, потомок Владимира Мономаха, к тому времени уже

генерал-майор, отправился в 1782 году в длительное путешествие по Европе и вернулся домой с красавицей-ирландкой Дженни Квин, урожденной О'Релли, собираясь на ней жениться. Отец и мать князя не смогли, возможно, пережить такого удара и скончались в год свадьбы сына, в 1786 году.

Терзаемый, по-видимому, укорами совести и воспоминаниями, князь не мог жить в родительском доме и приобрел в 1790 году дом с обширным парком возле Колымажного двора.

Теперь на месте Колымажного двора находится Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, а в те времена здесь устраивались «московские карусели» – лучшая школа верховой езды тогдашнего барства. Палаты Вяземских не отличались богатством и роскошью, но в доме была хорошая библиотека. В 1792 году в этом доме родился у князя сын Петр. Это был уже третий ребенок в доме Вяземских. Дочь Екатерина была на три года старше Петра, а старшая, побочная, дочь князя – тоже Екатерина, родилась еще во время службы князя в Ревеле (Таллине) и была на двенадцать лет старше брата. Екатерина старшая жила сначала у сестры князя, а затем после женитьбы князь взял ее к себе.

Вспоминая об отце и об этом доме, поэт Петр Андреевич Вяземский писал: «…В течение многих лет дом его был сборным местом всех именитостей умственных, всех любезностей обоего пола. Сам он слыл упорным, но вежливым

спорщиком; старый и сильный диалектик, словно вышедший из Афинской школы, он любил словесные поединки и отличался в них своею ловкостью и изящностью движений».

В год рождения сына князь Андрей сделал еще одну замечательную покупку – подмосковное Остафьево. Строительство дома в усадьбе Остафьево завершилось в 1801 году, и князь занялся его обустройством. Но в следующем году умерла Дженни Квин или, по-русски, Евгения Ивановна, княгиня Вяземская.

Однако вернемся в московский дом князя. Частым гостем здесь был Николай Михайлович Карамзин и, когда Карамзин в 1804 году женился вторым браком на Екатерине Андреевне Колывановой – внебрачной дочери князя, князь Андрей пригласил Карамзина жить в своем доме. Летом все они выезжали в Остафьево. Об Остафьеве же нужно рассказывать отдельно.

В книге москвоведа С. К. Романюка «Из истории московских переулков» (М., 1988) приводятся некоторые сведения о дальнейшей судьбе городской усадьбы Вяземских. В 1810 году, уже после смерти князя Андрея, московская усадьба была продана А. Т. Тутомлину, позднее ее владельцами были князья Долгорукие. В 1896–1898 годах на первом этаже снимал квартиру художник В. А. Серов, после революции две комнаты снимала семья Ларисы Рейснер. В 1933–1936 годах здесь находился музей К. Маркса и Ф. Энгельса, потом в 1962 году музей был открыт вторично, в одном из флиге-

лей была редакция журнала «Коммунист».

И вот распоряжением мэра Москвы от 15 ноября 1991 года памятник архитектуры усадьба Вяземских-Долгоруких передана Союзу потомков российского дворянства.

«…Передать в долгосрочную аренду Союзу потомков Российского дворянства строения… дома № 5 по ул. Маркса-Энгельса (общей площадью 6541 кв. м) – памятник архитектуры XVIII–XX вв. "Большая городская усадьба Вяземских-Долгоруких – комплекс исторических зданий" с прилегающими строениями под культурно-просветительские цели, размещение "Российского Дома"…»

Передана с условием реставрации. До сих пор идет эта «вялотекущая» реставрация, а ведь какое здание пропадает зря. Барельефы «основоположников» по-прежнему смотрят вдаль с фронтона здания теперь уже дворянского собрания.

Июнь 1998 г. Фото из архива автора.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОМПЛЕКСА
ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ
Спецпроектреставрация
(Россия)
архитектурный надзор - Т.С. Антонова
Архит. мастерская Интенбау
(Германия)
архитектурный надзор - Й. Шведес
Генеральный подрядчик - Ловченинвест
(Югославия)
т. 259-95-48

Усадьба Вяземских-Долгоруких на реконструкции

Манежная площадь
Безымянный шедевр

Заканчивается сооружение торгового комплекса на Манежной площади. В выходные дни уже теперь толпы народа гуляют у фонтанов, фотографируются, радуются жизни.

Фасад манежа еще реставрируют, подкрашивают, но выставочный зал продолжает действовать. Слева от входа в манеж есть мемориальная табличка, как и положено памятнику архитектуры, в которой, однако, имена создателей манежа не указаны.

Автор проекта, Августин де Бетанкур, родился в 1758 году в том райском уголке планеты, где многие хотели бы проводить свой отпуск, он родился на Канарских островах, а именно, на острове Тенерифе. Его предок, французский мореплаватель и завоеватель Жан де Бетанкур, покорил в XV веке Канары и даже назвал себя королем.

Королевская династия Бетанкуров недолго оставалась у власти, но потомки завоевателя жили на островах.

Августин де Бетанкур получил разностороннее и техническое и гуманитарное образование, учился в Мадриде и в Париже, объездил Европу для ознакомления с новейшими достижениями в области судоходства по каналам, паровых машин и всего, что касалось механики. Служил генерал-инспектором основанного им корпуса инженеров дорог и мо-

стов, директором Королевского кабинета машин, был избран почетным академиком изящных искусств.

В 1808 году в Эрфурте, где российский император Александр I встречался с Наполеоном, Бетанкур был представлен императору и принят на русскую военную службу в чине генерал-майора для работы в Ведомстве путей сообщения.

По предложению Бетанкура в С.-Петербурге был учрежден Институт корпуса инженеров путей сообщения. Институт разместился в купленном у князя Н. Б. Юсупова доме на Фонтанке у Обухова моста. Здесь же была и квартира семьи Августина де Бетанкура, первого инспектора и одного из его преподавателей. Курс построения машин, изданный Бетанкуром, долго служил учебником для всех европейских технических школ.

Но деятельность Бетанкура на пользу России была гораздо шире ведомственных задач. С его помощью был модернизирован и оснащен паровыми машинами Тульский оружейный завод, в Казани по проекту Бетанкура построен новый литейный завод, построены мосты в Ижоре, Петергофе, Туле и на Каменном острове в Петербурге, по его проектам сооружались здания и строился водопровод для Царского села.

Летом 1816 года в Петербург приехал из Парижа Монферран с рекомендательные письмом к Бетанкуру, и, вскоре, по предложению Бетанкура занялся разработкой проекта перестройки Исаакиевского собора.

В этом же году сгорела Макарьевская ярмарка. Канцлер

граф Румянцев предложил новую ярмарку построить в Нижнем Новгороде. Это тоже легло на плечи Бетанкура.

В следующего году в Москве к приезду Александра решено было построить экзерциргауз или манеж, причем таких размеров, чтобы в нем мог развернуться целый полк. Бетанкур спроекировал перекрытие длиной 166 метров и шириной почти 45 метров и без внутренних колонн. Это было уникальное сооружение. Строительство было поручено инженер-генералу Л. Л. Карбонье. В ноябре 1817 года манеж был открыт.

В оставшиеся семь лет своей жизни много еще пришлось Бетанкуру поездить и поплавать по России. В докладе императору он писал: «По многим рекам, которые могли бы быть судоходны, не производится плавания… дороги, будто бы устроенные, на самом деле вовсе неудобны для проезда, и, наконец, целые области остаются незаселенными по недостатку путей сообщения…». Интересно, что аналогичному выводу относительно дорог пришел и Н. В. Гоголь, упомянув, правда, еще одну немаловажную причину бед России.

Строительство нижегородской ярмарки, строительство Исаакиевского собора, где он руководил своей технической частью, конечно, утомляли уже немолодого человека. И все же: «В жилах у старика еще пылал жар раскаленного неба, под которым он был рожден, и, как все вспыльчивые люди, имел он доброе сердце и веселый нрав. Ума у него была пропасть, разговор его был занимателен», – так писал о нем один

из сослуживцев.

Скоро откроются торговые залы на Манежной площади, откроется снова обновленный фасад манежа и хорошо было бы, чтобы на этом фасаде появилась и обновленная мемориальная табличка с именем Августина де Бетанкура.

Июнь 1997 г. Фото из архива автора.

На Манежной площади

Останкино
Белая сказка колонн

«Я люблю этот очерк
Растрелли,
Эту белую сказку колонн,
Эти старые дубы и ели
И ночной золотой небосклон…»
С. Копыткин, 1915 г.

«Украсив село свое Останкино и представив оное зрителям в виде очаровательном, думал я, что, совершив величайшее, достойное удивления и принятое с восхищением публикою дело, в котором видны мои знания и вкус, буду всегда наслаждаться покойно своим произведением», – писал в завещании сыну граф Николай Петрович Шереметев. Дело граф совершил величайшее, но наслаждаться покойно ему довелось недолго.

Еще в Кускове, при жизни отца своего, Петра Борисовича, графу Николаю Петровичу были отданы в его распоряжение театр и театральная труппа. Тогда граф увлекся Прасковьей Ковалевой, дочерью крепостного кузнеца, взятой в господский дом за музыкальные способности и приятную внешность. Она была воспитана княжной М. М. Долгорукой, племянницей графа Петра Борисовича, жившей у них в доме,

научилась иностранным языкам и театральному искусству и стала актрисой шереметевского театра – известной под именем Прасковьи Жемчуговой.

Через несколько лет после смерти отца граф Николай Петрович, не любя, по-видимому, докучливого внимания соседей к своей личной жизни, решил строить свой дворец с современным, по тем временам, театром, выбрав для этого Останкино.

В Останкине, перешедшем к Шереметевым от князей Черкасских в качестве приданого за матерью графа Николая Петровича, стояла Троицкая церковь XVII века, построенная крепостным архитектором Павлом Потехиным, на берегу пруда был старый дом боярский, а в парке – «воксал» для танцев и маскарадов.

Дворец строился долго, в несколько этапов. Основной его частью был театр. Архитекторы Кампорези, Кваренги и свои крепостные зодчие графа Миронов, Аргуновы, Дикушин создали великолепный дворец-театр, считающийся одним из высших достижений московского классицизма.

Первым большим праздником в Останкине был прием 30 апреля 1797 года императора Павла I. Звучали литавры, играл роговой оркестр, императора приветствовали торжественной кантатой.

Наслышанный о великолепном приеме, заинтересовался Останкиным польский король Станислав Понятовский и «приглашенный обер-гофмаршалом графом Шереметевым

прибыл к 7 часам вечера со всей своей семьей и свитой в Останкино». В тот день было приглашено 358 «российских господ и иностранных министров».

Исполняя должность обер-гофмаршала, граф должен был постоянно бывать то при дворе в Петербурге, то в окрестностях его, но в 1801 году в Останкине устраивается еще один роскошный праздник уже в честь нового императора Александра I. В этом же году состоялось бракосочетание графа Шереметева и бывшей крепостной актрисы (она уже получила «вольную») Прасковьи Жемчуговой в Москве, в церкви Симеона Столпника на Поварской. После этого супруги жили в Петербурге, а в Москве уже началось сооружение по инициативе Прасковьи Ивановны Странноприимного дома. Но, пока шло строительство, другие события изменили жизнь и планы графа Шереметева.

3 февраля 1803 года родился сын графа Дмитрий, а через двадцать дней радость сменилась глубокой печалью – не стало Прасковьи Ивановны. На другой день после смерти жены граф известил обо всем Александра I, и только после признания сына своим наследником сообщил об этом своим родным. Странноприимный дом (ныне – Институт скорой помощи им. Склифосовского) стал теперь для графа мемориальным.

В 1809 году, пережив свою Прасковью на шесть лет и закончив «величайшее дело», умер и граф Николай Петрович Шереметев. Останкино же продолжало жить своей дворцо-

вой жизнью.

Сейчас в музее-усадьбе Останкино дворец частично закрыт на реставрацию, но можно посетить павильоны и парк.

Август 1998 г. Фото из архива автора.

Останкинский дворец

Подколокольный переулок На Хитровке

«Большая площадь в центре столицы, близ реки Яузы, окруженная облупленными каменными домами, лежит в низине, в которую спускаются, как ручьи в болото, несколько переулков. Она всегда курится», – так описывал В. А. Гиляровский Хитровку в книге «Москва и москвичи».

«Дядя Гиляй» за свою долгую журналистскую практику хорошо изучил историю и быт Хитровки. С тех пор, конечно, эти места изменились, но с помощью москвоведов можно еще воочию ознакомиться с хитровской страницей истории Москвы.

С XV века известно урочище Подкопаево, такое название получившее, как предполагают, потому что здесь под горой копали глину. Пройдя с Солянки в Подколокольный переулок, увидите по левой стороне церковь Николы Чудотворца в Подкопаях. Церковь горела в 1812 году и была восстановлена только в 1859 году, к тому времени Хитров рынок стал постепенно превращаться в Хитровку. А площадь образовалась после того, как генерал-майор Н. З. Хитрово скупил опустевшие после пожара 1812 года места, которые через десять с лишнем лет были замощены для устройства рынка.

За церковью в Подколокольном переулке находится длин-

ный двухэтажный дом № 11, который был известен как ночлежный дом Ярошенко. Еще раньше здесь была усадьба Боборыкиных. Во времена Хитровки в усадебном доме, во дворе, ютились переписчики театральных ролей, сюда приводил Гиляровский артистов МХАТа перед постановкой пьесы Горького «На дне». На углу дома № 11 был трактир «Каторга».

На другой стороне Подколокольного переулка начинаются переулки Певческий, идущий к Солянке, и затем Петропавловский – к Яузскому бульвару. Дом № 1/2, выходивший на угол между этими переулками, назывался «Утюгом», по-видимому, из-за его формы. За ним стояли трехэтажные корпуса «Сухого оврага», а все вместе называлось «Свиным домом».

Статский советник Свиньин Павел Петрович жил по певческому переулку в доме № 24, на углу Солянки. На другом углу Певческого переулка стоял один, для дворни и служб, дом генерала Хитрово, а другой дом генерала, в котором жил он сам, дом № 39, был на Яузском бульваре. Теперь нумерация домов другая, а дом генерала на Яузском бульваре стоит, как подсказали в местном отделении Общества охраны памятников, во дворе дома № 2 по тому же бульвару. Дом генерала обнесен забором, идут реставрационные работы. На углу Солянки и Певческого переулка сейчас пустырь, обнесенный проволочной изгородью, а за ним, ближе к другой церкви, Петра и Павла, старинный двухэтажный дом, возможно,

из владений Свиньина. «Кулаковкой» же эти места назывались по фамилии бывшего буфетчика «Каторги», затем разбогатевшего и ставшего почетным гражданином.

Кулаков купил усадьбу в селе Константинове, где родился Сергей Есенин, и где часто жила дочь Кулакова, Лидия Кашина, ставшая прототипом Анны Снегиной.

По Петропавловскому переулку напротив «Утюга», были трактиры «Пересыльный» и «Сибирь». В «Пересыльном», – как писал Гиляровский, – собирались бездомники, нищие и барышники, в «Сибири» – степенью выше – воры, карманники и крупные скупщики краденого, а выше всех была «Каторга» – притон буйного и пьяного разврата, биржа воров и беглых».

В 1923 году Хитровка прекратила свое существование. Самую же главную трущобу «Кулаковку» с ее подземными притонами в «Сухом овраге» по Свиньинскому (теперь Певческому) переулку и огромным «Утюгом» срыли до основания и заново застроили (или перестроили).

Так что теперешний дом № 1/2 – это уже не тот «Утюг», а посреди бывшего Хитрова рынка стоит здание электромеханического техникума, и лишь Хитровский переулок своим названием напоминает о той поре. А ведь можно было бы с целью сохранения истории Москвы воссоздать обстановку того времени, заново открыть, по возможности в тех же, еще уцелевших, домах, трактиры с теми же колоритными народными названиями, а вместо ночлежек устроить комфорта-

бельную гостиницу. От туристов и посетителей-москвичей отбою бы не было.

Февраль 1998 г. Фото из архива автора.

Подколокольный переулок, дом 11

Царицыно
Двухсотлетний долгострой

Местность, где расположено Царицыно, раньше была известна под названием «Черная Грязь» и входила в состав дворцовых земель Коломенского.

При царе Борисе Годунове здесь был создан каскад прудов. Земли в верховьях прудов Годунов отдал своей сестре Ирине, а в нижней части прудов основал село Борисово как оборонный пункт против ожидаемого нашествия врагов. В Борисове был когда-то и дворец Бориса Годунова.

В 1633 году по указу царя Михаила Федоровича эти земли были проданы окольничему Лукьяну Степановичу Стрешневу. Через полвека сельцо Черная Грязь вошло во владения Ивана Федоровича Стрешнева, который выстроил церковь Богородицы. Село стало называться Богородским. Со временем боярин Стрешнев отдал сельцо внуку, князю Алексею Васильевичу Голицыну, сыну князя Василия Васильевича Голицына.

После стрелецкого бунта, падения Софьи и ссылки Голицыных, поддерживавших царевну, село было подарено Петром I Дмитрию Константиновичу Кантемиру. Его сын, Антиох Кантемир, известен как автор первых русских сатир.

В 1775 году Екатерина II купила село Черная Грязь у наследников Кантемира и переименовала его в Царицыно.

Для празднования годовщины победы над Турцией, в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира Екатерина повелела своему архитектору В. И. Баженову построить на Ходынском поле увеселительные сооружения, изображавшие отвоеванные города. Ходынские праздники длились более двух недель. После окончания праздников императрица поручила Баженову составить проект ее резиденции в Царицыне в стиле понравившихся построек на Ходынском поле. Затем она покинула Царицыно и не приезжала туда десять лет.

В 1784 году московский главнокомандующий Я. А. Брюс, посетивший Царицыно, писал Екатерине II: «Вид же Царицына при въезде так хорош и приятен и великолепен, и паче в своем особом роде как истинно для глаз так приятного я не видел».

В начале 1785 года почти все постройки были готовы к осмотру Екатериной.

Но императрица не одобрила царицынский ансамбль. В январе 1786 года В. И. Баженов был отстранен на год от службы, а через два года и вовсе уволен. Предполагают, что возможной причиной опалы была его дружба с неугодным Екатерине издателем и журналистом Н. И. Новиковым. Или что дворец Павла был такой же, как и дворец самой императрицы. Или что лестницы показались узки, а окна малы…

В марте 1786 года был дан указ о разборке дворцов Екатерины и Павла, а в июле уже состоялась закладка нового

дворца по проекту М. Ф. Казакова. Новый дворец строился тоже долго, все финансов не хватало, а после смерти Екатерины в 1796 году строительство и вовсе было прекращено.

Однако с годами популярность Царицына стала возрастать. В начале XIX века здесь бывали поэт П. А. Вяземский и поэт П. В. Киреевский, который даже написал произведение под названием «Царицынская ночь». Гостил у Киреевского и поэт Н. М. Языков.

Была даже открыта царицынская гостиница, где «для приезжающих со своей провизией имелся очаг с плитою и разною посудою».

Царицынские пруды описаны И. С. Тургеневым в романе «Накануне». Здесь жил на даче Леонид Андреев. Наведывался драматург А. Н. Островский. Приезжали А. П. Чехов и О. Л. Книппер, чтобы осмотреть дом, который им предлагали купить.

После революции в одном из павильонов с 1927 по 1932 год размещался художественно-краеведческий Музей искусства народов СССР, на основе его в 1994 году создан Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно».

Действует теперь и церковь «Божией Матери Живоносный источник», построенная в 1722 году на месте деревянной.

…Прошло уже два века со времени Екатерины II, а царицынский ансамбль так и остался незавершенным. Реставра-

ция не поспевает за разрушением. Неужели так и останется творение двух великих русских архитекторов в разряде вечной «незавершенки»?

Апрель 1996 г. Фото из архива автора.

«Незавершенка» в Царицыне

И далее

«Трем самозванцам жена…»

Четвертое ноября – день освобождения Москвы от поляков в 1612 году. Долгое время на Руси этот день отмечался как праздник Казанской иконы Божией Матери, заступницы за Русь во время Смутного времени. В том Смутном времени начала XVII века менялись, как в калейдоскопе, цари-самозванцы Московского государства, но одна «странная красавица» до конца своей краткой жизни все считала себя «царицей московской».

В Коломенском краеведческом музее, отметившем недавно свое семидесятилетие, находится написанный неизвестным художником портрет Марины Мнишек. На холсте указан год – 1609. Прижизненный портрет. Высокий лоб, крутые брови, продолговатый нос и тонкие губы, как бы готовые к усмешке.

«Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов
Любви речей не буду слушать я…».

Так отвечала она в пушкинской трагедии «Борис Годунов» на любовные речи самозванца.

1605 год. Умирает внезапной смертью царь Борис Годунов, убиты царица Мария и их сын, царь Федор, «народ безмолвствует». Царский трон занял молодой самозванец.

Юрий Отрепьев происходил из дворянской семьи, состоял на службе у Романовых. После опалы Романовых постригся в монахи с именем Григорий. Еще в Чудовом монастыре решился выдать себя за царевича Дмитрия, убиенного в Угличе, и сбежал в Литву, где получил поддержку и познакомился с дочерью воеводы Юрия Мнишека. В 1605 году во главе польских отрядов овладел Москвой и объявил себя русским царем.

У нового царя планы обширные, дел государственных много, да и прочие заботы одолевают – кого наказать, кого помиловать, кому пообещать. А наобещал он, еще будучи в Самборе у Мнишеков и в Кракове у короля Сигизмунда III, многое. Королю польскому и воеводе Юрию Мнишеку, отцу Марины, – земли Чернигово-Северские и Смоленщину, Марине – земли Новгородские и Псковские, Московию же самозванец и вовсе обещал за год-другой обратить в католическую веру.

Между тем дела государственные шли у Лжедмитрия неважно. Боярская оппозиция была сильна. Не для того бояре погубили Годуновых, чтобы долго терпеть на троне самозванца. Опасаясь за свою шаткую власть, Лжедмитрий спе-

шил исполнить одно из своих обещаний и жениться на панне Марине, а заодно и получить военную поддержку с помощью воеводы Юрия Мнишека.

В ноябре 1605 года торжественно отпраздновали помолвку Марины и Лжедмитрия в Кракове. Царя представлял дьяк Афанасий Власьев. На вопрос кардинала, не давал ли царь обещания другой женщине, дьяк ответил: «А мне как знать, о том мне ничего не наказано».

Самбор – Москва

Весной 1606 года Марина с отцом и другими родственниками в сопровождении большой свиты-войска (около двух тысяч численностью) пересекла русскую границу. В местечке Красном их ожидали встречающие с князем Василием Мосальским и «дядей» царя Михаилом Нагим. В Смоленске дворяне подносили хлеб-соль, дарили соболя. В начале мая Марина со свитой прибыла в Москву. Карета, запряженная двенадцатью лошадьми, въехала в Кремль.

В четверг, восьмого мая, в Кремль стали съезжаться бояре и приглашенные паны, толпами сходился народ. В этот день по церковным обычаям не венчали: следующий день (пятница) был праздником святого Николая. «А у Гришки свадьба в четверток была».

Две боярыни повели Марину в Столовую избу. Она шла в русском бархатном платье, так густо украшенном жемчугом и драгоценными камнями, что и цвет бархата трудно бы-

ло разглядеть. Здесь молодых обручили, и они поменялись кольцами. Потом повели их в Грановитую палату.

В Грановитой палате боярин Василий Шуйский говорил приветственную речь: «…Божиею милостью, ваше цесарское обручение совершилось ныне, и вам бы, наияснейшей и великой государыне нашей, по Божией милости и изволением великого государя нашего, его цесарского величества, вступити на свой цесарский маестат и быти с ним, великим государем, на своих преславных государствах».

Затем молодые направились в Успенский собор, и патриарх торжественно короновал невесту. Так Марина Мнишек, еще не став венчанной супругой царя, стала царицей. И только после коронации патриарх обвенчал царя и царицу по православному обряду. Но православия Марина принимать и не собиралась. Сам же Лжедмитрий еще раньше тайно принял католичество.

Быстро прошли девять дней царствования Марины. Утром 17 мая Марину разбудил колокольный звон – начался боярский переворот. Лжедмитрий был убит, Марину тогда или не нашли (говорили, что она спряталась под пышным платьем одной из своих придворных дам, поскольку росту была небольшого), или не тронули. Впрочем, у народа другая версия ее спасения:

«А злая его жена, Маринка-безбожница,
Сорокою обернулася,

И из палат она вон вылетала».

Сотни и даже до тысячи, по различным данным, убитых поляков и русских, разграбленное имущество – результат погрома, который с трудом остановили бояре. Семейство Мнишеков заключили под стражу, отобрали все подарки Лжедмитрия, и в конце лета пленников выслали в Ярославль.

Ярославль – Москва – Тушино

Пока Юрий Мнишек с дочерью, сыном, братом, племянником, слугами и частью уцелевших после погрома поляков проживал в ярославской ссылке, а спешно выбранный «боярский царь» Василий Шуйский воевал с крестьянскими отрядами под руководством Болотникова, объявился новый самозванец, известный в истории как Лжедмитрий II.

Разбив в мае 1608 года под Волховом войска Василия Ивановича Шуйского, он подошел к Москве и встал лагерем в селе Тушино, где было сформировано правительство из русских феодалов и приказных бояр. И вновь на историческую арену выводится Марина Мнишек.

Летом того же 1608 года пленных поляков привезли из Ярославля в Москву. Здесь Марина, согласно составленному договору, должна была отказаться от титула «московской царицы», после чего пленников отпустили на родину. Казалось бы, приключения Марины на Руси на этом заканчивались. Но по дороге их перехватил отряд нового самозванца

и доставил в подмосковное Тушино.

Марине предложили «узнать» в новом самозванце своего прежнего мужа, якобы чудесно спасшегося от казни. Отцу Марины «тушинский вор» пообещал за содействие триста тысяч рублей и Северские земли в придачу. Сторговались. Отдал воевода Сандомирский, управляющий королевским имением в Самборе и сенатор Речи Посполитой, одну из своих дочерей заведомому самозванцу, мошеннику и авантюристу, имени которого даже не сохранилось в истории. Впрочем, без одобрения католической церкви тут не обошлось – есть известие, что иезуит обвенчал их тайно, для успокоения совести.

Наступала зима, отец Марины уехал в Самбор, тушинцы вырыли землянки, поставили избы, соорудили и просторные палаты для Марины со слугами. Дочь писала отцу: «Нахожусь в печали как по причине вашего отъезда, так и потому, что простилась с вами не так, как бы хотела; я желала получить из ваших уст родительское благословение, видно, я того не достойна…» Но на ее письма отец не отвечал, на что он не дал родительского благословения – не ясно, может быть, такой брак с самозванцем даже ему не понравился, а возможно, он понял, что ни денег, ни Северских земель ему не видать, и утратил интерес к русскому лже-царю.

Нарастала национально-освободительная борьба на территориях к востоку, северу и северо-западу от Москвы. Король Сигизмуид III объявил войну и осадил Смоленск. Часть

поляков и русских вступили в переговоры с королем, собираясь передать ему самозванца.

Дмитров – Калуга

Следующей зимой Лжедмитрий II бежал от своего разноплеменного, бунтующего и требующего жалованья войска в Калугу. Марина тоже приготовилась к бегству, но прежде снова занялась письмами. Писала польскому королю Сигизмунду III, узнав о его вступлении с войском на русскую землю, жалуясь, но при этом напоминая о своем праве на престол: «…Всего лишила меня превратная фортуна, одно лишь законное право на московский престол оказалось при мне, скрепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех государственных московских чинов…» Не для этого ли якобы «законного права» и коронация Марины совершалась прежде, чем брачное венчание.

В письме, оставленном тушинскому воинству, она написала: «…Уезжаю для защиты доброго имени, добродетели, сана – ибо, будучи владычицей народов, царицей московской возвращаться в сословие польской шляхтенки и становиться опять подданной не могу…» Вот она, вероятно, истинная причина «невозвращения» Марины.

Вместо Калуги Марина попала в занятый тогда еще тушинскими поляками Дмитров. Здесь, явившись на крепостную стену, она вдохновляла тушинское войско при штурме

города отрядом царского воеводы Скопина-Шуйского и помогавшего ему шведского наемника Делагарди. Несмотря на «геройское» поведение Марины, Ян Сапега, предводитель тушинских поляков, посоветовал ей вернуться домой, к отцу и матери. Но «царица московская», заказав себе алый бархатный кафтан, сапоги со шпорами, пару пистолетов и саблю, отправилась в сопровождении казаков в Калугу.

Тушинский лагерь распался, но недолгой была передышка для Москвы. Со стороны Можайска к Москве подходило войско польского короля Сигизмунда. «Тушинский вор», ставший теперь «калужским», двинул свои войска на Серпухов. Затем, ограбив под Боровском Пафнутьевский монастырь, самозванец обосновался в Николо-Угрешском монастыре. Оставив здесь Марину, «вор» двинулся дальше и занял село Коломенское. Москва оказалась в критическом положении, только не было уже в живых лучшего царского воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, чтобы спасти Москву и царя Василия.

В поле за Серпуховскими воротами состоялось народное собрание с участием бояр и патриарха Гермогена. По решению собрания бояре отправились к царю бить челом, чтобы оставил царство. Пришлось Василию Шуйскому переселиться из царских палат в свой княжеский дом. Но этим дело не ограничилось. Зная хитроумие своего царя, бояре приказали постричь Шуйского и его жену в монашество. Корону решили, по старой еще задумке, вручить польскому королеви-

чу Владиславу с условием, что он примет православную веру, а затем с помощью польского войска отбиться от «вора». Наступило время «семибоярщины».

Польский гетман Жолкевский и бояре московские составили договор и организовали принятие народом присяги королевичу Владиславу. «Царику», как еще называли «тушинского вора», гетман предложил от имени своего короля на выбор города Самбор или Гродно. И тут опять на исторической сцене появляется Марина Мнишек со словами: «Пусть король Сигизмунд отдаст царю Краков (то есть тогдашнюю столицу), а царь ему из милости уступит Варшаву».

После этого заявления пришлось «царику» вместе с Мариной и верными казаками бежать от перешедшего в наступление гетмана опять в Серпухов, а затем в Калугу. В Москву вошло впущенное боярами польское войско. «Царик» был для бояр страшнее. Однако вскоре не королевичу Владиславу, а королю Сигизмунду готовы были отдать бояре Московское государство. Патриарх Гермоген воспротивился этому, обличал изменников в соборной церкви и был взят поляками под стражу.

Калуга – Тула – Коломна – далее везде

В Калуге у «царика» судьба оказалась такая же злая, как и у его предшественника. Лжедмитрий II был убит на охоте, Марина, в то время беременная, металась ночью с факелом по улицам, призывая к мести. И ведь отомстила, многих то-

гда поубивали казаки Заруцкого.

«Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Неродившая сына…»

Так писала о ней Марина Цветаева. И вот родила «Мнишка надменного дочь» сына, да только не «гордецу».

Теперь опекуном Марины и родившегося у нее сына стал бывший тушинец, казачий атаман Иван Заруцкий, примкнувший после гибели «вора» к ополчению Прокопия Ляпунова. Марина вместе с казачьим атаманом оказалась в Туле, где атаман собирал войско, обещая волю и жалованье.

Во время осады ополчением Прокопия Ляпунова Москвы, занятой поляками, Марина с сыном находились в Коломне. Когда к Москве подходило новое ополчение Минина и Пожарского, в Коломне появился атаман Заруцкий, сбежавший с частью своего войска от Москвы после неудачного покушения подосланных им убийц на князя Пожарского. Ограбив город и взяв с собой Марину с сыном, Заруцкий двинулся в Михайлов, а далее города и села замелькали перед глазами Марины.

В конце октября 1612 года Москва была, наконец, освобождена от поляков. В Китай-город торжественно внесли икону Казанской Богородицы, а через три дня после того,

как отворились все ворота Кремля, отслужили в Успенском соборе благодарственный молебен.

В июле 1613 года венчался на царство Михаил Романов. Еще по дороге в Москву царь назначил князя Ивана Одоевского на борьбу с атаманом Заруцким. Под Воронежом войско Заруцкого было разбито, он подался на Дон, а затем на Волгу и задержался в Астрахани. Астраханцы поднялись на атамана Заруцкого, на подмогу им подоспели стрельцы. После сражения на Волге Заруцкий с остатками своего войска и Марина сбежали на Яик и там, на Медвежьем острове, были настигнуты отрядом войска князя Одоевского. Казаки связали и выдали Заруцкого и Марину стрельцам.

Маринкина башня

Восемь лет назад молодая (лет восемнадцати) царская невеста торжественно въезжала в Москву в роскошной карете и в сопровождении многочисленной свиты. Но летом 1614 года въезд был иным, и путешествие закончилось трагически. В Москве казнили атамана Заруцкого и маленького сына Марины, так и не узнавшего, что его провозглашали наследником престола.

«Москвы струя лишь озарится
Небесных пламеней золой,
Марина, русская царица,
Острога свод пронзит хулой.

"Сыну, мой сыну! Где ты? "
Ее глаза мольбой воздеты,
И хохот, и безумный крик,
И кто-то на полу холодном
Лежит в отчаяньи бесплодном».

Марина «умерла в тюрьме, с горя – по московским известиям, а по польским – была утоплена или задушена».

Но не случайно в Коломенском краеведческом музее находится портрет Марины Мнишек. По преданию, Марину тогда доставили в Коломну и заточили в башню Коломенского кремля, которая прозвана была со временем «Маринкиной».

В краеведческом музее можно также узнать из документов, находящихся в экспозиции, что в 1903 году два археолога из Петербурга провели раскопки в Маринкиной башне. Здесь «на полу холодном», как изобразил В. Хлебников, ничего не обнаружили, вывезли силами арестантов местной тюрьмы шестнадцать подвод земли, но никаких предметов, свидетельствовавших о пребывании в башне Марины Мнишек, не нашли. Впрочем, историки придерживаются и другого мнения относительно места ее заточения – Тула.

А. С. Пушкин писал про Марину Мнишек: «…Я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. Но, конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до

такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить… Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если Бог продлит мне жизнь…».

Прошли чередой российские самозванцы, закончилось «Смутное время», и затерялись следы «странной красавицы», которой очень хотелось царствовать в русском государстве.

Апрель 2005 г. Фото из архива автора.

Маринкина башня

«Мой край, задумчивый и нежный»

Константиново

Ближайшая к селу Константиново железнодорожная станция – Дивово. Отсюда в 1911 году Есенин впервые уехал в Москву.

Мой путь пешком от этой станции в Константиново через село Федякино длился уже около двух часов, наверное, Есенин ходил здесь более короткой дорогой. Впрочем, при станциях были извозчики, а Сергей, по воспоминаниям сестры Щуры, любил подъехать к дому не на едва семенящей лошадке, а на «лихаче», а то и на паре.

Наконец, вдали показалась главка церкви, затем пошла окраина села, обновленная современными особняками, а вот и, по правой стороне, дом Есениных.

«Низкий дом с голубыми ставням,
Не забыть мне тебя никогда, –
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года».

В Константиново Есенин приезжал почти каждое лето. В 1922 году во время большого сельского пожара дом сгорел. В это время Есенин и Айседора Дункан были за границей. Родители поэта, получив страховку за дом, купили малень-

кую избушку, а строиться начали только после возвращения Есенина.

Каменная Казанская церковь на другой стороне улицы, ближе к реке, построена была взамен деревянной в 1779 году при усадьбе князя А. М. Голицына. В ней венчались родители, крестили Сергея.

«Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест,
И забольная кукушка
не летит с печальных мест».

Священник Иван Яковлевич Смирнов охотно принимал в своем доме молодежь. Сергей был частым посетителем дома отца Ивана.

За церковью было старое кладбище с маленькой часовней, теперь отреставрированной, внизу – Ока. Простор.

«Синее небо, цветная дуга
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облекла частокол».

Школа чуть подальше на лугу, посреди улицы, рядом пасутся козы. Когда Сергей пошел в школу, семья объединилась, до этого Сергей был на воспитании у дедушки и бабуш-

ки по материнской линии, после ухода матери из дома свекрови.

В школе, земском четырехгодичном училище, учили читать и писать, проходили арифметику и грамматику, изучали закон божий. Учебный день начинался с «Отче наш».

«Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза».

Была неплохая школьная библиотека, хорошие учителя. в те школьные годы Сергей начал сочинять стихи.

Дальше тянулось, спускаясь к реке, имение помещицы Лидии Кашиной, молодой, образованной, каждое лето с двумя детьми приезжавшей в деревню.

«Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О, тонкая березка,
Что загляделась в пруд?»

После 1917 года она отдала свой дом и переехала в другую усадьбу, за рекой, эту усадьбу тоже отобрали. Но Лидия Кашина не эмигрировала, как Анна Онегина.

«”Скажите,
Вам больно Анна,
За ваш хуторской разор?”
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор».

В год окончания Сергеем сельской школы отмечалось 100-летие со дня рождения Гоголя. Каждый выпускник получил по четыре книжки Гоголя.

После семейного совета, на который пришел и священник, отец Иван, Сергей с матерью поехали в Спас-Клепики, определили Сергея в учительскую школу.

Спешно заканчиваются реставрационные и подновительные работы в Константинове. Ремонтируется фасад церкви, восстанавливается роспись. Кашинский дом с мезонином и сельская: школа готовятся принять экскурсантов, для литературно-мемориального музея-заповедника наступают горячие деньки – 100-летие со дня рождения поэта.

Спас-Клепики

По преданию, на которое ссылаются краеведы, название села Спас-Клепики связано с братьями-разбойниками Клепиковыми и церковью Спаса, построенной то ли самими разбойниками, то ли в честь их поимки и избавления от них.

В 1881 году в селе. согласно переписи. значилось 454 человека обоего пола. Расположенное на Московско-Саратов-

ском тракте село становится крупным торговым местом с красивыми, украшенными резьбой купеческими домами. Из промышленных предприятий была основанная в 1870 году ватная фабрика.

Спас-Клепиковская учительская школа была в теперешнем понимании интернатом. В двухэтажном здании жили и учителя и ученики. Здесь же в доме были классы для занятий.

Сменив многих предшественников, в этом доме в 1985 голу открылся музей, вернее отдел музея-заповедника С. А. Есенина в Константинове.

До Клепиков (село было переименовано в I920 году и стало городом) легко можно теперь доехать автобусом от Рязани, Есенину же приходилось, наверное, ездить лошадью или узкоколейкой, теперь заброшенной. По дороге – Солотча с монастырем, в котором Сергей, возможно, бывал с бабушкой по матери, Натальей Евтеевной, женщиной кроткой и набожной.

«Край ты мой заброшенный,
Край ты мой пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь».

А дальше по дороге – Криуши.

«Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики».

В Клепиках нашел я музей быстро, жители про музей знали. На улице Свердлова (почему не Есенина?) за оградой стояло знакомое по путеводителю двухэтажное здание, а рядом еще одноэтажный деревянный дом – церковно-приходская школа, бывшая.

Сотрудники музея показали мне, единственному в это раннее время посетителю, экспозицию музея.

Любимый учитель Сергея по русскому языку и литературе, Евгений Михайлович Хитров, жил на первом этаже: кабинет, гостиная, столовая и кухня с печью с двумя затопами – на первом этаже и на втором, где жил учитель Гусев и священник.

В мемориальном классе Есенина стоят парты, учительская кафедра, шкафы с чучелами птиц, большие напольные счеты. На стене – портреты поэтов Жуковского и Некрасова, слева от классной доски – икона.

На стенде фотографии, свидетельство об окончании Есениным Спас-Клепиковской учительской школы.

В комнате общежития – три металлических кровати, сундучок, портрет Есенина.

Будущие учителя изучали около 12 предметов, например,

на понедельник такое расписание: русская история, русский язык, география, геометрия, закон божий.

Нравы в учительской школе были такие, что, хоть и был Сергей бойким парнем, но хотел школу бросить, да дома уговорили вернуться. Потом привык, стал веселым и жизнерадостным, писал стихи.

Особенно усердно занимался литературой, много читал. По воспоминаниям Е. М. Хитрова, у него не было более жадного слушателя при чтении в классе «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова».

И еще был у Сергея хороший друг – Гриша Панфилов. На фото 1911 года Сергей рядом с Гришей, а фотографии выпускников 1912 года, когда закончил школу Сергей, нет – класс, наверное, был недружный.

Гриша прожил недолго – он был болен чахоткой, Ему не довелось порадоваться за друга, когда вышла первая книга стихов Есенина «Радуница». Но «Доброму старому учителю Евгению Михайловичу Хитрову…» Есенин эту книгу послал. И когда летом 1925 года приезжал в последний раз в Константиново, снова присылал поклон.

«Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный.
Кудрявый сумрак за рекой
Рукою машет белоснежной…

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!».

Как трудно оторваться от есенинских строк.
Сентябрь 1995 г. Фото из архива автора.

Дом Есениных в селе Константинове

Братья Баташовы

В 1759 году Андрей и Иван, сыновья тульского заводчика Родиона Ивановича Баташова, построили с позволения Берг-коллегии на реке Гусь чугунолитейный завод. Это был второй завод, первый – на реке Унже, впадающей, как и Гусь, в Оку. Братья скупали земли и деревни вместе с крепостными, строили заводы. В 1783 году решили разделиться. Гусевский завод достался старшему – Андрею.

После раздела имущества братья, теперь еще и «восстановленные» в дворянских правах, продолжали свое дело. К концу XVIII века, как сообщается в Рязанской энциклопедии, им принадлежало 13 действующих заводов. В 1800 году на долю Баташовых приходилось 1123 тысячи пудов чугуна из 9788 тысяч пудов чугуна, выплавляемого в России, или 11,6 процента. По выплавке чугуна заводы Баташовых были на третьем месте после Демидовых и Яковлевых.

Но это статистика более позднего времени, а в те годы, после раздела, Андрей переехал из Выксы, что в муромских землях, где они жили с братом при Выксунском заводе, в село Веркутец при Гусевском заводе, где и выстроил свою усадьбу, «дом каменный, о двух этажах, с флигелями при нем и прочими многими службами, садом и в саду беседками и ранжереями».

Существуют легенды об образе жизни и страшных тай-

нах «жестокого феодала» Андрея Родионовича Баташова, в подземельях которого якобы чеканились деньги и сгинуло потом без следа 300 рабочих. Один из современников оставил колоритное описание портретного облика Андрея Родионовича: «Строгие черты полного бритого лица с коротко остриженною головою так и выдвигаются с холста; как живые смотрят эти большие круглые глаза из-под нахмуренного, с глубокой поперечною складкою большого лба».

Андрей Родионович умер в 1799 году, не оставив завещания. Хозяином в усадьбе, выжив мачеху (вторую жену Андрея Родионовича), становится старший сын, тоже Андрей. При нем, как считают историки, и была начата постройка Троице-Никольской церкви. Архитектор неизвестен, но есть предположение, что это был проект В. И. Баженова.

Наследники судились, умирали, хозяйство разваливалось. В 1821 году была даже учреждена опека. В 1835 году был произведен раздел имущества. Гусевский завод достался сыну Андрея Родионовича и его второй жены Матрены Егоровой – Ивану Андреевичу, который не пожелал перебираться в Гусь и дожил свой век в Петербурге. Но сын его, Мануил Иванович, поселился в старой усадьбе и успешно продолжил дело своего деда.

До сих пор еще жива в народе память о Баташихе. Ей, жене Зинаиде Владимировне, завещал в обход сына свои заводы Мануил Иванович. Зинаиду Владимировну расстреляли в 1918 году «за активное и пассивное выступление против

Советской власти». Ей было тогда 75 лет.

Сейчас в усадьбе Баташовых детский санаторий. Отрадно, что там висит на стене фотостенд, на котором можно увидеть плотину с образовавшимся озером, усадебные постройки и даже фотографию, по-видимому, самого хозяина усадьбы, без надписи. Восстанавливается постепенно двухэтажная Троице-Никольская церковь, в которой уже семь лет идут службы.

Несколько иначе сложилась жизнь младшего брата Ивана Баташова. После раздела имущества он остался жить в Выксе, где в усадьбе был прекрасный драматический театр, в котором выступали даже заезжие столичные актеры. Театр стал одной из причин развала баташовского хозяйства. Тяжкое бремя управления заводами пришлось нести Ивану Родионовичу после раздела со старшим братом. Раньше Иван Родионович часто жил в столице для ведения коммерческих дел. Наверное, из деловых соображений он и построил себе в Москве великолепную городскую усадьбу. Если от театра на Таганке идти вниз по Яузской улице к Солянке, то по правой стороне за Тетеринским переулком начинается территория городской больницы. Через въездные ворота с колоннами и львами наверху виден великолепный трехэтажный дом в стиле классицизма. Это и есть главный усадебный дом Баташова. Построен он по проекту Р. Казакова крепостным архитектором М. Кисельниковым в 1798–1802 годах.

Сыновья Ивана Родионовича умерли еще при жизни его.

От сына его Ивана осталась дочка Дарья, которую дед выдал замуж за генерала Д. Д. Шепелева.

Историк М. И. Пыляев писал о Шепелевых: «Из больших московских модниц в то время была жена Д. Д. Шепелева, известного впоследствии героя отечественной войны; про эту модницу пел бульварный борзописец следующее:

По дороге из Москвы в Касимов последняя большая автобусная остановка – Гусь-Железный. Автобус проезжает по мосту через речку Гусь и останавливается на площади возле громадного храма. Это Троице-Никольская церковь. Немного дальше за оградой – старинный усадебный дом. В этом городке, застроенном невысокими зданиями, храм на высоком берегу Гуся виден издалека.

Дольше взоры поражает
Блеск каменьев дорогих…
Шепелева то блистает
В пышных утварях своих…»

После кончины Ивана Родионовича в 1821 году Дарья получила все богатство деда, генерал Шепелев стал управлять имением. Вместо старого баташовского театра он построил в Выксе каменный оперный театр. Сначала заводы еще продолжали работать и даже стали специализироваться на художественном литье. Отливались, например, скульптуры для триумфальных арок Москвы и Петербурга.

Сын генерала, по-видимому, слишком увлекался операми, балами и маскарадами, так как к концу его управления остались миллионные долги. В 1846 году правительство учреждает опеку.

Историю рода Баташовых-Шепелевых в романе «Владимирские мономахи» описал граф Салиас де Турнемир, русский исторический романист XIX века. Нам остались заводы, усадьбы и память об этих русских предпринимателях.

Январь 1998 г. Фото из архива автора.

Троице-Никольская церковь